

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Серопегин Алексей Михайлович

**Информационная политика ведущих консервативных и либеральных
периодических изданий России по освещению кадровых решений Николая II
в 1894–1899 годах**

Специальность 5.6.1. Отечественная история

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук, доцент
Дмитрий Александрович Андреев

Москва – 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава 1. Пресса как пространство и средство политической коммуникации.....	32
1.1. Периодические издания во второй половине 1890-х гг.	32
1.2. Взаимодействие с Главным управлением по делам печати.....	58
1.3. Неформальные коммуникации с правящими кругами	83
1.4. Выводы.....	97
Глава 2. Пресса и внутренняя политика в 1894–1899 гг.....	99
2.1. Отставка А.К. Кривошеина и назначение М.И. Хилкова.....	99
2.2. Отставка И.Н. Дурново и назначение И.Л. Горемыкина	112
2.3. Смерть И.Д. Делянова и назначение Н.П. Боголепова	123
2.4. Отставка И.Л. Горемыкина и назначение Д.С. Сипягина	137
2.5. Выводы.....	150
Глава 3. Пресса и МИД в 1896–1899 гг.....	157
3.1. Отдельные аспекты освещения внешней политики в печати	157
3.2. Смерть Н.К. Гирса и назначение А.Б. Лобанова-Ростовского	167
3.3. Смерть А.Б. Лобанова-Ростовского	188
3.4. Назначение М.Н. Муравьева.....	212
3.5. Выводы.....	226
Глава 4. Пресса и перемены в управлении Морским и Военным министерствами в 1896–1899 гг.....	231
4.1. Отставка Н.М. Чихачева и назначение П.П. Тыртова	231
4.2. Отставка П.С. Ванновского и назначение А.Н. Куропаткина	236
4.3. Выводы.....	242
Заключение	244
Список использованных источников и литературы.....	254
Приложение	267

Введение

Научная значимость и актуальность темы исследования. Изучение отношений власти и прессы в первые пять лет царствования Николая II представляется важным ввиду того, что тенденции, заложенные в 1890-е гг., оказали влияние на последующее развитие политической коммуникации в России в условиях кризиса самодержавной государственности.

В отечественной и зарубежной историографии в последние десятилетия развивались дискуссии о взаимодействии самодержавия с бюрократическим аппаратом и общественностью. Важную роль в этой коммуникации с середины XIX в. начали играть средства массовой информации, способные как проецировать властную позицию на общественное сознание, так и оказывать влияние на важнейшие внутриполитические процессы. Стилистика принятия важнейших управленческих решений, начавшая вырабатываться Николаем II в период первых пяти лет его царствования, допускала внешние влияния (в том числе связанные с борьбой различных властных группировок)¹, что не могло не привести к увеличению роли СМИ во внутриполитических процессах.

В диссертации предпринято всестороннее исследование взаимного влияния внутренней политики и журналистской деятельности по ее освещению. Сравнительный анализ материалов консервативной и либеральной печати позволяет продолжить наметившуюся в постсоветской историографии тенденцию к переосмыслению устоявшихся определений консерватизма и либерализма. Предлагаемое в настоящей диссертации рассмотрение СМИ как пространства и средства политической коммуникации позволит уточнить ряд трактовок как политической истории, так и истории журналистики России указанного периода.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования является политическая коммуникация в Российской империи. Предметом является создание

¹ Андреев Д.А. Самодержавие и борьба в правительственных верхах в 1894–1904 гг.: дис. ... докт. ист. наук. М., 2022. С. 215.

и распространение текстов, претендующих на роль в формировании общественного мнения по поводу первых кадровых решений Николая II.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1894 по 1899 гг. Данный период занимает время правления Николая II со смерти Александра III в 1894 г. до ряда событий 1899 г., позволяющих говорить о завершении первого периода царствования последнего царя: острого династического кризиса, связанного со смертью наследника цесаревича великого князя Георгия Александровича и передачей права наследования престола великому князю Михаилу Александровичу без сохранения титула цесаревича, назначения на пост министра внутренних дел Д.С. Сипягина. Эти события свидетельствовали о начале нового этапа в управленческих практиках Николая II.

Территориальные рамки исследования связаны с объектом и предметом исследования и охватывают Москву и Санкт-Петербург, как места нахождения редакций основных периодических изданий и бюрократических учреждений.

Цель и задачи исследования. Целью работы является сравнительный анализ информационных кампаний российских консервативных и либеральных периодических изданий по освещению перемен в управлении ключевыми министерствами в конце XIX в. Для достижения данной цели необходимо решить следующие исследовательские задачи:

- определить роль прессы в политической жизни страны, реконструировать внутреннюю организацию и особенности периодических изданий;
- выявить каналы и характер формальной и неформальной коммуникации правящих кругов с редакторами и издателями периодических изданий;
- установить основные особенности освещения в прессе отставок и назначений руководителей МВД, Министерства путей сообщений и Министерства народного просвещения;
- объяснить вопросы отношений МИД России с периодической печатью, реконструировать информационные кампании, связанные с переменами в управлении внешнеполитическим ведомством;

– охарактеризовать освещение в печати кадровых перемен в Военном и Морском министерствах.

Методологическая основа исследования. Настоящая диссертация написана на основе фундаментальных принципов исторической науки – историзма и объективности.

Принцип историзма выражается в рассмотрении событий прошлого как целостных, последовательных и изменяющихся феноменов. Отношения власти и общества рассматриваются сквозь призму процесса бюрократизации государственного управления, который немецкий философ и историк М. Вебер характеризовал как «постепенную передачу княжеского самовластия профессиональному чиновничеству»². Нежелание последнего самодержца менять сложившиеся основы государственного устройства наряду со стремительно происходившими изменениями в структуре власти и общества стали причиной развития в 1890-е гг. новых методов, пространств и уровней политической коммуникации, т.е. взаимодействия субъектов политики «между собой и окружающей социальной средой, направленного на завоевание, удержание и использование власти, сохранение, укрепление или изменение существующих властно-управленческих отношений в обществе»³. Традиционным методом политической коммуникации оставался формальный, проявлявшийся, к примеру, в декларативно-манифестационных актах и официальном делопроизводстве государственных органов. Отдельным методом можно считать многочисленные репрезентационные практики самодержавия, блестяще рассмотренные американским историком Р. Уортманом⁴. Вместе с тем, сложная бюрократическая система благоприятствовала развитию неформальной коммуникации между бюрократами и представителями общественности. В условиях отсутствия публичной политики политическая коммуникация институционализировалась в

² Вебер М. Политика как призвание и профессия // Власть и политика. М., 2017. С. 269.

³ Грачев М.Н. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития. М., 2004. С. 17.

⁴ Уортман Р.С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. В 2 т. Т. 2. М., 2004.

форме политических салонов или сохраняла традиционные неинституционализированные формы (взаимные визиты, переписка, обмен слухами). Ведущим из новых пространств политической коммуникации стала периодическая печать, отражающая «общественное мнение», то есть «суррогат всеобщего голосования, пока таковое невозможно»⁵. Информационная политика каждого периодического издания определяла его цели и задачи, пути достижения этих целей, специфику и тематическую направленность издания, принципы отбора материалов, принципы подачи информации непосредственно потребителю⁶. Американский журналист и теоретик медиа У. Липпман сводил информационную политику к краткой формуле «серии выборов» – какой материал печатать, сколько места он должен занимать в газете, где он должен располагаться, какие акценты в нем необходимо сделать. Липпман видел основную цель информационной политики в приобретении прессой возможности создавать общественное мнение посредством возбуждения эмоциональной реакции читателя.

Принцип объективности сводится к рассмотрению событий и явлений прошлого в контексте того времени, когда они имели место. Потенциал прессы постепенно начал осознаваться самодержавием, бюрократией и общественностью. Французский социолог и историк Г. Лебон называл понимание массовой психологии и воздействие на общественное мнение «последним средством, имеющимся в руках государственного человека»⁷. При анализе зарождавшейся в России политической коммуникации с использованием прессы представляется оправданным применение классической линейной модели коммуникации американских теоретиков медиа Г. Лассуэлла⁸ и Р. Брэддока⁹. Модель предполагает

⁵ Соловьев К.А. *Res publica* в общественной мысли России (вторая половина XIX – начало XX в.) // *Res Publica: русский республиканизм от Средневековья до конца XX века* / Под ред. К.А. Соловьева. М., 2021. С. 611.

⁶ Липпман У. *Общественное мнение*. М., 2004. С. 329.

⁷ Лебон Г. *Психология народов и масс*. М., 2016. С. 156.

⁸ Lasswell H. *The Structure and Function of Communication in Society* // *The Communication of Ideas* / Ed. by L. Bryson. New York, 1948. P. 37–51.

⁹ Braddock R. *An Extension of the “Lasswell Formula”* // *Journal of Communication*. June 1958. Vol. 8. Issue 2. P. 88–93.

проведение анализа коммуникации через выяснение сведений об инициаторе сообщения, его намерениях, ситуации создания сообщения, используемых ресурсах и стратегиях, аудитории воздействия. Видится целесообразным разделить такую коммуникацию в печати на несколько уровней по направленности – на общество в целом, на политически активную общественность и, наконец, на самую властную придворно-бюрократическую корпорацию. В рамках настоящей диссертации интерес представляет последний уровень коммуникации, то есть взаимодействие одних властных групп с другими с использованием публичных медиапространств.

Цель и задачи исследования также позволяют реализовать историко-описательный и историко-типологический методы. Историко-описательный метод сводится к последовательному фиксированию характеристик и перемен реальности прошлого в ходе ее бытования во времени. На протяжении 1890-х гг. информационная политика периодических изданий и влияние высшей бюрократии на них приобретали содержательно новые черты. Историко-типологический метод заключается в систематизации событий и явлений прошлого на основе выявления свойственных им общих и особенных черт и характеристик. Информационные кампании в печати велись преимущественно похожими способами, но каждый из издателей и редакторов вносил в нее свою личностную специфику, не связанную с формальным идеологическим атрибутированием издания.

Степень разработанности темы исследования. Конец 1890-х гг. в историографии остается в тени политики контрреформ Александра III и последующих революционных потрясений.

В советской историографии исследования отдельных аспектов внутренней политики 1890-х гг. и связи процесса принятия политических решений с освещением этих решений на страницах средств массовой информации активно начались в 1970-е гг.

Одна из первых в советской историографии попыток анализа политических процессов, происходивших в период правления Александра III и первые годы

царствования Николая II была предпринята П.А. Зайончковским¹⁰. Исследователь большое внимание уделял изучению правительственной политики в конце XIX века, кроме того, обращался к вопросу о взаимоотношениях прессы и самодержавного правительства, подробно рассматривал вопрос о политической цензуре («ограничение круга вопросов, о которых разрешается писать» и «непосредственные преследования тех или иных органов печати») и затрагивал тему связи отдельных газет с политическими кругами (историк детально проанализировал переписку Победоносцева с Феоктистовым и описал механизмы воздействия обер-прокурора на печать в период 1880-х гг.). Тем не менее, автор уделял больше внимания репрессиям в отношении либерально-демократической печати. П.А. Зайончковский кратко описывал основные печатные органы 1880-х гг., включая «Московские ведомости» (упоминал «травлю ряда министров» на страницах газеты Каткова и собственную внешнеполитическую программу газеты), «Гражданин», «Русские ведомости» и «Вестник Европы». Исследователь сформулировал важные для настоящей работы выводы – «все взыскания как „Московским ведомостям“, так и „Гражданину“ имели по существу формальный характер», а также «несмотря на всевозможные благоприятные условия, создававшиеся для официозной прессы, она не приобрела того влияния, на которое рассчитывало правительство».

Б.В. Ананьич и Р.Ш. Ганелин¹¹ кратко рассмотрели вопрос коммуникации Министерства финансов и периодической печати, однако анализ так же, как и в работе Зайончковского, в основном ограничился периодом правления Александра III.

Ю.Б. Соловьев¹² предпринял попытку реконструкции отношений внутри высшей бюрократии, подробно проанализировал информационную поддержку,

¹⁰ Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х – начала 90-х годов). М., 1970. С. 267, 268, 279, 297.

¹¹ Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. И.А. Вышнеградский и С.Ю. Витте – корреспонденты «Московских ведомостей // Проблемы общественной мысли и экономическая политика России XIX–XX веков. Л., 1972.

¹² Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX в. Л., 1973.

которую оказывали в 1880-е гг. «Московские ведомости» и «Гражданин» некоторым мерам правительства. Ю.Б. Соловьев сделал довольно общий вывод о том, что «роль журналиста в самодержавном государстве несомненно была одной из самых парадоксальных и прямо рискованных ... никакая услужливость не давала полной гарантии благополучия, потому что всегда оставалась коренная несовместимость всей системы самодержавия как воплощения деспотизма и произвола, по самой своей сути, по всему своему общему безобразию не переносящей гласности и лучше всего себя чувствующей в полной темноте, со всем тем, что проливало хотя бы самый слабый свет на творимое властью».

В коллективном труде под редакцией Б.В. Ананьича¹³ были сделаны попытки выделить различные группировки в среде российской политической элиты, выяснить степень их взаимодействия с самодержавием, общественностью и друг с другом. Авторы уделили использованию придворными группировками средств массовой информации в своих политических интересах не так много внимания, отметили повышенное внимание С.Ю. Витте и К.П. Победоносцева к печати, вскользь упомянули информационные кампании «Московских ведомостей» и «Гражданина» против либеральных министров в 1880-е гг., а также полемику против С.Ф. Шарапова на страницах издания князя Мещерского в 1899 г. Отдельно была рассмотрена тема влияния князя Мещерского на правительственную политику в период министерства В.К. Плеве.

В позднесоветской и постсоветской историографии отмечался интерес к рассмотрению внутриполитических процессов через изучение персоналий ведущих бюрократов. В рамках такого рода работ подробно рассматривались вопросы взаимоотношений этих лиц с редакциями консервативных и либеральных изданий. Кроме того, в этих исследованиях анализировалась роль неформальных коммуникаций при принятии правительственных решений.

¹³ Кризис самодержавия в России. 1895–1917. Л., 1984. С. 132–136; Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 399–437.

Тема взаимоотношений Витте и редакций консервативных и либеральных изданий была развита Б.В. Ананьичем и Р.Ш. Ганелиным в монографии, посвященной С.Ю. Витте¹⁴. В работе были рассмотрены взаимоотношения Витте и периодической печати в период нахождения графа на посту председателя Совета министров в 1905–1906 гг. Авторы справедливо отмечали, что «влияние на русскую и иностранную прессу было для Витте важным во всех отношениях делом», и на своем посту он использовал печать «в своих собственных и общеправительственных интересах, подобно тому как он это делал на прежних постах». В его канцелярии «много времени уделялось разного рода сообщениям для газет», «он старался вести дело по-западному, изучая печать как выразительницу общественного мнения и воздействуя на него с ее помощью».

С.В. Самонов¹⁵ рассмотрел отношения Витте с редакциями ведущих периодических изданий, особенно с «Новым временем» и «Биржевыми ведомостями». Исследователь подробно на обширном материале (в том числе активно привлекая материалы публикаций в печати и личной переписки) реконструировал деловые отношения министра финансов с издателями и редакторами ведущих периодических изданий и сделал выводы об уровне отношений каждого из них с Витте. Выводы автора о связи «Биржевых ведомостей» и «Нового времени» с Витте, а также об особенностях их информационной политики и различиях в позиционировании частично дополняются и развиваются в настоящем исследовании с использованием новых источников (в частности, полностью введенных в русский научный оборот воспоминаний Проппера, доступных в 2007 г. только на немецком языке).

А.Ю. Полунов разобрал коммуникацию К.П. Победоносцева с консервативными издателями и публицистами, в частности, с редакцией «Московских ведомостей» и князем Мещерским. В исследовании были подробно

¹⁴ Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб, 2000. С. 37–127, 335–384.

¹⁵ Самонов С.В. Министр финансов С.Ю. Витте и его политика в общественном мнении России (1892–1903 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2007.

рассмотрены особенности взаимодействия Победоносцева с редакциями «Московских ведомостей» и «Гражданина». Автор считал, что обер-прокурор рассматривал печать «как последний шанс повлиять на общественную жизнь страны», что, впрочем, не увенчалось успехом.

Серьезным этапом в разработке проблематики отношений в среде высшей бюрократии стала монография О.Е. Голечковой¹⁶. Внимание исследовательницы было сосредоточено на том, что, как и почему становилось объектом обсуждения и пристального внимания бюрократов, входивших в круг Половцова. О.Е. Голечкова изучала блок вопросов, связанных с проблемами отставок и назначений ключевых политических фигур, анализировала роль неформальных коммуникаций (в которые как раз и входило использование средств массовой информации) в функционировании самодержавной власти и при принятии правительственных решений, отдельно отмечая деятельность князя Мещерского.

В последние годы намечается возврат к изучению политических и общественных институтов в рамках обобщающих работ, включающих в себя, вместе с тем, детальный анализ ранее не исследовавшихся сторон деятельности самодержавия, бюрократии и общественности.

Общие тенденции поисков самодержавной власти в области государственного управления во второй половине XIX в. разобраны в монографии И.Е. Барыкиной¹⁷. Предметом исследования являлись проекты модернизации министерской системы в царствования Александра II и Александра III, в том числе экстраординарные институты управления (комиссии и манифесты). Отдельно в работе разбирается вопрос о создании Главного управления по делам печати в 1865 г. Важным для настоящей работы стал подробный анализ

¹⁶ Голечкова О.Ю. Бюрократ его величества в отставке: А.А. Половцов и его круг в конце XIX – начале XX века. М., 2015.

¹⁷ Барыкина И.Е. Между самодержавием и автократией (Внутренняя политика Российской империи второй половины XIX в.: государственное управление и самодержавная власть). СПб., 2016.

внутриполитической ситуации накануне воцарения Николая II, позволяющий лучше понять особенности кадровой политики нового самодержца.

К.А. Соловьев¹⁸ в своих работах особое внимание уделял неформальной стороне взаимодействия бюрократии и общественности, указывал на квазипарламентскую функцию прессы. Исследователь рассматривал влияние «Гражданина» и «Московских ведомостей» при М.Н. Каткове на процессы принятия политических решений, а также роль С.Ю. Витте в выстраивании неформальной коммуникации с ведущими издателями и редакторами для репрезентации собственной политики на страницах издаваемых ими изданий. Помимо этого, автор кратко обозначил проблему определения читающей публики и степени влияния печати на общественное мнение в условиях низкой грамотности и незначительных тиражей и указал, что «влияние того или иного издания» определялось «политическим весом его читателей», а «читатель-император мог перевесить всех остальных».

Д.А. Андреев¹⁹ в докторской диссертации и основанной на ней монографии рассмотрел неформальную сторону властных практик, политическую практику «интриги», проявлявшуюся в отношениях между царем, царской семьей и бюрократией. Впервые в отечественной историографии автор подробно проанализировал процесс выработки Николаем II собственной стилистики в принятии важнейших управленческих решений. По мнению Д.А. Андреева, «императору не хватало последовательности в действиях», он «мог быть инициативным и самостоятельным, принимать решения, не считаясь ни с чьим мнением, но затем остывал и с готовностью соглашался на ту или иную подсказку». Особый интерес для настоящей диссертации представляет проведенный автором

¹⁸ Соловьев К.А. Политическая система Российской империи в 1881–1905 гг.: проблема законотворчества. М., 2018. С. 280–296; *Он же*. Res publica в общественной мысли России (вторая половина XIX – начало XX в.) // Res Publica: русский республиканизм от Средневековья до конца XX века / Под ред. К.А. Соловьева. М., 2021.

¹⁹ Андреев Д.А. Самодержавие и борьба в правительственных верхах в 1894–1904 гг.: дис. ... докт. ист. наук. М., 2022; *Он же*. Самодержавие на переломе: 1894 год в истории династии и власти. СПб., 2022.

исчерпывающий анализ перемен в управлении Министерством путей сообщения в 1894 г. и Министерством внутренних дел в 1895 и 1899 гг. в контексте возникновения к концу XIX в. министерских группировок с собственными интересами и негласной борьбой сильнейших бюрократических фигур за пост негласного премьера. Ввиду отсутствия в отечественной и зарубежной историографии отдельной работы, посвященной личности и политическому наследию Горемыкина, в данном аспекте работа Д.А. Андреева представляется наиболее полным исследованием управленческих практик и особенностей министра внутренних дел. Проведенная тщательная работа с источниками позволяет реконструировать особые качества Горемыкина, которые в конечном счете привели к его поражению в борьбе министерских группировок в 1899 г.: неприятие патерналистской и обычной неформальной коммуникации, «четкая установка управлять в соответствии с теми узаконениями, которые существовали, легизм». Несмотря на то, что вопросы отношения власти и прессы выходят за рамки исследования, автор привлек широкий круг источников личного происхождения, детально реконструируя отдельные аспекты неформальной коммуникации ведущих журналистов с представителями высшей бюрократии.

В зарубежной историографии к настоящему моменту не сложилось цельной традиции изучения отношений власти и общества в России 1890-х гг.

Особый интерес представляет работа Э. Вернера²⁰. Историк подробно рассмотрел систему неформальной коммуникации в управленческих кругах Петербурга, отдельно остановился на консервативной оппозиции Льва Тихомирова «бюрократическому барьеру» между правителем и подданными.

В биографии Витте британского историка С. Харкейва²¹ были затронуты вопросы об особенностях взаимодействия министра финансов с высшей бюрократией в контексте активизации внешней политики страны.

²⁰ *Verner A.M. The Crisis of Russian Autocracy: Nicholas II and the 1905 Revolution. Princeton (New Jersey), 1990.*

²¹ *Harcave S. Count Sergei Witte and the Twilight of Imperial Russia: a Biography. Armonk; London, 2004.*

Работа британского историка Д. Ливена²² интересна в плане реконструкции неформальных отношений, которые царили в политикоформирующих кругах Петербурга на рубеже XIX–XX вв.

Информационная политика периодических изданий рассматривалась в контексте изучения биографий издателей и редакторов и до недавнего времени не становилась объектом специализированного изучения. Исключение представляют собой исследование американского историка Д. Крукоунса²³, а также монографии А.В. Лихоманова²⁴ и некоторые работы Е.В. Костриковой (помимо этого, рассмотревшей вопросы формирования телеграфных агентств, взаимоотношений МИД и Министерства финансов с периодической печатью в начале XX века)²⁵. В коллективной монографии «Типология журналистики в России: опыт формирования и трансформации»²⁶ сделан вывод о невозможности говорить о единой информационной политике самодержавия в указанный период ввиду отсутствия объединенного правительства.

Подробный анализ информационной политики некоторых газет можно найти в работе Б.П. Балужева²⁷. Из недавних исследований, прямо или косвенно касающихся вопроса информационной политики дореволюционной печати, можно отметить коллективную монографию под редакцией Т.Н. Владимировой, В.А. Славиной и Н.В. Кодола²⁸. В одной из глав на примере материалов «Нового

²² *Lieven D.C.B.* The end of Tsarist Russia, New York, 2015.

²³ *Krukones J.H.* To the People: The Russian Government and the Newspaper *Sel'skii vestnik* ("Village Herald") 1881–1917. New York, London, 1987.

²⁴ *Лихоманов А.В.* Борьба самодержавия за общественное мнение в 1905–1907 гг. СПб., 1997.

²⁵ *Кострикова Е.В.* Россия на пороге информационных войн. Политика российского правительства в сфере СМИ в начале XX в. СПб., 2020; *Она же.* Пресса и МИД в начале XX века // Российская дипломатия: история и современность. Материалы научно-практической конференции, посвященной 450-летию создания Посольского приказа. 29 октября 1999 г. МГИМО. М., 2001. С. 313–327; *Она же.* «Мост через пропасть». Отдел печати МИД и русская пресса в начале XX века // Российская история. 2010. № 5. С. 183–193; *Она же.* Информационная служба Министерства финансов в конце XIX – начале XX вв. // Валерий Иванович Бовыкин: Человек. Исследователь. Педагог. К 90-летию со дня рождения. М., 2019. С. 99–111.

²⁶ Типология журналистики в России: опыт формирования и трансформации. СПб., 2025.

²⁷ *Балужев. Б.П.* Политическая реакция 80-х годов XIX в. и русская журналистика. М., 1971.

²⁸ Журналистика в контексте времени: монография / под ред. Т.Н. Владимировой, В.А. Славиной, Н.В. Кодола. М., 2020.

времени» последней трети XIX в. анализируется т.н. «общественно-литературная программа» газеты Суворина, в том числе и характер публикуемых статей, их стилевые и визуальные особенности, идейное и семантическое наполнение. Анализ отдельных сторон информационной политики «Нового времени», «Русского слова» и ряда провинциальных газет можно обнаружить в коллективной монографии «Русская литература и журналистика в предреволюционную эпоху: формы взаимодействия и методология анализа»²⁹. В последние годы был опубликован ряд статей, посвященных отдельным аспектам информационной политики «Нового времени», «Биржевых ведомостей» и «Русских ведомостей»³⁰.

В советский период в центре внимания исследователей были народнические и революционно-подпольные издания, официальная или легальная оппозиционная пресса рассматривалась сквозь призму отношений с цензурным ведомством, финансово-промышленным комплексом и отдельными оппозиционными публицистами. В первую очередь следует обратить внимание на работы Б.И. Есина, написавшего ряд общих трудов по истории дореволюционной прессы³¹. Есин заложил основы сравнительного анализа русской прессы. Именно под руководством Есина начинали свои исследования первые американские исследователи русской дореволюционной журналистики.

²⁹ Русская литература и журналистика в предреволюционную эпоху: формы взаимодействия и методология анализа. М., 2021.

³⁰ Рыбаченок И.С. Визиты Николая II и Феликса Форя (1896–1897 гг.) на страницах газеты «Новое время» // Россия и Франция XVIII–XX вв. Вып. 12. М., 2017. С. 81–112; Самонов С.В. Министр финансов С.Ю. Витте глазами русской периодической печати (по материалам газет «Новое время», «Биржевые ведомости» и «Русский труд») // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2008. № 2. С. 69–78; Таточенко В.В. Роль «Русских ведомостей» в формировании гражданственности во второй половине XIX – начале XX века // Вопросы отечественной и зарубежной истории, политологии, теологии, образования: материалы конференции «Чтения Ушинского». Ярославль, 2009. С. 158–164; Игумнов Д.А. Общественно-политическая полемика на страницах изданий «Гражданин» и «Новое время» (1894–1904): дис. ... канд. ист. наук. М., 2022.

³¹ Есин Б.И. Русская журналистика 70–80-х годов XIX века. М., 1963; Он же. Русская газета и газетное дело в России. М., 1981; Он же. Путешествие в прошлое (газетный мир XIX века). М., 1983; Он же. История русской журналистики XIX века: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальности «Журналистика». М., 2008.

Диссертация А.Е. Локшина³² стала одной из первых в советской историографии работ, посвященных комплексному анализу информационной политики, внутреннего устройства и отношений с властью «Русских ведомостей».

А.Н. Боханов³³ обращался к вопросу финансовой деятельности крупнейших периодических изданий, связывая бурный рост некоторых из них с процессами стремительного промышленного подъема и заинтересованностью крупных предпринимателей в поддержке прессы.

В постсоветской историографии отмечается всплеск интереса к персоналиям известных публицистов и журналистов.

Единственным всеобъемлющим исследованием, посвященным ключевой фигуре в истории «Вестника Европы» – М.М. Стасюлевичу, остается монография В.Е. Кельнера³⁴. В работе были подробно освещены особенности внутренней работы «Вестника Европы» и личные взаимоотношения Стасюлевича с ключевыми фигурами редакции.

Е.А. Динерштейн, еще в советское время посвятивший ряд работ издательскому делу в России, в постсоветское время опубликовал большую биографию владельца «Нового времени»³⁵. В ней впервые в отечественной историографии были комплексно проанализированы личность и жизненный путь одного из важнейших столпов русской журналистики. Л.М. Хуторова³⁶ подробно рассмотрела личность Суворина и идеи, которые он развивал на страницах «Нового времени». В небольшой работе И. Соловьевой и В. Шитовой³⁷ были затронуты некоторые вопросы, касающиеся функционирования «Нового времени» в конце XIX в.

³² Локшин А.Е. Газета «Русские ведомости» в общественной жизни России в период политической реакции 80-х - начала 90-х годов XIX века: дис. ... канд. ист. наук. М., 1982.

³³ Боханов А.Н. Буржуазная пресса России и крупный капитал, конец XIX – 1914 г. М., 1984.

³⁴ Кельнер В.Е. Человек своего времени. СПб, 1993.

³⁵ Динерштейн Е.А. А.С. Суворин. Человек, сделавший карьеру. М., 1998.

³⁶ Хуторова Л.М. Алексей Сергеевич Суворин, 1834–1912 гг.: судьба и взгляды: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2001.

³⁷ Соловьева И., Шитова В. А.С. Суворин: портрет на фоне газеты. М., 2017.

Князю Мещерскому и газете «Гражданин» посвящены три крупные работы: монография А.С. Карцова³⁸, диссертация И.Е. Дронова³⁹ и монография Н.В. Черниковой⁴⁰. А.С. Карцов подробно проанализировал социальные и политико-правовые взгляды Мещерского, позицию князя по вопросам внутренней и внешней политики, остановился на вопросе полемики между различными течениями русского консерватизма. Кроме того, в работе была рассмотрена проблема влияния Мещерского на кадровые решения царя. И.Е. Дронов, привлекая широкий спектр материалов, включающих в себя корпус статей «Гражданина», проанализировал влияние на политическую жизнь князя Мещерского и идеи, проводившиеся им на страницах собственной газеты с целью оказания влияния на внутреннюю и внешнюю политику. Ряд положений об информационной деятельности Мещерского содержится в других работах, опубликованных И.Е. Дроновым⁴¹. Н.В. Черникова восполнила лакуны в изучении детства и юности Мещерского, проанализировала историю газеты «Гражданин», подробно остановилась на вопросе общественной репутации князя. Черникова справедливо отмечала, что «любой периодический орган, независимо от количества сотрудников, несет на себе отпечаток личности того человека – издателя или редактора, который определяет его направление, характер». Отдельные вопросы, связанные с деятельностью «Гражданина» и «Вестника Европы» в период царствования Александра III были затронуты в диссертации и работах А.В. Кайль⁴².

Помимо этого, в последние годы был опубликован ряд работ, посвященных истории «Московских ведомостей», «Биржевых ведомостей», «Русских

³⁸ Карцов А.С. Русский консерватизм второй половины XIX – начала XX вв.: (князь В. П. Мещерский). СПб., 2004.

³⁹ Дронов И.Е. Разработка консервативной концепции развития России в творчестве В.П. Мещерского: дис. ... канд. ист. наук. М., 2007.

⁴⁰ Черникова Н.В. Портрет на фоне эпохи: князь Владимир Петрович Мещерский. М. 2017. С. 149.

⁴¹ Дронов И.Е. Князь В.П. Мещерский. Гражданин консерватор. М., 2005.

⁴² Кайль А.В. Журналы «Гражданин» и «Вестник Европы» как отражение общественной мысли в России в пореформенный период: дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2010; Она же. «Гражданин» князя В.П. Мещерского // Известия Саратовского университета. Серия «История. Международные отношения». 2011. Т. 11. Вып. 1. С. 8–15.

ведомостей» и «Вестника Европы»⁴³, а также общей классификации консервативной прессы⁴⁴.

Изучение цензуры становилось предметом исследования ряда авторов⁴⁵. Диссертация Н.Г. Патрушевой⁴⁶ до сих пор остается самым полным трудом по истории и особенностям взаимодействия цензурных органов и периодической печати. А.П. Сопова⁴⁷ классифицировала четыре модели правового регулирования с учетом критерия масштабности применения административных мер: «1) система предварительной цензуры, 2) система административного усмотрения, 3) система судебной ответственности с использованием административных мер обеспечения правосудия, 4) система судебной ответственности без использования специальных мер административного контроля». А.П. Сопова писала, что «неопределенность цензурных запретов не позволяла правительству обеспечить единство цензурной практики».

Американская историография русской журналистики, начав в 1960-е гг. с отдельных исследований взаимоотношений власти и прессы, с упором на персоналии журналистов⁴⁸, пережила подъем в 1980-е гг. Можно отметить повышенное внимание к микросюжетам, например, уголовной хронике, разборам

⁴³ «Московские ведомости» 1756–1917. В 2 ч. / Под ред. Б.И. Есина, О.Д. Минаевой. М., 2008; Коновалова А.В. К вопросу об истории газеты «Биржевые ведомости» // Экономическая история. Обзор. Вып. 6. М., 2001. С. 111–119; Юровский В.Е. Газета либеральной интеллигенции «Русские ведомости» // Вопросы истории. 1997. № 1. С. 149–154; Китаев В.А. Об особенностях либерализма «Вестника Европы» (1870–1880-е гг.) // Петр Андреевич Зайончковский: сборник статей и воспоминаний к столетию историка. М., 2008. С. 531–549.

⁴⁴ Кругликова О.С. Пресса русского консерватизма XIX в.: идеи, имена, издания. СПб., 2023.

⁴⁵ Иванов Д.В. Формирование военной цензуры России. 1810–1905 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2000; Амбросьев А.В. Организационно-правовые основы деятельности Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел Российской империи (1865–1917 гг.): дис. ... канд. юр. наук. М., 2012.

⁴⁶ Патрушева Н.Г. Цензурное законодательство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX – начале XX века: дис. ... докт. ист. наук. СПб., 2014.

⁴⁷ Сопова А.П. Правовое регулирование периодической печати в Российской империи в начале XX века: дис. ... канд. юр. наук. М., 2021. С. 13–14.

⁴⁸ Bayley R.B. Freedom and Regulation of the Russian Periodical Press, 1905–1914. PhD Thesis. University of Illinois at Urbana-Champaign, 1968; Ambler E. Russian Journalism and Politics, 1861–1881: The Career of Aleksei S. Suvorin. Wayne State University Press, Detroit, 1972; Mosse W.E. Imperial Favourite: V.P. Meshchersky and the Grazhdanin // The Slavic and East European Review. 1981. Vol. 59. No. 3. P. 529–547.

конкретных информационных кампаний, повышенное внимание к бульварной прессе; кроме того, тесную взаимосвязь с другими гуманитарными науками, например, с социологией и психологией.

В качестве одной из первых попыток комплексного анализа деятельности главного редактора газеты «Новое время» и его связей с различными политическими кругами можно отметить работу Э. Эмблер⁴⁹.

У. Мосс⁵⁰ сфокусировал внимание на предположительном влиянии князя Мещерского на процесс принятия кадровых и иных решений Николаем II, высказал мысль о защите Мещерским интересов конкретной социальной группы – дворянства.

Интерес представляет исследование Ч. Рууда о взаимоотношениях власти и прессы⁵¹. В данной монографии в числе прочего подробно был разобран феномен цензуры и эволюция русской газетной публицистики. Отдельно рассматриваются организационные особенности либеральной газеты «Русские ведомости».

В своих работах⁵² Дж. Брукс подробно рассматривал феномен массовой печати в царской России, кризис толстых журналов, развитие массовых газет по типу «Московского листка» Пастухова и т.н. «газет-копеек», анализирует читательские аудитории журналов и газет.

Л. Макрейнольдс⁵³ рассматривала журналистику конца XIX в. в рамках «новой журналистики», особое внимание уделяла взаимоотношениям власти и периодической печати. Макрейнольдс пришла к выводу, что среди всех чиновников только С.Ю. Витте понимал значимость апелляции к общественному мнению через газеты, однако в целом самодержавие не могло сформулировать на

⁴⁹ *Ambler E.* Russian journalism and politics, 1861–1881: the career of Aleksei S. Suvorin. Wayne State University Press, Detroit, 1972.

⁵⁰ *Mosse W.E.* Imperial Favourite: V.P. Meshchersky and the Grazhdanin // *The Slavic and East European Review*. 1981. Vol. 59. No. 3. P. 529–547.

⁵¹ *Ruud Ch.* Fighting words: Imperial censorship and the Russian press, 1804–1906. Toronto, 1982.

⁵² *Brooks J.* When Russia Learned to Read (Literacy & Popular Literature, 1861–1917). Princeton University Press, 1985.

⁵³ *McReynolds L.* The News under Russia's Old Regime: The Development of a Mass-Circulation Press. Princeton University Press, 1991.

страницах газет политическую позицию, привлекательную для широких слоев населения. Исследовательница допускала сравнение развития российской печати конца XIX в. с бумом американской прессы, отдельно разбирала историю, особенности работы и связи с политическими кругами ряда газет, в том числе «Биржевых ведомостей». Исследование было дополнено ценными статистическими материалами, почерпнутыми в советских архивах. Кроме того, Макрейнольдс в своей работе вышла за рамки сугубо исторической науки и развивала коммуникационную теорию «коммуникации как ритуала», предложенную американским культурологом Дж. Кэри⁵⁴.

Из последних работ можно отметить диссертацию А.А. Федяшина⁵⁵. В своей работе Федяшин подробно проанализировал экономическую и политическую программу ведущего либерального журнала, кроме того, отдельно остановился на политической роли «Вестника Европы» как ведущего центрального неофициального органа земства в условиях отсутствия земского представительства на уровне государства.

Отдельный интерес для настоящей диссертации представляют исследования русского консерватизма и либерализма конца XIX в. В постсоветской историографии наметился поворот к переосмыслению традиционного для советской исторической науки дихотомического разделения консерваторов и либералов, реакционной власти и прогрессивного общества. Применимые к иным моделям обществ подобные идеологические рамки затрудняют всесторонний анализ движений и позиций, возникавших на российской почве.

Первым обобщающим научным изданием по истории русского консерватизма стала коллективная монография под редакцией В.Я. Гросула⁵⁶. Несмотря на попытку комплексного рассмотрения консервативных идей, авторы

⁵⁴ *Carey J.W.* "A Cultural Approach to Communication." *Communication as Culture: Essays on Media and Society*. Boston, 1989.

⁵⁵ *Fedyashin A.A.* *Autochthonous and Practical Liberals: Vestnik Evropy and Modernization in Late Imperial Russia*. PhD Thesis. Georgetown University, Washington, DC, 2007.

⁵⁶ *Русский консерватизм XIX столетия*. М., 2000. С. 386–394

интерпретировали консерватизм с позиций классового подхода, продолжая называть Победоносцева и Тихомирова «деятелями консервативно-реакционной мысли», а газету князя Мещерского – «угодническим органом».

Значительный вклад в изучение российского консерватизма конца XIX века внесла монография А.В. Репникова⁵⁷. Автор продемонстрировал, что в рамках консервативной идеологии этого времени велась активная разработка проектов преобразований, сочетавших модернизационные тенденции с сохранением традиционных устоев. Особого внимания заслуживает проведенный в монографии анализ представлений консерваторов о монархической власти, в котором разводятся понятия самодержавия, абсолютизма и деспотического правления. Также ценным представляется исследование консервативного понимания социальной стратификации и обоснования иерархического устройства общества.

А.В. Репников и О.А. Милевский⁵⁸ в совместной монографии развивали тему консервативного переустройства России. Авторы писали, что Тихомиров видел своей задачей «оградить Николая II, пользуясь своими знаниями, опытом и опираясь на прямую поддержку и помощь Победоносцева, от „либеральных мечтаний“, развенчав либералов как прямых врагов трона; во-вторых, попытаться через прессу достучаться до царя и подтолкнуть его к реформам, направленным на корректировку проводимой им самодержавной политики». В работе были отмечены внутренние разногласия Тихомирова с Грингмутом, а также с Победоносцевым.

С 2008 года начал издаваться научно-публицистический журнал «Тетради по консерватизму», посвященный изучению российской консервативной философии. Отдельные статьи журнала посвящены консерватизму конца XIX столетия, проблемам консервативной печати и внутренней полемике среди консервативного лагеря⁵⁹.

⁵⁷ Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России. М., 2007.

⁵⁸ Репников А.В., Милевский О.А. Две жизни Льва Тихомирова. М., 2011. С. 275–293.

⁵⁹ Котов А.Э. «Современная нефеодалная монархия»: русская консервативная печать конца XIX века в поисках национальной идеологии // Тетради по консерватизму. 2015. № 4. С. 130–146;

Издание энциклопедии «Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века»⁶⁰ под редакцией В.В. Шелохаева и А.В. Репникова стало значимой вехой в постсоветской историографии. Издание содержит статьи по основным персоналиям, идеям и институтам русского консерватизма и представляет собой успешную попытку «введения в тему».

О.С. Кругликова писала о неэффективности коммуникативных практик российских консерваторов из-за исключения низших слоев населения из «участия в публичном общественном диалоге», отмечала, что консервативные издания «не были услужливыми апологетами действующего порядка», они «имели свое представление» по многим вопросам и «позитивную программу» преобразований⁶¹.

Из зарубежных исследований примечательна монография Р. Пайпса о русском консерватизме⁶².

В качестве обзорных работ по истории русского либерализма можно отметить работы В.В. Шелохаева⁶³, а также словарь «Российский либерализм: идеи и люди»⁶⁴ под редакцией А.А. Кара-Мурзы, где представлены краткие биографии либеральных деятелей.

Ряд исследований рассматривается в основной части диссертации в контексте конкретных проблемных узлов.

Источниковую базу исследования можно систематизировать по пяти группам: документы нормативного характера и законодательные акты, материалы ведомственного делопроизводства, публикации периодической печати, документы

Санькова С.М. Обстоятельства начала постоянного сотрудничества В.В. Розанова в газете А.С. Суворина «Новое время» // Тетради по консерватизму. 2019. № 4. С. 286–202; *Бадалян Д.А.* Борьба элит и журналистика в России эпохи нациестроительства // Тетради по консерватизму. 2022. № 1. С. 263–296.

⁶⁰ Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века. М., 2010.

⁶¹ *Кругликова О.С.* Консервативное направление в журналистике пореформенной России: ключевые концепты и коммуникативные практики: дис. ... докт. филол. наук. СПб., 2024. С. 339.

⁶² *Пайпс Р.* Русский консерватизм и его критики: исследование политической культуры. М., 2008.
⁶³ *Шелохаев В.В.* Либеральная модель переустройства России. М., 1996; *Он же.* Либерализм в России в начале XX века. М., 2019

⁶⁴ Российский либерализм: идеи и люди. М., 2007.

личного происхождения (воспоминания, дневники, переписка), статистические данные.

К первой группе относится Устав о цензуре и печати 1890 г.⁶⁵, основной правовой документ, необходимый для понимания формальной стороны взаимодействия власти и прессы.

Вторая группа – материалы официального делопроизводства. В нее входят прежде всего дела Главного управления по делам печати об издании газет «Московские ведомости»⁶⁶, «Гражданин»⁶⁷, «Новое время»⁶⁸, «Биржевые ведомости»⁶⁹ и «Русские ведомости»⁷⁰, журнала «Вестник Европы»⁷¹. Указанные дела содержат детальную информацию о формальной стороне коммуникации государства и прессы: обязательные уведомления о выезде редакторов за границу, вопросы об утверждении отдельных лиц в статусе редакторов, жалобы отдельных ведомств и частных лиц на материалы, публиковавшиеся в печати.

К той же группе источников относятся архив газеты «Русские ведомости»⁷² и архив журнала «Вестник Европы»⁷³. Указанные архивы содержат широкий круг документов, проливающих свет на ежедневную деятельность периодических изданий.

Всеподданейшие записки министра иностранных дел А.Б. Лобанова-Ростовского об отношении России к Японии и Китаю, о политике России на Дальнем Востоке по окончании войны между Японией и Китаем, о возможных действиях России после подписания японо-китайского мирного договора, журнал Особого совещания 30 марта 1895 г. по китайско-японским делам с

⁶⁵ Устав о цензуре и печати. СПб., 1905.

⁶⁶ РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 126.

⁶⁷ Там же. Оп. 8. Д. 466.

⁶⁸ Там же. Оп. 3. Д. 442.

⁶⁹ Там же. Д. 169, 170.

⁷⁰ Там же. Д. 470.

⁷¹ Там же. Д. 87.

⁷² РГАЛИ. Ф. 1701. Оп. 2. Д. 5, 7, 18, 20, 53, 751.

⁷³ РО ИРЛИ РАН. Ф. 293. Оп. 3. Д. 3, 17, 20.

сопроводительной всеподданнейшей запиской⁷⁴ позволяют лучше понять контекст внутриэлитной борьбы по вопросу о назначении главы МИД весной 1895 г.

Третья группа – материалы периодики и публицистики. В нее входят прежде всего публикации ведущих столичных газет и журналов разных идеологических направлений, находившиеся в частном управлении: газеты «Московские ведомости», «Гражданин», «Новое время», «Биржевые ведомости» и «Русские ведомости», ежемесячный журнал «Вестник Европы». В настоящей диссертации не рассматриваются отдельно официальные средства массовой информации («Правительственный вестник» и различные ведомственные издания) по причине их преимущественно информационного характера, а также «Санкт-Петербургские ведомости», издание которых с 1874 г. находилось в ведении Министерства народного просвещения⁷⁵.

При анализе освещения основных внутриполитических событий на страницах «Московских ведомостей» использовались прежде всего передовые статьи политической направленности, авторами многих из них были В.А. Грингмут и Л.А. Тихомиров⁷⁶. В процессе работы также анализировались новостные сообщения из рубрики «Факты и слухи», сообщения телеграфных агентств и введенной С.А. Петровским рубрики «Письмо к издателю»⁷⁷.

При работе с газетой «Гражданин» использовались колонки князя Мещерского «Дневники», аналитические рубрики «Вслух» и «Речи консерватора», новостные разделы, рубрики «Столичная хроника» и «Иностранная хроника».

Материалы «Нового времени» включают в себя редакционные статьи на актуальные темы (автором многих из них, по свидетельству Н.Я. Абрамовича,

⁷⁴ РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 112–115.

⁷⁵ Сборник постановлений и распоряжений, относящихся до Императорской Академии наук и подведомственных ей ученых учреждений. СПб., 1889. С. 39–40.

⁷⁶ «Московские ведомости» 1756–1917. В 2 ч. / под ред. Б.И. Есина, О.Д. Минаевой. Ч. 2. М., 2008. С. 218.

⁷⁷ Там же. С. 216.

зачастую был сам А.С. Суворин⁷⁸), новостные рубрики «Корреспонденция „Нового времени“», «Внешние известия», «Внутренние известия», некрологи и биографии.

При работе с первым изданием «Биржевых ведомостей» анализировались материалы передовых статей, которые писал публицист Г.К. Градовский (редактор газеты И.И. Ясинский впоследствии едко отзывался о стиле этих статей – «набор пустейших либеральных фраз, достоинство которых заключалось лишь в том, что едва ли кто прочитывал их до конца»⁷⁹). С 1896 г. передовые статьи стал писать журналист Б.П. Бурдес⁸⁰. Кроме того, привлекались материалы разделов «Хроника», «О чем говорят и пишут» и сообщения телеграфных агентств.

Важный материал дали такие рубрики «Русских ведомостей», как «Внутренние известия», «Телеграфические известия», «По телефону», «Московские вести», а также редакционные статьи.

При работе с «Вестником Европы» использовались материалы рубрик «Внутреннее обозрение» (К.К. Арсеньев) и «Иностранное обозрение» (Л.З. Слонимский).

Информация об отдельных аспектах деятельности дореволюционной прессы почерпнута из публицистических трудов журналистов Б.Б. Глинского⁸¹ и Н.Я. Абрамовича⁸², Н.В. Снеессарева⁸³ и В.А. Гиляровского⁸⁴. Сведения об издателях и редакторах периодических изданий в конце XIX в. сверялись со справочником Н.М. Лисовского «Библиография русской периодической печати 1703–1900 гг. (материалы для истории русской журналистики)»⁸⁵.

⁷⁸ Абрамович Н.Я. «Новое время» и соблазненные младенцы. Пг., 1916. С. 7.

⁷⁹ Ясинский И.И. Роман моей жизни. Книга воспоминаний: в 2 т. М., 2010. Т. I. С. 498.

⁸⁰ О личности Бурдеса см. Хазан В. Вокруг Осипа Дымова // Россия и Запад: сборник статей в честь 70-летия К.М. Азадовского. М., 2011. С. 502–533.

⁸¹ Глинский Б.Б. «Новое время» (1876–1916): исторический очерк. Пг., 1916.

⁸² Абрамович Н.Я. «Новое время» и соблазненные младенцы. Пг., 1916.

⁸³ Снеессарев Н.В. Мираж «Нового времени». СПб., 1914.

⁸⁴ Гиляровский В.А. Москва газетная // Избранное. В 3 т. Т. 2. М., 1961. С. 15–284.

⁸⁵ Лисовский Н.М. Библиография русской периодической печати 1703–1900 гг. (материалы для истории русской журналистики). Пг., 1915.

Четвертая группа состоит из источников личного происхождения, необходимых для понимания контекста принятия Николаем II ключевых кадровых решений, а также для реконструкции неформальной коммуникации издателей и редакторов периодических изданий с представителями бюрократии и друг с другом. Она делится на три подгруппы.

Первая подгруппа – опубликованные воспоминания государственных деятелей, издателей, редакторов и сотрудников ведущих периодических изданий: министра финансов С.Ю. Витте⁸⁶, управляющего делами Комитета министров А.Н. Куломзина⁸⁷, служащего Государственной канцелярии В.И. Гурко⁸⁸, начальника Главного управления по делам печати Е.М. Феоктистова⁸⁹, издателя и редактора журнала-газеты «Гражданин» В.П. Мещерского⁹⁰, его близкого друга и сотрудника Министерства финансов И.И. Кольшко⁹¹, издателя газеты «Биржевые ведомости» С.М. Проппера⁹², редакторов газеты «Биржевые ведомости» И.И. Ясинского⁹³ и А.Е. Кауфмана⁹⁴, сотрудника газеты «Русские ведомости» В.А. Розенберга⁹⁵, сотрудника газеты «Новое время» Н.А. Энгельгардта (опубликованные до настоящего времени лишь частично)⁹⁶.

Вторая подгруппа – опубликованные дневники императора Николая II⁹⁷, государственного секретаря А.А. Половцова⁹⁸, товарища министра иностранных

⁸⁶ Витте С.Ю. Воспоминания. М., 2010.

⁸⁷ Куломзин А.Н. Пережитое. Воспоминания. М., 2016.

⁸⁸ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000.

⁸⁹ Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы (1848–1896). М., 1991.

⁹⁰ Мещерский В.П. Мои воспоминания. Ч. 2. СПб., 1898.

⁹¹ Кольшко И.И. Великий распад. Воспоминания. СПб., 2009.

⁹² Проппер С.М. То, что не попало в печать. М., 2024.

⁹³ Ясинский И.И. Роман моей жизни. Книга воспоминаний. В 2 т. М., 2010.

⁹⁴ Кауфман А.Е. За кулисами печати (из воспоминаний старого журналиста). СПб., 2011.

⁹⁵ Розенберг В.А. Из истории русской печати. Организация общественного мнения в России и независимая беспартийная газета «Русские ведомости» (1863–1918). Прага, 1924.

⁹⁶ РГАЛИ. Ф. 572. Оп. 1. Д. 343, 344.

⁹⁷ Дневники императора Николая II (1894–1918). Т. 1. 1894–1904. М., 2011.

⁹⁸ Половцов А.А. Дневник 1893–1909 гг. СПб., 2014.

дел В.Н. Ламздорфа⁹⁹, владелицы политического салона А.В. Богданович¹⁰⁰, издателя газеты «Новое время» А.А. Суворина¹⁰¹, литератора Б.В. Никольского¹⁰², а также опубликованные лишь частично дневники сотрудника «Московских ведомостей» Л.А. Тихомирова¹⁰³.

Третья подгруппа – опубликованные материалы переписки членов императорской фамилии¹⁰⁴, неопубликованные документы личной переписки обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева (с Николаем II¹⁰⁵, сотрудниками «Московских ведомостей» Л.А. Тихомировым¹⁰⁶ и Д.Ф. Самариным¹⁰⁷), министра финансов С.Ю. Витте (с супругой М.И. Лисаневич¹⁰⁸, министром юстиции М.Н. Муравьевым¹⁰⁹, В.П. Мещерским¹¹⁰, А.С. Сувориным¹¹¹, журналистом Д.А. Гравенгофом¹¹²), министра внутренних дел И.Л. Горемыкина (с В.П. Мещерским¹¹³, редакторами-издателями «Московских ведомостей» С.А. Петровским¹¹⁴ и В.А. Грингмутом¹¹⁵, А.С. Сувориным¹¹⁶, С.М. Проппером¹¹⁷), В.А. Грингмута (с Л.А. Тихомировым¹¹⁸, главноуправляющим Канцелярией его императорского величества по принятию прошений, на высочайшее имя приносимых, затем министром внутренних дел Д.С.

⁹⁹ Ламздорф В.Н. Дневник 1894–1896 гг. М., 1991.

¹⁰⁰ Богданович А.В. Три последних самодержца. М., 1990.

¹⁰¹ Суворин А.С. Дневник Алексея Сергеевича Суворина. London, 2000.

¹⁰² Никольский Б.В. Дневник 1896–1918. Т. 1. 1896–1903. СПб., 2015.

¹⁰³ ГАРФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 6, 7; Тихомиров Л.А. Дневник (с января 1889 г. по декабрь 1895 г. № 2) // Воспоминания. М., 2003.

¹⁰⁴ Великая княгиня Елисавета Феодоровна и император Николай II. Материалы и документы (1884–1909 гг.) / Сост. А.Б. Ефимов, Е.Ю. Ковальская. СПб., 2009.

¹⁰⁵ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1327; РГИА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 16.

¹⁰⁶ ОР РГБ. Ф. 230. К. 4404. Ед. хр. 35; К. 10802. Ед. хр. 28, 29.

¹⁰⁷ Там же. Ф. 265. К. 198. Ед. хр. 21.

¹⁰⁸ РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 571.

¹⁰⁹ Там же. Д. 443.

¹¹⁰ Там же. Д. 427, 446; РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 185.

¹¹¹ РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 464, 468.

¹¹² Там же. Д. 404.

¹¹³ Там же. Ф. 1626. Оп. 1. Д. 990.

¹¹⁴ Там же. Д. 1092.

¹¹⁵ Там же. Д. 695.

¹¹⁶ Там же. Д. 1239.

¹¹⁷ Там же. Д. 1119.

¹¹⁸ РГАЛИ. Ф. 1393. Оп. 1. Д. 16, 98.

Сипягиным¹¹⁹, членом совета Министерства внутренних дел Е.В. Богдановичем¹²⁰, государственным контроллером Т.И. Филипповым¹²¹), А.С. Суворина (с Е.М. Феоктистовым¹²², писателем и журналистом В.В. Розановым¹²³), опубликованные материалы переписки редактора журнала «Вестник Европы» М.М. Стасюлевича с редактором-издателем газеты «Русские ведомости» В.М. Соболевским¹²⁴, а также его неопубликованная переписка с сотрудниками журнала «Вестник Европы» Л.З. Слонимским¹²⁵ и К.К. Арсеньевым¹²⁶.

К пятой группе относятся статистические данные Первой всеобщей переписи населения 1897 г.¹²⁷, необходимые для понимания общего уровня грамотности в стране, количества придворных чинов, специфики ведомственной бюрократии и лиц, трудоустроенных в редакциях периодических изданий.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые комплексно рассматривается ряд проблем, ранее не получивших самостоятельного освещения в историографии. Во-первых, определено пространство, в котором происходили информационные кампании, проведена реконструкция организации ведущих редакций в 1890-е гг. Во-вторых, выявлены и систематизированы каналы формальной и неформальной коммуникации между властью и прессой. В-третьих, установлены и проанализированы отличительные черты освещения кадровых назначений в ключевых министерствах, отвечавших за внутреннюю политику. В-четвертых, реконструированы и объяснены механизмы взаимодействия МИД с периодической печатью. В-пятых, выделены характерные черты освещения в печати перемен в управлении военным и морским ведомствами.

¹¹⁹ РГАЛИ. Ф. 1393. Оп. 1. Д. 26.

¹²⁰ Там же. Д. 22.

¹²¹ ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 1692.

¹²² РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 4415.

¹²³ Письма А.С. Суворина к В.В. Розанову. СПб., 1913.

¹²⁴ М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке / Под ред. М.К. Лемке. Т. V. СПб., 1913. С. 435–463.

¹²⁵ РО ИРЛИ РАН. Ф. 293. Оп. 1. Д. 98, 99.

¹²⁶ Там же. Д. 64, 165; Ф. 359. Оп. 1. Д. 40.

¹²⁷ Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. Т. 1–2. СПб., 1905.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что сформулированные в нем положения и выводы способствуют увеличению объема знаний, относящихся к первой половине царствования императора Николая II – в контексте взаимоотношений высшей бюрократии и средств массовой информации, а также функционирования редакций ведущих консервативных и либеральных периодических изданий.

Практическая значимость исследования сводится к тому, что выявленные автором и введенные им в научный оборот источники, а также сделанные в работе выводы могут быть использованы для подготовки учебных пособий, лекционных курсов и практических занятий в высшей школе, для написания научных исследований и культурно-просветительской работы.

Достоверность исследования обеспечивается обширностью источниковой базы, состоящей из многочисленных опубликованных и неопубликованных материалов (использованы документы из архивов Москвы и Санкт-Петербурга, в том числе впервые вводимые в научный оборот некоторые материалы делопроизводства Главного управления по делам печати), и соблюдением в работе принципов научности, объективности, историзма.

Апробация результатов исследования. Диссертация прошла обсуждение на кафедре истории России XIX века – начала XX века исторического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова и была рекомендована к защите.

Основные положения диссертации были опубликованы в 4 научных работах объемом 3,4 п.л. в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В.Ломоносова по группе специальностей 5.6. Исторические науки.

Структура исследования организована в соответствии с проблемно-хронологическим принципом. Работа состоит из введения, четырех глав, разделенных на параграфы, заключения, списка использованных источников и литературы, приложения. Приложение содержит статистические данные по

количеству газетных публикаций в рамках разбираемых в настоящем исследовании информационных кампаний.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Российская периодическая печать на рубеже XIX–XX вв. представляла собой одно из пространств и средств политической коммуникации. Устоявшиеся в историографии представления о консервативных изданиях (как о проводниках политики самодержавия) и либеральных изданиях (как о принципиальных его противниках) нуждаются в коррекции. В основе информационной политики большинства изданий находились прежде всего идейные установки редакционных коллективов, формировавшихся вокруг фигур издателей или редакторов. «Новое время» и «Биржевые ведомости» представляли собой новый тип газет, готовых на сотрудничество с разными политическими силами.

2. Не представляется возможным говорить о концептуальном управлении информационной политикой со стороны самодержавия в 1890-е гг. В отношениях периодических изданий с властью превалировали ситуативное и неформальное взаимодействие с представителями высшей бюрократии, к консервативным изданиям формальные правовые нормы применялись выборочно, а в случае с либеральными являлись основой коммуникации.

3. При освещении кадровых перемен в Министерстве путей сообщения, Министерстве внутренних дел и Министерстве народного просвещения позиция каждого издания определялась либо идейными установками издателей и редакторов, либо их личными отношениями с фигурантами событий. Публикации консервативных и либеральных изданий объединяло недовольство текущей внутриполитической ситуацией и стремление воспользоваться кадровыми сюжетами для акцентирования внимания на необходимости скорейшего решения острых вопросов, в том числе крестьянского и земского.

4. При общем отсутствии единой политики самодержавия в отношении прессы МИД стремился установить контроль над внешнеполитической риторикой периодических изданий. К концу 1890-х гг. ведомство усилило давление на печать

через регулярные запросы в Главное управление по делам печати с требованиями принять меры против ведущих газет. Тем не менее внешнеполитический курс России на сближение с Францией и кадровые решения Николая II в целом получили поддержку большинства периодических изданий. Фигура А.Б. Лобанова-Ростовского, чье назначение активно поддерживал ряд консервативных газет, заняла особое место в информационных кампаниях 1890-х гг. и вызвала наибольшее количество публикаций в прессе.

5. Перемены в управлении Военным и Морским министерствами в прессе широко не освещались. Тем не менее «Московские ведомости» и «Биржевые ведомости» выразили всестороннюю поддержку активизации наступательной политики на Дальнем Востоке. «Биржевые ведомости» и князь В.П. Мещерский на страницах «Гражданина» поддержали идею создания мощного Тихоокеанского флота для обеспечения безопасности восточных границ.

Глава 1. Пресса как пространство и средство политической коммуникации

1.1. Периодические издания во второй половине 1890-х гг.

Качественная столичная печать на рубеже веков характеризовалась многокомпонентностью и многофункциональностью. Будучи в основном детищем общественности, она транслировала идейно-идеологические установки главных редакторов и редакционных коллективов, наследуя в этом традициям русского толстого журнала. Наряду с этим, в это время начал формироваться новый тип качественной газеты – информационный, ставивший своей целью не воспитание, а информирование. В условиях возрастающей субъектности бюрократии именно столичная качественная печать, созданная общественностью, становилась пространством политической коммуникации, направленной на эту малочисленную категорию лиц, принимающих решения в стране. Один и тот же номер газеты мог выполнять разные функции: новостной и аналитический отдел отвечал задачам политической коммуникации и был ориентирован на узкий круг читателей-бюрократов, общественный и культурный отделы, пресловутые литературные «подвалы» – на обычную образованную публику. В отношениях власти и образованной общественности, как отмечается в историографии, «сложно провести грань, строго отделяющую правительство и общество», и «очень часто речь шла об одних и тех же лицах, выступавших, правда, в разных ролях»¹²⁸.

Приход к власти Николая II, не обладавшего харизмой Александра III, но заявившего о продолжении прежнего курса правительственной политики, оказывал влияние на мироощущение образованных слоев. 1890-е гг. постепенно формируют новое восприятие исторической действительности: «осознание резко ускорившегося жизненного потока и нарастающие сомнения в устойчивости окружающего миропорядка»¹²⁹. Первые кадровые решения Николая II привлекли особое внимание средств массовой информации, поскольку качественный состав

¹²⁸ Соловьев К.А. *Res publica* в общественной мысли России (вторая половина XIX – начало XX в.). С. 588

¹²⁹ Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). Книга 1. М., 2001. С. 13.

самодержавного правительства вызывал много нареканий. Владелица петербургского светского салона А.В. Богданович приписывала Николаю II емкую фразу, которой можно описать состояние министерского корпуса: «Когда Дурново мне докладывает, я все понимаю, а он ничего не понимает; когда Витте – я не понимаю, но зато он все понимает, а когда Кривошеин – ни он, ни я – мы ничего не понимаем»¹³⁰. Влияние периодических изданий на принятие тех или иных политических решений определялось политическим весом их читателей¹³¹. Именно в таком контексте следует рассматривать информационные кампании, связанные с освещением кадровой политики самодержавия. Затрагивающие интересы узкой прослойки причастных к «политическому олимпу», в условиях отсутствия необходимости апелляции к избирателям эти кампании были направлены прежде всего на царя и представителей высшей бюрократии. Созданные общественностью печатные издания прямо или опосредованно становились зачастую вспомогательным инструментом теневой борьбы придворных и бюрократических группировок за власть и влияние на молодого самодержца.

Представляется справедливым тезис американских теоретиков коммуникации Ф. Сиберта, У. Шрамма и Т. Питерсона, которые отмечали, что «пресса всегда принимает форму и окраску тех социальных и политических структур, в рамках которых она функционирует»¹³². Несмотря на авторитарное цензурное регулирование, большинство изданий находилось в частных руках, инструментами влияния становились не только цензурные ограничения, но вопросы предоставления государственных субсидий и неформальные коммуникации с политико-формирующими кругами. Представляется возможным говорить об особой российской модели функционирования прессы и выстраивания отношений печати с бюрократией: как в отношениях внутри редакционных

¹³⁰ Богданович А.В. Три последних самодержца. Дневники генеральши Богданович. М., 1990. С. 128.

¹³¹ Соловьев К.А. Политическая система Российской империи в 1881–1905 гг.: проблема законотворчества. С. 282.

¹³² Сиберт Ф., Шрамм У., Питерсон Т. Четыре теории прессы. М., 1998. С. 16.

коллективов, так и в отношениях между издателями или главными редакторами с представителями власти неформальное начало и личностный фактор превалировал над институциональным, формально созданные институты (Главное управление по делам печати) и формально действующие правовые нормы (Устав о цензуре и печати) являлись лишь инструментом рутинных предупреждений и карательного воздействия против политических противников, которыми в зависимости от конъюнктуры становились не только либеральные, но и консервативные издания. Рассмотренные в рамках настоящей диссертации сюжеты показывают, что лояльные власти медиаресурсы (не только консервативные, но и либеральные) неформальным образом могли обойти даже самые рестриктивные меры цензурного законодательства.

Несмотря на то, что периодические издания зачастую воспринимаются субъектами общественно-политического дискурса, настоящими субъектами политической коммуникации в России выступали лица, стоящие за этими изданиями, издатели и редакторы. Именно эти фигуры выступали в роли коммуникаторов с представителями власти, являлись олицетворением всего печатного органа (отсюда употребление в речи конструкций наподобие «газеты Суворина» или «журнала Стасюлевича»). Рядовые редакторы, создававшие тексты, в основном представляли разночинную интеллигенцию, общественность, и с представителями бюрократии контактировали реже. Большинство выходивших в России газет и журналов продолжали оставаться в частной собственности или в арендном управлении частными лицами¹³³. Журналистов в переписи 1897 г. учитывали вместе со «служащими в ученых и художественных учреждениях и обществах, театрах, музеях, в редакциях газет и журналов», и даже с таким расширением выборки количество перечисленных лиц в империи составляло всего 2494 человек (1938 мужчин и 556 женщин)¹³⁴.

¹³³ Махонина С.Я. История русской журналистики начала XX века. С. 43.

¹³⁴ Общий свод по Империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года Т. 2. СПб., 1905. С. 238–239.

Говоря о каждом уровне политической коммуникации (направленном на общество, на политически активную общественность или на властную придворно-бюрократическую корпорацию) следует учитывать ограниченный по современным меркам масштаб аудитории и, соответственно, воздействия, оказываемого на нее. Грамотными в различной степени на 1897 г. были 26,5 млн человек (21% населения)¹³⁵. Политическая коммуникация «для народа» транслировалась через «бульварные» издания, рассчитанные на непритязательного читателя¹³⁶. «Московский листок» Н.И. Пастухова и другие подобные издания на протяжении последних десятилетий заполняли эту нишу, публикуя короткие тексты, хронику, иллюстративные материалы, чередуя политические новости с криминальной хроникой. Тем не менее, тиражи подобных изданий редко превышали 100 тыс. экземпляров, что не позволяет говорить о развитости в 1890-е гг. политической коммуникации этого уровня через массовую доступную печать. Тиражи столичных респектабельных периодических изданий также продолжали оставаться незначительными, аудитория газет и журналов ограничивалась образованными городскими слоями, вовлеченными в общественно-политическую повестку. Говоря об уровне коммуникации бюрократии между собой следует подчеркнуть, что на 1897 г. в городах европейской части России общее количество министерских чинов и служащих в канцеляриях составляло 59967 человек, придворных чинов – 4020 человек¹³⁷. Таким образом, две важнейшие функции журналистики, информирования и влияния, были ориентированы в основном на городской образованный слой и лиц, принимающих решения, исключая из общественно-политического дискурса большинство населения империи.

Прежде чем перейти к характеристике формальной и неформальной сторон коммуникации прессы и власти, представляется целесообразным рассмотреть

¹³⁵ Общий свод по Империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года Т. 1. СПб., 1905. С. 38.

¹³⁶ Махонина С.Я. Указ. соч. С. 64–66.

¹³⁷ Общий свод по Империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года Т. 2. С. 256–257.

внутреннюю организацию ведущих редакционных коллективов – «Московских ведомостей», «Гражданина», «Нового времени», «Биржевых ведомостей», «Русских ведомостей» и «Вестника Европы».

«Московские ведомости», одна из ведущих газет Российской империи, была основана в 1756 г. в Москве и до 1909 г. формально принадлежала Московскому университету. С начала 1860-х гг. газета начала приобретать репутацию крайне консервативного издания. Этому способствовала публицистическая деятельность главного редактора газеты М.Н. Каткова (1818–1887). Катков совместно с соиздателем газеты П.М. Леонтьевым считаются одними из основателей российской политической журналистики. «Московские ведомости» под руководством Каткова заняли консервативно-оппозиционную позицию по отношению к реформам Александра II. По тиражу газета стала одной из самых массовых в России, что привело и к коммерческому успеху издания. Влияние «Московских ведомостей» возросло с приходом к власти Александра III и началом контрреформ. Однако несмотря на оказание значительной информационной поддержки политическому курсу Александра III, газета оставалась частным изданием с собственной информационной политикой. «Московские ведомости» продолжали критиковать правительство с консервативных позиций, провели ряд громких информационных кампаний против судебной системы, политики Министерства иностранных дел под руководством Н.К. Гирса, руководителя Министерства финансов Н.Х. Бунге¹³⁸.

В рассматриваемый период на посту главного редактора последовательно находились С.А. Петровский (1846–1917) и В.А. Грингмут (1851–1907). Петровский возглавил газету в 1887 г. при активном участии обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева¹³⁹. Начальник Главного управления по делам печати Е.М. Феоктистов отмечал в своих мемуарах влияние Александра III на процесс перехода управления газетой после смерти Каткова: царь требовал неизменности

¹³⁸ Зайончковский П.А. Указ. соч. С. 277–278.

¹³⁹ Полунов А.Ю. Указ. соч. С. 308.

информационной политики¹⁴⁰. С 1896 г. до своей смерти главным редактором был В.А. Грингмут, «за которого», по словам Суворина, «говорил Витте»¹⁴¹. Консервативный курс газеты сохранялся, тиражи выросли, но значение газеты как главного органа российских консерваторов после смерти Каткова продолжало снижаться.

В дневниках сотрудника редакции Л.А. Тихомирова, в указанный период работавшего политическим обозревателем газеты¹⁴², можно почерпнуть сведения о некоторых особенностях работы издания в 1890-е гг. «Московские ведомости» активно участвовали в политической жизни страны и стремились оказывать влияние на власть и некоторые ее решения. Так, 23 ноября 1894 г. он писал о том, что главный редактор Петровский лично ездил в Петербург узнавать, «какие ветры дуют». В тот же день Тихомиров упомянул информационную кампанию октябрь-ноября 1894 г., в которой «Московские ведомости» одержали «блестящую победу» и заслужили положительную реакцию «свыше»¹⁴³. 7 декабря Тихомиров отметил проводимую газетой очередную кампанию по созданию положительного образа Александра III и его политики. Тихомиров писал о задачах этой кампании: создать положительный образ Николаю II в информационном пространстве до того, как он «примет прочно ведение дел и установит свою линию»¹⁴⁴. 19 декабря Тихомиров раскритиковал некоторые действия Петровского и отметил полемику с «Вестником Европы»¹⁴⁵. 16 декабря 1895 г. он написал о завершении «неудачной» информационной кампании против Витте и его проекта нового устава Крестьянского банка¹⁴⁶.

Личная переписка Грингмута и Тихомирова сохранила свидетельства того, что отношения между ними носили деловой и дружеский характер, и стоит

¹⁴⁰ Феоктистов Е.М. Указ. соч. С. 258.

¹⁴¹ Суворин А.С. Указ. соч. С. 220.

¹⁴² «Московские ведомости» 1756–1917. С. 221.

¹⁴³ Тихомиров Л.А. Указ. соч. С. 498.

¹⁴⁴ Там же. С. 500.

¹⁴⁵ Там же. С. 501.

¹⁴⁶ Там же. С. 506.

признать, что Тихомиров в своем дневнике все же несколько сгущал краски по поводу своей «невостребованности» в «Московских ведомостях». После того, как Грингмут официально возглавил редакцию в январе 1897 г. он предоставил Тихомирову 400 рублей в месяц и квартиру¹⁴⁷.

Грингмут советовался с Тихомировым по вопросам информационной политики издания. Зачастую он присылал Тихомирову список тем для публикации и запрашивал его позицию. Например, характерно письмо Тихомирова Грингмуту с ответами на такой список вопросов от 30/31 января 1897 г.¹⁴⁸ Когда Грингмут был в отъезде, Тихомиров оставался за ответственного редактора и направлял главному редактору на утверждение список ранжированных по приоритету тем. Например, список в письме Тихомирова от 3 октября 1899 г. состоит из пяти «важных тем», сгруппированных по значимости от «биржевого кризиса» до «внешней политики и африканской войны». Тихомиров писал Грингмуту и просил выслать инструкции по ведению газеты: «Без вас лично может быть что-либо поставлено ошибочно. С другой стороны, и ваши инструкции хороши при условии, что вы достаточно осведомлены»¹⁴⁹. В период длительного отсутствия Грингмута в Москве Тихомиров посылал ему подробный отчет о работе редакции. В одном из таких отчетов Тихомиров писал: «Вести газету кое-как, без больших промахов, думаю — мы можем и без вас. Ваше присутствие и дирекция необходимы лишь при более активном положении»¹⁵⁰.

Ежедневная рутина журналистов также нашла отражение в их письмах, причем за Тихомировым иногда было решающее слово, к которому Грингмут прислушивался: «Я хотел выправить эту статью, но кажется она по существу не годится для Моск[овских] ведомостей»¹⁵¹. Или: «Статья Курского-Овсянникова требует полной переделки, с сокращением, с приделкой начала и конца»¹⁵².

¹⁴⁷ ГАРФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 6. Л. 85.

¹⁴⁸ РГАЛИ Ф. 1393 Оп. 1. Д. 98. Л. 8–9.

¹⁴⁹ Там же. Л. 95–96.

¹⁵⁰ Там же. Л. 55–56 об.

¹⁵¹ Там же. Л. 12.

¹⁵² Там же. Л. 13–14.

Консультировался Тихомиров с Грингмутом и по более сложным вопросам, например, о любимой теме московской консервативной газеты – полемике с «Русскими ведомостями». В мае 1895 г. в разгар публичной дискуссии двух московских газет по земскому вопросу Тихомиров писал Грингмуту в Петербург с просьбой найти «чего-нибудь более ясного» для подкрепления аргументов «Московских ведомостей» – ведь «в „Русских Ведомостях“ тоже не дураки и прекрасно все это разоблачат»¹⁵³.

Когда Тихомиров не мог сам решить, стоит ли публиковать материал, он писал Грингмуту либо настаивая на публикации («прилагаемое „Письмо из Мадрида“ <...> следует немедленно ... печатать. Оно интересно и пока еще своевременное, но нельзя терять времени»¹⁵⁴), либо аккуратно аргументируя ее необходимость («не сочтете ли возможным сдать в дневник выдержки из сегодняшних „Новостей“ о речи С.Ю. Витте? Я на всякий случай отметил наиболее интересные места»¹⁵⁵). Вообще, вопрос отношений с Витте был для редакции довольно чувствителен и статьи по финансово-экономической тематике многократно выверялись перед публикацией. Так, посылая Грингмуту в мае 1898 г. статью на проверку, Тихомиров оставил комментарий: «Статья любопытная, но говорит против протекционной системы. Владимир Андреевич должен решить, *можно ли становиться на эту точку зрения*. Сверх того – приписка автора в отношении Государственного банка требует просмотра специалиста. Владимиру Андреевичу следует лично хоть перелистать статью и дать нам принципиальное решение»¹⁵⁶.

Переписка Грингмута и Тихомирова сохранила интересный пример того, как приблизительно в «Московских ведомостях» выглядело «техническое задание» статьи к важному государственному событию. Так, в феврале 1899 г., накануне столетней годовщины смерти Суворова Грингмут просил Тихомирова написать

¹⁵³ РГАЛИ Ф. 1393 Оп. 1. Д. 98. Л. 15–16 об, 44–45 об.

¹⁵⁴ Там же. Л. 59.

¹⁵⁵ Там же. Л. 76.

¹⁵⁶ Там же. Д. 98. Л. 50.

«небольшой текст» о полководце. В тексте было необходимо «очертить его общий государственный облик, как первого, после Петра, национального, легендарного, боевого героя» и написать так, чтобы пробудить «в умах и сердцах самые благородные чувства»¹⁵⁷. Некоторые статьи специально приурочивались к определенной дате с целью максимального информационного воздействия, как, например, статья А.Ф. Филиппова, о которой Грингмут писал Тихомирову: «Статью Филиппова нужно будет приберечь до 18 февраля (день кончины Николая Павловича), а то теперь она будет ни к селу, ни к городу»¹⁵⁸.

Явление совершенно другого порядка представляла собой газета «Гражданин», неразрывно связанная с именем своего основателя, князя В.П. Мещерского (1839–1914). К изданию «Гражданина» Мещерский приступил в 1872 г., главным редактором сначала был Г.К. Градовский, а затем Ф.М. Достоевский¹⁵⁹. Целью создания «Гражданина» в советской и российской историографии долгое время считалось сугубо личное стремление «воздействовать на власть предрержащих», «создать себе громкое имя»¹⁶⁰. Н.В. Черникова в своей последней монографии, посвященной личности и жизненному пути Мещерского, приходит к выводу, что одним из самых важных мотивов для создания постоянной трибуны, с которой можно было бы доносить до правительства и общественности собственные мысли, стала идея о необходимости корректировки результатов Великих реформ¹⁶¹. Сам Мещерский вспоминал, что решил «основать орган консервативный в защиту церковного авторитета, самодержавия и в обличение всех увлечений либерализмом», особенно заметных, по мнению князя, в антиправительственном «Голосе» Краевского и «шальной нигилистической» политике А.С. Суворина, тогда работавшего в «Санкт-Петербургских ведомостях»¹⁶². В процессе поиска идеальной формы передачи информации

¹⁵⁷ РГАЛИ Ф. 1393 Оп. 1. Д. 98. Д. 16. Л. 3.

¹⁵⁸ ГАРФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 6. Л. 83.

¹⁵⁹ Черникова Н.В. Указ. соч. С. 135.

¹⁶⁰ Там же. С. 141.

¹⁶¹ Там же. С. 184.

¹⁶² Мещерский В.П. Указ. соч. С. 157–158.

Мещерский с 1877 г. начал регулярно печатать в «Гражданине» собственную рубрику «Дневник», где доступным языком от лица простого обывателя рефлексировал по поводу происходящих событий¹⁶³. В дальнейшем именно такой жанр наравне с публиковавшейся в газете беллетристикой и литературными произведениями, стал визитной карточкой издания. Основательно изучивший взгляды Мещерского и историю «Гражданина» историк А.С. Карцов считал рубрику «Дневник» одновременно «оружием внутриэлитной борьбы» и «средством воздействия на направление правительственного курса»¹⁶⁴.

Смена внутриполитического курса после смерти Александра II вдохнула новую жизнь в издание князя Мещерского, который лично стал главным редактором. Несмотря на падение доходов и снижение количества подписчиков, «Гражданин» перешел в актуальный ежедневный формат, вернулись многие прежние авторы. Благодаря обширным связям в министерском корпусе Мещерскому удалось добиться рекомендованной подписки на «Гражданин» для сотрудников Военного министерства и Министерства внутренних дел¹⁶⁵. В 1887 г. ежедневно продавалось до 1000 номеров газеты¹⁶⁶. В царствование Александра III правительство выделяло Мещерскому субсидии на развитие издательской деятельности. Однако государственное финансирование, как писала Черникова, «не изменило характера журнала и не притупило резкости пера самого Мещерского». Более того, «Гражданин» так и не стал «официозом», представляя собой выражение лишь частной точки зрения самого князя¹⁶⁷. Карцов отмечал, что «Гражданин» к 1890-м гг. перешел к активной полемике с другими направлениями русского консерватизма, в том числе во многих вопросах выступал против охранительства Победоносцева и «Московских ведомостей»¹⁶⁸. Д. Ливен верно

¹⁶³ Черникова Н.В. Указ. соч. С. 185.

¹⁶⁴ Карцов А.С. Указ. соч. С. 16.

¹⁶⁵ Черникова Н.В. Указ. соч. С. 245.

¹⁶⁶ Письмо кн. В.П. Мещерскому императору Александру III от 12 октября 1887 г. // ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 895. Л. 47об. // Цит. по: Черникова Н.В. Указ. соч. С. 254.

¹⁶⁷ Черникова Н.В. Указ. соч. С. 253.

¹⁶⁸ Карцов А.С. Указ. соч. С. 40–41.

подмечал антибюрократизм взглядов Мещерского. Князь призывал Николая II использовать самодержавные полномочия против министров, «узурпирующих» его власть¹⁶⁹. Как писала Черникова, зачастую отсутствие взаимопонимания с министрами, несмотря на тесные личные связи со многими из них, приводило к тому, что князю Мещерскому не часто удавалось оперативно получить важную правительственную информацию, а в полной мере сотрудничество велось только с министром финансов С.Ю. Витте, который имел с Мещерским одинаковые взгляды на многие вопросы, например, оба выступали против сближения с Францией и активизации дальневосточного направления внешней политики России; кроме того, Витте был одним из немногих министров, видевших перспективное значение прессы для решения политических задач¹⁷⁰. Тем не менее, в середине 1890-х гг. князь испытывал финансовые трудности: в 1896 г. Николай II отказал изданию князя Мещерского в предоставлении правительственной субсидии, что привело к отказу от ежедневного формата и снижению тиражей¹⁷¹.

«Гражданин» за все время своего существования сменил несколько форматов: выходил еженедельно в 1872–1879 гг., 1883–1884 гг. и 1911–1914 гг., 2 раза в неделю в 1882 г., 1885–1886 гг. и 1897–1909 гг., 3 раза в неделю в 1887 г., ежедневно в 1888–1897 гг. В конце 1870-х гг. за консервативную критику политики Александра II «Гражданин» получил несколько предупреждений, в период с 1879 по 1882 гг. не издавался.

«Новое время» – одна из крупнейших и наиболее неоднозначных газет пореформенного периода. Издание газеты было начато в 1865 г. историком А.К. Киркором¹⁷². Не снискав популярности, газета переходила из рук в руки, пока К.В. Трубников (создатель «Биржевых ведомостей») в 1876 г. не продал ее за 15 тыс. рублей А.С. Суворину (1834–1912), в то время фельетонисту «Санкт-

¹⁶⁹ *Lieven D.C.B.* Op. cit. P. 106.

¹⁷⁰ *Черникова Н.В.* Указ. соч. С. 323.

¹⁷¹ Там же. С. 248

¹⁷² *Глинский Б.Б.* Указ. соч. С. 12.

Петербургских ведомостей»¹⁷³. К концу 1876 г. тираж до того момента убыточного «Нового времени» достиг 15 тыс. экземпляров¹⁷⁴ и именно с фигурой Суворина ассоциируется дальнейший успех газеты. Суворин определил программу «Нового времени» как особую, отличную от радикального, либерального или консервативного направлений¹⁷⁵, в дальнейшем неопределенная идеологическая позиция газеты позволила критикам окрестить ее прозвищем «Чего изволите?»¹⁷⁶, а информационная политика издания получила название «нововременство»¹⁷⁷. «Новое время» зачастую проводило в своих материалах официозную линию, но в отдельных вопросах позволяло себе критику правительства в духе оппозиционных газет¹⁷⁸. Публицист Н.Я. Абрамович в своем критическом очерке, посвященном «Новому времени», писал, что «неожиданную самостоятельность и ретивость» газета проявляла только тогда, когда благодаря «широкой осведомленности» могла предугадать правительственный курс и «обрушиться» на сановника, «под которым зыбилась почва»¹⁷⁹. Некоторые идеи «Нового времени» на момент публикации не находили сочувствия ни у правительства, ни у общественности, например, в 1899 г. газета самостоятельно осуждала «нерешительную» политику МИД и выступала в защиту активной внешней политики¹⁸⁰.

К 1890-м гг. «Новое время» представляло собой мощный издательский конгломерат, «печатную империю»¹⁸¹, тираж газеты в среднем составлял около 50 тыс. экземпляров¹⁸² (по данным Б.В. Гея в июле 1898 г. количество подписчиков составляло 46312 тыс., в июле 1899 г. – 47118 тыс¹⁸³.). Газета выходила ежедневно

¹⁷³ Динерштейн Е.А. Указ. соч. С. 56.

¹⁷⁴ Там же. С. 55.

¹⁷⁵ Там же. С. 59.

¹⁷⁶ Там же. С. 61.

¹⁷⁷ Боханов А.Н. Указ. соч. С. 44.

¹⁷⁸ Ambler E. Op. cit. P. 175.

¹⁷⁹ Абрамович Н.Я. Указ. соч. С. 14.

¹⁸⁰ Динерштейн Е.А. Указ. соч. С. 75.

¹⁸¹ Соловьева И. Шитова В. Указ. соч. С. 20.

¹⁸² Динерштейн Е.А. Указ. соч. С. 98.

¹⁸³ РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 875. Л 65.

на шести-восьми полосах и имела иллюстрированное приложение¹⁸⁴. «Новое время» освещало широкий круг вопросов, сам Суворин публиковался в рубрике «Маленькие письма». «Новое время», как и все издания второй половины XIX в., «было ограничено в возможностях освещения внутренней жизни страны» и, чтобы делать газету интересной для читателя, Суворин создал службу собственных иностранных корреспондентов, благодаря которым в газете больше внимание уделялось зарубежной хронике¹⁸⁵. Известность получили политические фельетоны В.П. Буренина¹⁸⁶. Несмотря на популярность газеты в бюрократически-чиновничьих кругах, среди русской общественности и профессиональной журналистской среды «Новое время» подвергалось остракизму.

Интересные воспоминания, проливающие свет на особенности внутренней работы редакции «Нового времени», оставил сотрудник газеты Н.А. Энгельгардт. Он работал в газете в 1897–1904 гг., публиковал заметки «Из дневника» и фельетоны под заглавием «Петербургские настроения»¹⁸⁷. В некоторых случаях замещал ответственных за другие блоки, например, «составлял» вместо М.М. Иванова отдел «Среди газет и журналов»¹⁸⁸. В настоящем исследовании использовались неопубликованные воспоминания, хранящиеся в РГАЛИ, так как публикация 1998 г., подготовленная С.В. Шумихиным, содержит значительные сокращения¹⁸⁹.

Об общем направлении газеты «Новое время» и ее влиянии на рубеже веков, заочно полемизируя с критиками, Энгельгардт писал: «Не замечали честного человека и направления и в „Новом времени“. А это было русское чувство русского человека. В самом деле, во всех случаях газета стояла за интересы России и русского народа и, мало того, в ней были чуткость, чувство русское, жизненный

¹⁸⁴ Рыбаченок И.С. Указ. соч. С. 84.

¹⁸⁵ Динерштейн Е.А. Указ. соч. С. 74.

¹⁸⁶ Игнатова И.Б. В.П. Буренин в «Новом времени» (1876–1900) (Библиографический список критических статей). // Новое литературное обозрение, №118. 2012. С. 441–457.

¹⁸⁷ РГАЛИ. Ф. 572. Оп. 1. Д. 343. Л. 49 об.

¹⁸⁸ Там же. Л. 54 об.

¹⁸⁹ Энгельгардт Н.А. Эпизоды моей жизни: Воспоминания / Публ. С. В. Шумихина // Минувшее. СПб., 1998. Т. 24. С. 7–119.

здравый смысл. <...> Газета не нуждалась в субсидиях правительства, ибо приносила огромный доход и сделала А.С. Суворина миллионером. Она зависела от цензуры, но в то же время влияла на дела так, что передовой газеты можно было и низложить, и возвести министра. По влиятельному составу сотрудников это было особое министерство»¹⁹⁰.

Как писал Энгельгардт, так называемый «ночной редактор» газеты, выпускавший номер, «не мог выдержать такой работы более 4-х месяцев». Происходила постоянная текучка кадров, в 1890-е гг. многие сотрудники прошли через эту позицию (например, первый секретарь редакции Б.В. Гей). Ночные редакторы имели двух-трех помощников, сверявших текст статей и следивших за тем, «чтобы не проскользнули нелепости, lapsus'ы, ошибки»¹⁹¹. Иностранном отделом до своей смерти в 1900 г. заведовал К.И. Кавос. Передовые статьи писал известный журналист М.А. Загуляев¹⁹².

Н.В. Снессарев, многолетний заведующий расчетной частью газеты, неоднозначная фигура, бывшая в центре многочисленных коррупционных скандалов, после смерти Суворина поссорился с его наследниками и опубликовал брошюру, раскрывающую внутреннюю жизнь редакции и тайную сторону коммерческих информационных компаний. Несмотря на очевидную тенденциозность и непростую историю отношений с Сувориным и Геом¹⁹³, Снессарев довольно тепло описывает атмосферу в редакции в 1890-е гг.: «Это была одна большая семья, одна большая школа, в которой единственный учитель Алексей Сергеевич совершенно одинаково давал жесточайший разнос фельетонисту или передовику, или хвалил репортера. От 4-х до 7 часов в редакцию собирались обыкновенно все сотрудники и шли нескончаемые разговоры и споры. Вечером собирались опять, но споров тут было меньше. Вечером шла работа. Суворин читал газету в столбцах всю, кроме так называемого внутреннего или

¹⁹⁰ РГАЛИ. Ф. 572. Оп. 1. Д. 343. Л. 50.

¹⁹¹ Там же. Л. 51.

¹⁹² Там же. Л. 51 об.

¹⁹³ См. РГАЛИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 3974. Л. 9.

провинциального отдела. Ему он не придавал никакого значения, хотя и вечно ругался, что отдел этот никуда не годится. В действительности он и вправду всегда был плох и таким же остался. Исключением является период 1895–1901 годов, когда отделом заведовал М.[М.] Коялович, сделавший его живым и интересным»¹⁹⁴.

Архив Суворина сохранил его переписку с ключевыми фигурами редакции, которая показывает, как была выстроена неформальная сторона их взаимодействия. Переписка с передовиком Загуляевым сохранила широкую палитру тематик статей и их обсуждения перед публикацией, например, касательно освещения деятельности МИД¹⁹⁵. Эпистолярное наследие Б.В. Гея еще ждет своего полного введения в научный оборот. Очень теплая, подробная переписка первого секретаря редакции с Сувориным отражает деловые стороны деятельности редакции и хорошие личные отношения двух журналистов¹⁹⁶. Когда в 1900 г. скоропостижно скончался заведующий финансовой частью «Нового времени» А.П. Коломнин, Суворин записал в дневнике: «Газета ему была так же дорога, как мне. Никто его мне не заменит. Я лишился в нем верного друга и отличного советника. В этом отношении он был для меня тем же, как Б.В. Гей»¹⁹⁷.

Энгельгардт писал, что в «Новом времени» каждый сотрудник «не терял своей личности», не было подобных «катковцам» «нововременцев»¹⁹⁸. В рассматриваемый период в газете начал публиковаться В.И. Розанов. Энгельгардт писал по этому поводу: «Что бы делал Розанов и куда бы пристроился без „Нового времени“, когда так называемая правая, консервативная печать представляла каменистое поле»¹⁹⁹.

Пример Розанова, сохранившего и сделавшего себе имя на статьях у Суворина, примечателен и в следующем отношении: на примере переписки

¹⁹⁴ Снегсарева Н.В. Указ. соч. С. 10–11.

¹⁹⁵ РГАЛИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 1450. Л. 20

¹⁹⁶ Там же. Д. 875.

¹⁹⁷ Суворин А.С. Указ. соч. С. 430.

¹⁹⁸ РГАЛИ. Ф. 572. Оп. 1. Д. 343. Л. 51.

¹⁹⁹ Там же. Л. 66.

главного редактора «Нового времени» с ним можно понять тот уровень вовлеченности, который имел Суворин в дела газеты. В 1893 г. Суворин писал Розанову по вопросу о содержании статьи «Свобода и вера»: «О согласии или несогласии с вами редакции, конечно, не может быть речи, ибо у Вас есть имя». Тем не менее, в технической стороне вопроса издатель настаивал на своих правилах: «Я вообще против больших статей в газете, исключая беллетристики. <...> Газетная статья – фельетон, не больше. <...> Если у Вас найдется что-нибудь менее философское и более ясное, и прямое для читателей, я с удовольствием бы принял на тех условиях, которые Вы назначили. Я говорю „ясное“, ибо, признаюсь Вам, мне было трудно читать Вашу статью, и я даже не уверен, понимаю ли я ее так, как следует»²⁰⁰. Ясность текста вообще была одним из основных критериев для такой массовой газеты, как «Новое время». В 1898 г. Суворин писал Розанову: «Буренин дал мне прочесть два Ваших фельетона, которые он не напечатал, потому что „не понял их“. Я их прочитал и не понял тоже. Странный афористический язык, пересыпанный текстами из Библии и русских писателей; трудно одолевается. Мысль прячется, точно конфузится показаться на свет Божий, или не хочет явиться в понятной для всех форме. <...> В Вашем фельетоне о Толстом чувствуется что-то хорошее, но только чувствуется. Он должен быть переведен на ясный и простой язык, чтобы его все уразумели. Нельзя на 800 строках говорить загадками, какие бы чудесные отгадки за ними ни скрывались. <...> Делайте с ними что хотите, но в этой форме я не могу их поставить в газету»²⁰¹.

Иногда Розанов писал и передовые статьи с политическим контекстом, но тут у Суворина было свое видение: «Я прочел Вашу передовую о *Мертвой точке*. Я думаю, что в этом виде она резка. Но тема была бы хороша для фельетона ... В фельетоне не будет видно слишком яркого указания на правительство»²⁰².

²⁰⁰ Письма А.С. Суворина к В.В. Розанову. С. 69–70.

²⁰¹ Там же. С. 71–72.

²⁰² Там же. С. 78.

Показательно письмо Суворина Розанову с просьбой «почистить» текст от лишних знаков: «Прочтите *хорошенько корректуру* своей статьи, уничтожьте скобки (), которые мешают читать, делают это чтение *прыгающим*, отвлекающим, негармоничным. Они все равно, например, как в игре на скрипке лопанье струны. Я Вас уверяю. Все статьи вообще испещрены этими скобками и знаками « », которые столько же не нужны, как курсив. Это что-то неопрятное, заплаты на новом платье, румяна на свежем лице, губная помада на губах. Зачем это, Христа ради. <...> Повторяю еще раз: внимательно прочтите корректуру. Вам это нужно делать»²⁰³.

Очень хорошо личное отношение Суворина к газетному делу и своей миссии показывает еще один отрывок из письма Розанову: «Не надо обезличивать никого, не надо на всех мундир надевать. Против этого я восставал ужасно и думаю, что я прав. Надо больше давать свободы личному мнению и не навязывать своего взгляда. <...> Газета не есть собрание истин, а собрание мнений. Меня упрекали в том, что я будто бы флюгер. Я совсем не флюгер. <...> Я давал свободу мнениям и заботился главным образом о литературной форме. В этом отношении я много работал над чужими статьями. Я любил говорить с сотрудниками по целым часам, но не столько об их статьях, сколько по поводу их. Часто мнения, которым я давал место, мне совсем не нравились, но мне нравилась форма, остроумие, живая струя. Ручей – не Волга, речка – не океан, но и в ручье, и в речке есть поэзия, есть правда природы. Так и в человеческой душе. Лишь бы она была искренняя»²⁰⁴.

«Биржевые ведомости» – одно из крупнейших и наиболее влиятельных периодических изданий рубежа XIX-XX вв. Несмотря на свою значимую роль в общественно-политической жизни России, история создания и развития газеты практически не нашла отражения в отечественной и зарубежной историографии (за исключением статьи А.В. Коноваловой²⁰⁵ и исследования отдельных аспектов

²⁰³ Письма А.С. Суворина к В.В. Розанову. С. 88.

²⁰⁴ Там же. С. 80–81.

²⁰⁵ Коновалова А.В. Указ. соч. С. 111–119.

деятельности газеты Л. Макрейнольдс²⁰⁶). Кроме того, не сохранились архивы издательских документов «Биржевых ведомостей»²⁰⁷. Газета была образована К.В. Трубниковым в 1861 г. путем преобразования «Коммерческой газеты». Однако первое издание потерпело неудачу и к 1879 г. газета прекратила свое существование. В 1880 г. за 13 руб. 50 коп. «Биржевые ведомости» были куплены австрийским поданным еврейского происхождения С.М. Проппером (1853/1855–1931)²⁰⁸. Новый владелец газеты энергичными и зачастую провокационными методами добился превращения «Биржевых ведомостей» в ведущее деловое издание Российской империи. Редактор газеты А.В. Кауфман отмечал, что Проппер начал ведение газеты «без всяких почти средств, будучи, как иностранный подданный, мало знаком с русской жизнью и литературой»²⁰⁹. Макрейнольдс писала, что под руководством Проппера «Биржевые ведомости» сумели занять нишу «Голоса» Краевского и предложить общественности газету с либеральными взглядами. Американская исследовательница ставила владельца «Биржевых ведомостей» в один ряд с известным медиамагнатом США Дж. Пулитцером²¹⁰.

В 1896 г. И.И. Ясинский сменил Д.А. Линева на должности главного редактора газеты. Проппер предложил ему пять тысяч рублей жалования в год²¹¹. Начинаясь, по словам Ясинского, с тиража в 500 экземпляров²¹², к концу 1890-х гг. «Биржевые ведомости» продавались в количестве 100 тыс. экземпляров²¹³, а к 1905 г. тираж составил 130 тыс. экземпляров²¹⁴. Такой резкий рост популярности издания стал возможен благодаря изданию второго выпуска газеты с 1893 г. Как писал Ясинский, первое издание, распространявшееся преимущественно в столице

²⁰⁶ *McReynolds L.* The News under Russia's Old Regime: The Development of a Mass-Circulation Press. Princeton University Press, 1991.

²⁰⁷ *Коновалова А.В.* Указ. соч. С. 111.

²⁰⁸ Там же. С. 112.

²⁰⁹ *Кауфман А.Е.* Из журнальных воспоминаний // Исторический Вестник. 1912. № 12. С. 1070. // Цит. по: *Коновалова А.В.* Указ. соч. С. 113.

²¹⁰ *McReynolds L.* Op. cit. P. 126.

²¹¹ *Ясинский И.И.* Указ. соч. Т. I. С. 501.

²¹² Там же. С. 493.

²¹³ *McReynolds L.* Op. cit. P. 125.

²¹⁴ *Ibid.* P. 293–299.

в количестве всего лишь 700 экземпляров, «носило характер солидного органа», в нем печатались «унизительно составленные отчеты о действиях правительства, о придворной жизни и биографические данные по поводу назначений на высшие посты тех или иных сановников». Это было «знаменем газеты» для «втирания очков правительству»²¹⁵, а основная масса читателей в провинции была подписана на более свободное второе издание. Сравнивая направленность двух изданий «Биржевых ведомостей», Ясинский характеризовал первое как не совсем либеральное, а «на самом деле консервативно-либерально-биржевое», а второе как «либеральное ... с земской окраской»²¹⁶. «Биржевые ведомости» занимали аккуратную позицию в полемике с другими изданиями, что Проппер объяснял модерационной деятельностью «Российского телеграфного агентства», которое «часто собирало совещания по вопросам распространения информации», где «редакторы петербургских газет перезнакомились друг с другом, и между ними начали выстраиваться хорошие личные взаимоотношения, смягчившие свойственную им ранее полемику»²¹⁷.

«Вестник Европы» – литературно-политический журнал, издававшийся в Петербурге с 1866 г. историком и публицистом М.М. Стасюлевичем (1826–1911). С 1869 г. журнал выходил ежемесячно. «Вестник Европы» занимал умеренно-либеральную позицию, взвешенно критиковал курс контрреформ. Некоторые исследователи называли направление, принятое журналом, «социальным либерализмом»²¹⁸. С журналом сотрудничали многие известные литераторы и писатели, например, А.К. Толстой, М.Е. Салтыков-Щедрин, И.А. Гончаров, В.С. Соловьев²¹⁹. Несмотря на литературный уклон «Вестника Европы», Стасюлевич большое внимание уделял политической публицистике. Некоторое влияние на формирование политической линии журнала оказал К.Д. Кавелин²²⁰.

²¹⁵ Ясинский И.И. Указ. соч. Т. I. С. 498.

²¹⁶ Там же. С. 499.

²¹⁷ Проппер С.М. Указ. соч. С. 245.

²¹⁸ Китаев В.А. Указ. соч. С. 549.

²¹⁹ Кельнер В.Е. Указ. соч. С. 231.

²²⁰ Там же. С. 166.

Материалы для «Общественной хроники» журнала писали Л.З. Слонимский и А.Н. Пыпин²²¹. Несмотря на то, что зачастую «Вестнику Европы» приходилось «отмалчиваться» по поводу тех или иных вопросов внутренней политики, чтобы не попасть под цензуру²²², в глазах общественности журнал к рубежу веков находился во главе независимой оппозиционной печати²²³.

В 1890-х гг. количество постоянных подписчиков журнала колебалось в районе 4 тысяч человек²²⁴. К 1897 г. издательский дом Стасюлевича был одним из десяти крупнейших в Петербурге²²⁵. Каждый месяц более чем 500-страничный номер охватывал широкий круг вопросов: русскую и зарубежную литературу, исторические и этнографические исследования, заметки путешественников, мировые и внутренние новости и т.д.²²⁶. Тем не менее, время толстых аналитических журналов уходило, на смену им приходили массовые и дешевые ежедневные газеты²²⁷. Применительно к ситуации с «Вестником Европы» представляется уместным привести мысль Энгельгардта о журналистике в меняющемся обществе: «Журналист не доктринер. Профессор с кафедры может продолжать чтение курса, как бы ни изменялись вокруг него события. Но журналист не может сегодня говорить языком вчерашнего дня; никто не станет его читать. Журналистика – прикладная литература»²²⁸.

Энгельгардт писал о Стасюлевиче как о «бесконечно приятном и тактичном» человеке, «воплощении европеизма в лучшем смысле»²²⁹. Переписка Стасюлевича с ведущими членами редакции «Вестника Европы» – Арсеньевым, который вел практически все рубрики журнала и особенно «Внутреннее обозрение» и «Общественную хронику», и Слонимским, заведовавшим рубрикой «Иностранное

²²¹ Кельнер В.Е. Указ. соч. С. 231.

²²² Там же. С. 232.

²²³ Там же. С. 238.

²²⁴ ИРЛИ РАН. Ф. 293. Оп. 1. Д. 17. Л. 1–13.

²²⁵ Fedyashin A.A. Op. cit. P. 101.

²²⁶ Ibid. P. 115.

²²⁷ Ibid. P. 105–106.

²²⁸ РГАЛИ. Ф. 572. Оп. 1. Д. 343. Л. 53.

²²⁹ Там же. Л. 219.

обозрение», может дать представление об особенностях работы журнала по политическим проблематикам. Арсеньев, с 1882 г. оставивший государственную службу, использовал журнал как трибуну, на которой он сформулировал многие теоретические положения либерального направления русской мысли²³⁰. Стасюлевичу постоянно приходилось удерживать Арсеньева и еще более темпераментного Слонимского от излишнего градуса полемики с консервативными изданиям, чтобы продлить существование легальной либеральной площадки²³¹. Особенности сохранившейся переписки заключаются в том, что велась она в основном в периоды пребывания главного редактора «Вестника Европы» за границей, в остальное время, по всей видимости, вопросы внутренней работы решались в личном порядке.

Переписка показывает, что, даже находясь в Европе, Стасюлевич принимал самое живое участие в подготовке статей и материалов политического характера. Обычно ведущие авторы начинали готовить статьи для следующей «книжки» журнала за месяц до ее выхода в свет. Так, Арсеньев в начале августа 1895 г. уже подробно отчитывался перед Стасюлевичем о работе над следующим «Внутренним обозрением»: «За внут[реннее] обозрение принялся, поэтому охотно и написал уже больше половины его. О фильтрах и т.п. ввиду всего сообщаемого вами конечно пока писать не буду»²³². В октябре 1897 г. Арсеньев посылал находящемуся в Германии Стасюлевичу «в двух заказных пакетах» текст «Общественной хроники»²³³. В октябре 1899 г. Арсеньев сам находился в Германии и слал в Петербург «Внутреннее обозрение» и «Общественную хронику»²³⁴.

В сложных вопросах Арсеньев предпочитал писать с «осторожностью» и «осмотрительностью»: «Рискую напрасным трудом, я постараюсь завтра же написать несколько слов, строго руководствуясь „инструкцией“ наших опекунов

²³⁰ Кельнер В.Е. Указ. соч. С. 211.

²³¹ Там же. С. 213.

²³² РО ИРЛИ РАН. Ф. 293. Оп. 1. Д. 165. Л. 268–269.

²³³ Там же. Д. 40. Л. 61, 63.

²³⁴ Там же. Л. 97–99 об.

<...> и пришлю их на вашу апробацию»²³⁵. Выходной вариант «книжки» после правок Стасюлевича уже не высылался авторам, а сразу публиковался. Подтверждением этому является письмо Арсеньева, в котором он сетует на то, что Стасюлевич в августовском номере журнала поставил перед «Внутренним обозрением» не планировавшуюся Арсеньевым статью, которая, как он написал в письме, «сильно расходится с тем, что я писал в вн[утреннем] обозр[ении] и намерен писать»²³⁶.

Интересен случай с публикацией в журнале в 1895 г. некролога бывшему министру финансов Бунге, когда Арсеньев остался недоволен предложенной Стасюлевичем схемой публикаций и написал пространное письмо, которое представляется необходимым привести целиком: «Вы не говорите, кто написал некролог Бунге. Если вы сами – ничего не могу сказать; если кто-нибудь другой, признаюсь, поскольку жалею, что от внутр[еннего] обозр[ения] отрезана такая существенная его часть. За деятельностью Н[иколая] Х[ристиановича Бунге], как министра финансов, я следил очень внимательно и много копий преломил за него с [„]Моск[овскими] вед[омостями“]. Прощальное обозрение о нем – 1887 г. №2 – следовало бы, как мне кажется, напомнить в его некрологе. Но всего более я жалею о том, что вы не прислали мне оттиска некролога; так как он вероятно пойдет отдельной статьей, я мог бы, в случае необходимости, дополнить его в вн[утреннем] об[озрении]. Даже теперь мне очень хотелось бы сказать несколько слов о статье [„]М[осковских] в[едомостей“], содержащей некролог Бунге. Если успею написать ее завтра, то пошлю ее на ваш просмотр в Берлин»²³⁷.

Важное место в полемике «Вестника Европы» с другими периодическими изданиями занимала полемика с «Московскими ведомостями». Это едва ли не единственное из всех периодических изданий, которым Стасюлевич, Арсеньев и Слонимский посвящают достаточно времени в своей переписке. Стасюлевич писал

²³⁵ РО ИРЛИ РАН. Ф. 293. Оп. 1. Д. 99. Л. 279–279 об.

²³⁶ Там же. Л. 268–269.

²³⁷ Там же. Ф. 359. Оп. 1. Д. 40. Л. 55–56 об.

Слонимскому в июне 1894 г., благодаря последнего за хлесткий ответ «Московским ведомостям» по поводу нового закона об анархистах во Франции: «Увидел и аплодировал, но едва ли „Москов[ские] вед[омости]“ можно в чем-нибудь убедить; они, как римские авгуры, пред публикою священнодействуют, а без нее – смеются сами над тем, что проповедуют. И все-таки я очень рад, что вы дали хороший ответ – умеренный в выражении и сильный по существу. Нельзя же в самом деле позволять – морочить публику таким наглым образом»²³⁸ (в статье Слонимский опровергал информацию московской газеты о будто бы выведении из под юрисдикции суда присяжных ряда категорий судебных дел во Франции и писал: «„Московские ведомости“ полагают, что так называемые либеральные принципы – свобода личности, свобода совести и мнений, начало терпимости, публичность и гласность суда – зависят от временной, преходящей моды ... если перечисленные принципы либерализма, по мнению газеты, начинают выходить из моды, ... то оставалось бы думать, что и старинные предписания христианской морали, с точки зрения „Московских ведомостей“, давно уже вышли из моды и не должны, будто бы, признаваться обязательными для российских патриотов»²³⁹). В конце июня 1899 г., в процессе поиска властями путей решения студенческой проблемы, Арсеньев писал Стасюлевичу: «Теперь заблаговременно пишу общ[ественную] хронику для август[овской] книжки, пользуясь статьями „Моск[овских] ведомостей“ для обсуждения университетской реформы»²⁴⁰.

В июле 1899 г. Стасюлевич после прочтения одной из последних статей «Московских ведомостей» (где, видимо, критиковались взгляды его самого и издаваемого им журнала) писал Слонимскому, высмеивая иностранное происхождение главного редактора московской консервативной газеты: «Что касается „Москов[ских] ведомостей“, то я опасаюсь, что К[онстантин] П[етрович] Победоносцев] рассердился на этого чисто-русского человека <...> эти люди

²³⁸ РО ИРЛИ РАН. Ф. 293. Оп. 1. Д. 98. Л. 36–36 об.

²³⁹ Иностранное обозрение // Вестник Европы. Август 1894 г., Т. IV., С. 878.

²⁴⁰ РО ИРЛИ РАН. Ф. 359. Оп. 1. Д. 40. Л. 88 об–89.

только этого и хотят, так у них всегда в запасе еще несколько ушатов с помоями. Точно так же я попаду в смешное положение, если начну доказывать Грингмуту, что я помнящий истоки ... я тоже и в гораздо большей степени русский, чем он сам. А он тогда оболъет меня ... и опять я должен опровергать его»²⁴¹.

В своей полемике с «Московскими ведомостями» Стасюлевич имел традиционного и влиятельного союзника по либеральному лагерю – газету «Русские ведомости». Газета к рубежу XIX–XX вв. имела репутацию либерального печатного органа московской профессуры. Первым редактором и основателем газеты стал литератор Н.Ф. Павлов (1803–1864). Уже с 1868 г. газета стала выходить в ежедневном формате. В 60–70-е гг. под руководством Н.С. Скворцова (1839–1882) «Русские ведомости» постепенно заняли ведущее положение в либеральном лагере. Принципиальной позицией «Русских ведомостей» по вопросу университетской автономии газета привлекала московское академическое сообщество и интеллигенцию, которые к тому времени не имели своей газеты, а с Катковым и Леонтьевым из «Московских ведомостей» уже разошлись идеологически²⁴². Уникальным для русской журналистики стало наличие идейной программы издания²⁴³, выраженной в 1873 г. сотрудниками газеты (А.С. Постниковым, В.М. Соболевским, А.И. Чупровым, Н.И. Зибером и И.Ф. Ковалевым) на съезде в Гейдельберге, где они поставили своей целью добиваться конституционных изменений в стране²⁴⁴. С 1882 г. главным редактором был В.М. Соболевский (1846–1913)²⁴⁵, с 1891 г. вторым редактором-издателем был А.С. Посников²⁴⁶. В этот период газета, продолжавшая выходить как легальный печатный орган, часто сталкивалась с цензурными ограничениями, несколько раз временно приостанавливала деятельность, но продолжала находиться в оппозиции официальному курсу контрреформ. Сотрудник газеты В.А. Розенберг позднее в

²⁴¹ РО ИРЛИ РАН. Ф. 293. Оп. 1. Д. 165. Л. 103.

²⁴² Розенберг В.А. Указ. соч. С. 22.

²⁴³ Гиляровский В.А. Указ. соч. С. 23.

²⁴⁴ Розенберг В.А. Указ. соч. С. 54–55.

²⁴⁵ Юровский В.Е. Указ. соч. С. 150.

²⁴⁶ Лисовский Н.М. Указ. соч. С. 198.

эмиграции вспоминал, что в условиях давления со стороны власти, редакция пыталась привлечь как можно большее количество талантливых сотрудников и литераторов, например, М.Е. Салтыкова или Н.К. Михайловского²⁴⁷. С середины 1890-х гг. в управлении газетой все большее значение начали приобретать Г.Б. Иоллос, В.Е. Якушкин, И.Н. Игнатов²⁴⁸.

К 1899 г. тираж «Русских ведомостей» превышал 20 тыс. экземпляров²⁴⁹. Газета представляла собой довольно успешное с коммерческой точки зрения предприятие²⁵⁰, для управления которым в 1882 г. было учреждено товарищество из числа сотрудников газеты и профессуры Московского университета²⁵¹. Кроме того, по мнению Ч. Рууда, «Русские ведомости» были примером первой «настоящей» газеты, где журналисты не только освещали новости и мнения, но и владели самим изданием²⁵². Несмотря на финансовые успехи, «Русские ведомости» не уделяли внимания новым веяниям в оформлении газет, не пользовались крупными заголовками, двухколонной версткой и набирались «узким корпусом», оставаясь «скучно-академической газетой с обилием пространных наукообразных статей»²⁵³. Формат газеты представлял собой семь столбцов на странице по «160 строк корпуса», количество страниц составляло от 4 до 8²⁵⁴.

Соболевский поддерживал постоянную переписку со Стасюлевичем, в которой стороны обсуждали вопросы координации кампаний против консерваторов и обмен материалами своих изданий. В одном из писем Стасюлевич признавал, что ежедневный формат «Русских ведомостей» может сделать гораздо больше для того, чтобы «проучить нахалов и прихвостней Страстного бульвара»²⁵⁵. В случае, если Соболевский был «недостаточно в курсе дела», чтобы начать

²⁴⁷ Розенберг В.А. Указ соч. С. 91.

²⁴⁸ Там же. С. 95.

²⁴⁹ Таточенко В.В. Указ. соч. С. 158.

²⁵⁰ Боханов А.Н. Указ. соч. С. 43.

²⁵¹ Там же. С. 68.

²⁵² Ruud Ch. Op. cit. P. 200.

²⁵³ Боханов А.Н. Указ. соч. С. 70.

²⁵⁴ Розенберг В.А. Указ. соч. С. 250.

²⁵⁵ М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. V. С. 437.

открытую полемику, он просил Стасюлевича прислать что-нибудь «в виде ли письма в редакцию, или прямо как материал для редакционной заметки»²⁵⁶. За эти статьи «Русские ведомости» платили Стасюлевичу, однако тот постоянно отказывался от гонорара, перенаправляя его в Общество детских колоний Е.Н. Орловой²⁵⁷. Некоторые сотрудники попеременно работали в двух изданиях, и работа в каждом являлась дополнительным основанием для приема на работу, так, основной берлинский корреспондент «Вестника Европы» Г.Б. Василевский рекомендовался Стасюлевичем Слонимскому именно как «старый сотрудник» московской либеральной газеты²⁵⁸.

В важных вопросах внутренней жизни, как, например, в вопросе о народной школе в 1897 г. (где позиции консерваторов и либералов были крайне противоположными) Соболевский совместно с Стасюлевичем координировали публикации. 5 марта 1897 г. Соболевский писал: «В „Московских ведомостях“ печатается ряд статей, пытающихся доказать своевременность передачи начальной школы из рук земства в руки государства. <...> Многие ставят появление этих статей в связь с упорно держащимися слухами о предстоящем будто бы слиянии „просвещения“ с синодом. Если что-нибудь подобное заслуживает доверия, то понятно, какому „государству“ хотят передать школу. Как бы то ни было, мне кажется, для пользы дела и для успокоения умов было бы очень своевременно и важно, чтобы помимо анонимных редакционных статей, подобные статьи получили отпор по существу со стороны лица с авторитетным именем. Статья напр[имер] за Вашей подписью имела бы неизмеримо большее значение, чем ряд передовых статей, на которые многие смотрят просто как на „полемику“, естественную и обязательную между двумя органами противных лагерей». Соболевский просил Стасюлевича опубликовать в «Русских ведомостях» статью под собственным именем, чтобы придать веса позиции либералов²⁵⁹. Стасюлевич

²⁵⁶ М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. V. С. 437–438.

²⁵⁷ Там же. С. 460.

²⁵⁸ РО ИРЛИ РАН. Ф. 293. Оп. 1. Д. 98. Л. 45 об.

²⁵⁹ М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. V. С. 456.

предложил другой вариант – напечатать такую статью в «Вестнике Европы», т.к. в журнале он может позволить себе «быть развязнее – на свой риск и страх», а затем опубликовать в «Русских ведомостях» аналитический обзор этой статьи²⁶⁰. После публикации статьи Стасюлевича в журнале, Соболевский писал: «Прочитав сейчас Вашу статью, думаю, что она исчерпывает сущность соображений Цертелева и К и превосходно отвечает на них. С напечатанием статьи я поспешу и уже сдал ее в набор, что не помешает, конечно, впоследствии, буде окажется надобность, вернуться к вопросу и „от редакции“»²⁶¹.

1.2. Взаимодействие с Главным управлением по делам печати²⁶²

Основным нормативно-правовым актом, регулирующим отношения государства и прессы в последнее десятилетие XIX в. был Устав о цензуре и печати 1890 г. Он включал в себя предыдущие законы, распоряжения и циркуляры²⁶³. В Уставе формулировались общие принципы и конкретные указания, которыми должны были руководствоваться цензоры и издатели периодических изданий в повседневной работе. Специфика цензурного законодательства состояла в том, что юридическими рестрикциями невозможно было предусмотреть все случаи, которые могли встретиться на практике²⁶⁴. Особенно отчетливо это проявлялось в вопросах, связанных с обеспечением национальной безопасности – к примеру, публикации нежелательных сведений о военных планах и действиях правительства в 1890-е гг. регулировались отдельными циркулярами в режиме ручного управления на основании статьи 140 Устава о цензуре и печати, говорившей о

²⁶⁰ М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. V. С. 457.

²⁶¹ Там же. С. 458.

²⁶² При подготовке данного параграфа использованы следующие работы автора: *Серопегин А.М.* Взаимодействие либеральной периодики и МВД в 1894-1899 гг.: стратегии «Биржевых ведомостей», «Русских ведомостей» и «Вестника Европы» // Клио. 2025. № 2 (218). С. 40–46; *Серопегин А.М.* Взаимоотношения «Московских ведомостей», «Гражданина» и «Нового времени» с Главным управлением по делам печати в конце 1890-х гг.: формальные и неформальные практики // Исторический журнал: научные исследования. 2025. № 4. С. 174–184.

²⁶³ *Амбросьев А.В.* Указ. соч. С. 80.

²⁶⁴ *Патрушева Н.Г.* Указ. соч. С. 43.

праве министра внутренних дел налагать запрет на публикацию любой информации²⁶⁵. Как писал Розенберг, самым надежным средством властей соблюсти сложный баланс между консервативной и либеральной печатью была предварительная цензура, которой были лишены только «Московские ведомости» и «Новое время»²⁶⁶.

Взаимодействие консервативных периодических изданий с ГУДП носило особый характер, отличавшийся от коммуникаций цензурного органа с либеральной периодикой. Издатели, редакторы и сотрудники «Московских ведомостей», «Гражданина» и «Нового времени» предпочитали решать административные и личные вопросы через неформальные контакты как с руководством ГУДП, так и напрямую с министром внутренних дел. Вместе с тем материалы указанного главного управления представляют исключительный интерес и проливают свет на отдельные стороны деятельности редакций периодических изданий и их место в неформальной иерархии условно «провластной» прессы.

Об особом положении «Московских ведомостей» свидетельствует не только малое количество жалоб, поданных в ГУДП на материалы газеты, но и отдельные эпизоды взаимоотношений редакции с властями. 31 декабря 1896 г. истекал срок аренды «Московских ведомостей», на который Министерством народного просвещения был заключен контракт с их редактором С.А. Петровским. По поручению Николая II вопрос о дальнейшей аренде газеты рассматривался в апреле 1896 г. в специально созванном особом совещании, состоявшем из председателя департамента законов Государственного совета, председателя Комитета министров, обер-прокурора Святейшего Синода, государственного контролера, министров внутренних дел, народного просвещения и финансов, начальника Главного управления по делам печати.

²⁶⁵ Иванов Д.В. Указ. соч. С. 148.

²⁶⁶ Розенберг В.А. Указ. соч. С. 124.

Помимо этого, неформально в МВД на повестке стоял вопрос об отставке престарелого Е.М. Феоктистова с занимаемого им поста начальника ГУДП. Издатель «Нового времени» А.С. Суворин 14 апреля 1896 г. упоминал в дневнике о критике своих статей со стороны министра внутренних дел И.Л. Горемыкина и министра финансов С. Ю. Витте, писал, что Витте хочет назначить на место Феоктистова такого человека, «при котором Суворину будет петля»²⁶⁷. Горемыкин же вынашивал план объединить в одном лице редактора ведущей консервативной газеты и начальника Главного управления по делам печати. Соответствующее предложение было сделано им еще не возглавлявшему на тот момент «Московские ведомости» В.А. Грингмуту в начале апреля 1896 г. в ходе личной встречи в Петербурге. По всей видимости, Грингмут поначалу не возражал.

В последующие дни, после консультаций с Е.М. Феоктистовым, министром народного просвещения И.Д. Деляновым, С.Ю. Витте и председателем департамента законов Государственного совета М.Н. Островским (и, вероятно, также с С.А. Петровским и Л.А. Тихомировым) он переменял свое решение и 17 апреля написал Горемыкину пространное письмо с отказом от должности начальника ГУДП. Грингмут аргументировал это тем, что «если бы пришлось когда-нибудь подвергнуть каре» «враждебную» газету, то подобные меры были бы истолкованы как «личная месть». Грингмут писал, что превращение «Московских ведомостей» в официальную газету «уничтожило бы и значение независимого органа и шло бы наперекор ее славным традициям свободного и доблестно-патриотического издания»²⁶⁸. Неизвестно, обсуждал ли Горемыкин этот план с Николаем II, однако по косвенным признакам – письменной просьбе Грингмута довести до императора «истинные мотивы» своего отказа от государственного поста – можно допустить, что Горемыкин в устном разговоре с редактором «Московских ведомостей» апеллировал в том числе и к позиции императора. В тот же день особое совещание утвердило арендное право Грингмута на издание с 1

²⁶⁷ Суворин А.С. Указ. соч. С. 214.

²⁶⁸ РГИА. Ф. 1626. Оп. 1. Д. 695. Л. 1–2 об.

января 1897 г. газеты «Московские ведомости». Грингмут разослал всем участникам совещания личные письма с благодарностью²⁶⁹. Начальником ГУДП был назначен М.П. Соловьев.

Об особых отношениях Грингмута с министром внутренних дел на тот момент свидетельствуют поданное им ходатайство о снятии с газеты двух предостережений 1890 и 1892 гг. и реакция на него Горемыкина. Во всеподданнейшем докладе в ноябре 1896 г. министр отмечал, что законы о цензуре и печати не предусматривают снятия лежащих на периодических изданиях предостережений, а переход газеты от одного лица к другому не освобождает ее от данных ей предостережений, что необходимо для избежания фиктивных передач изданий новым издателям и редакторам. Вместе с тем Горемыкин обратил внимание на «правительственный» характер издания и то, что оно сдается в аренду частным лицам «всякий раз с высочайшего соизволения», что, по его мнению, снимает риск фиктивной передачи. Министр поддержал ходатайство Грингмута и в докладе характеризовал его как человека «патриотических убеждений» и «несомненной политической благонадежности», «всецело преданного интересам правительства»²⁷⁰. Предостережения, по всей видимости, были сняты, и в последующие годы особых претензий у ГУДП к публикациям ведущей московской консервативной газеты не возникало.

Несмотря на то, что первые годы царствования Николая II охарактеризовались некоторым снижением влияния князя В. П. Мещерского на внутриполитические процессы, особые отношения с ГУДП в указанный период прослеживаются и у газеты «Гражданин».

В июле 1896 г. Министерство императорского двора обратило внимание на статьи «Гражданина». Занимавший тогда пост товарища министра В. Б. Фредерикс отправил письмо Горемыкину, в котором указал на неуместность публикаций воспоминаний Мещерского о личных отношениях с Александром III и цесаревичем

²⁶⁹ Напр. см. ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 1692. Л. 1.

²⁷⁰ РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 126. Л. 169–173.

Николаем Александровичем без «испрошения на то особого разрешения»²⁷¹. 1 июля 1896 г. была запрещена розничная продажа номеров газеты «Гражданин». Вновь она была разрешена 28 июля²⁷².

Третье предостережение «Гражданину», объявленное 5 октября 1896 г. за «неуважительные» выражения в адрес глав иностранных правительств в ходе зарубежной поездки Николая II, а также переписка МИД и ГУДП по поводу публикаций «Гражданина» будут подробно рассматриваться в отдельной главе, посвященной освещению периодическими изданиями вопросов внешней политики. Мещерский, получив это предостережение, 20 октября 1896 г. направил Горемыкину докладную записку. Он заявил, что не знал о правительственном распоряжении об особенностях информационного освещения поездки Николая II за границу, которое было объявлено только секретарю редакции и якобы не было доведено последним до сведения издателя. Поэтому Мещерский попросил снять ограничения на издание «Гражданина» и отменить предварительную цензуру его публикаций²⁷³.

Горемыкин в ходе всеподданнейшего доклада довел просьбу Мещерского до Николая II²⁷⁴. Уже 26 октября в «Правительственном вестнике» было опубликовано сообщение о том, что «с высочайшего его императорского величества соизвоения» Мещерскому разрешено издание «Гражданина» без «подчинения действию примечания», сделанного к статье 144 упомянутого Устава о цензуре и печати, то есть без предварительной цензуры²⁷⁵.

Тем не менее из-за скандальной манеры статей «Гражданина» с 14 февраля по 16 марта 1897 г. была запрещена его розничная продажа, с 18 января по 26 января 1898 г., а также с 29 января по 24 февраля 1899 г. была запрещена

²⁷¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 8. Д. 466. Л. 21–21 об.

²⁷² Там же. Л. 24.

²⁷³ Там же. Л. 42–42 об.

²⁷⁴ Там же. Л. 43–43 об.

²⁷⁵ Там же. Л. 45.

публикация в нем частных объявлений²⁷⁶. Особых возражений князя Мещерского по поводу этих запрещений в архиве ГУПД не сохранилось.

За публикациями «Гражданина» зорко следил не только МИД. В феврале 1897 г. министр юстиции Муравьев после критической заметки в «Гражданине» о статье «Журнала Министерства юстиции» по поводу судебных преобразований направил Горемыкину письмо с просьбой посодействовать публикации князем Мещерским опровержения²⁷⁷.

Среди сохранившихся документов ГУДП имеются материалы цензоров, датированные начиная с 1898 г. и обозначенные как материалы «наблюдающих за газетой “Гражданин”», что прежде делалось лишь в отношении либеральной периодики. Цензор А. А. Пеликан писал 6 февраля 1898 г. о «бестактных» отзывах газеты в одной из публикаций о «лицах, назначаемых и занимающих высшие государственные должности». Ее автор, как отмечал цензор, «с развязностью <...> инсинуирует о назначении преемника министру народного просвещения» и пишет, что «для директора департамента Министерства [народного] просвещения никакой педагогики не нужно, главное – квартира и 8000 жалования». По поводу Витте в той статье говорилось, что он «разоряет» дворянство и «ненавидит» его, что он «красный», а также не желает выдавать дворянству «деньги на представительность» (непонятно, что имелось в виду в последнем случае)²⁷⁸. Помимо этого, внимание Пеликана привлекли в целом типичные для прессы публикации слухов о новых назначениях в Министерстве государственных имуществ в июне 1898 г., что было расценено Санкт-Петербургским цензурным комитетом как нарушение распоряжения министра внутренних дел²⁷⁹.

Публикации «Нового времени» в конце 1890-х гг. привлекали особое внимание властей. Сохранившиеся документы позволяют не только реконструировать отдельные аспекты взаимоотношений «Нового времени» с

²⁷⁶ РГИА. Ф. 776. Оп. 8. Д. 466. Л. 64, 136, 293.

²⁷⁷ Там же. Л. 58–60.

²⁷⁸ Там же. Л. 139–139 об.

²⁷⁹ Там же. Л. 153.

ГУДП в то время, но и на конкретных примерах продемонстрировать то значение, которое признавалось за этим изданием в контексте внутривластных процессов последнего десятилетия XIX в.

В газете чутко относились к требованиям цензуры – общий штат приблизительно в полторы тысячи работников («до 150 постоянных сотрудников и репортеров, до 300 корреспондентов, до 700 служащих в типографии и книжном магазине») делал из газеты довольно обширное коммерческое предприятие. Энгельгардт вспоминал, что сотрудников регулярно информировали о новых распоряжениях ГУДП, давая для ознакомления «черную переплетенную тетрадь» с циркулярами и телефонограммами цензурного ведомства²⁸⁰.

Стоит отметить, что между начальником ГУДП Феокистовым и Сувориным были установлены довольно прочные неформальные отношения, облегчавшие положение «Нового времени», несмотря на все претензии со стороны других ведомств. Журналист и цензор регулярно бывали друг у друга в гостях²⁸¹. В некоторых случаях через Феокистова министр внутренних дел И.Н. Дурново просил Суворина приехать к нему на квартиру для обсуждения вопросов, касавшихся публикаций газеты²⁸². Горемыкин также использовал Феокистова для того, чтобы донести до Суворина свою позицию по тому или иному вопросу. В феврале 1896 г., после публикации в «Новом времени» статьи, в которой высказывалась мысль о необходимости отправить в отставку главноначальствующего гражданской частью на Кавказе генерала С.А. Шереметева, Феокистов писал Суворину, что на Горемыкина «неприятно подействовали заключительные слова означенной статьи» и что «заявления такого рода могут возбудить неприятные толки» Накануне обнародования циркуляра, запрещающего публиковать в печати какие-либо сведения о происходящих в

²⁸⁰ РГАЛИ. Ф. 572. Оп. 1. Д. 343. Л. 52 об.

²⁸¹ Там же. Ф. 459. Оп. 1. Д. 4415. Л. 81–81 об.

²⁸² Там же. Л. 82.

Государственном совете прениях, Феокистов предупредил Суворина, что это «дело весьма серьезное»²⁸³.

Подобные неформальные отношения с Сувориным были выстроены и новым главой ГУДП Соловьевым, хотя после одного из его первых визитов издатель «Нового времени» довольно скептически записал в дневнике: «В разговоре с Соловьевым меня удивляла какая-то черта не то глупости, не то наивности, зависящей не от ума, а от того, что он совсем не подготовлен к своей роли»²⁸⁴. Тем не менее, визиты к друг другу для обсуждения разных вопросов стали обычной практикой²⁸⁵. Соловьев регулярно передавал просьбы знакомых (например, фрейлины императрицы) о напечатании в газете объявлений о проведении различного рода мероприятий²⁸⁶. Между тем зачастую публикации Суворина вызывали у Соловьева «недоумение». Так, после «Маленького письма» с критикой М. Н. Каткова Соловьев в довольно жесткой манере написал Суворину: «За границей “Нов[ое] вр[емя]” читают так же усердно, как прежде “Моск[овские] ведомости”. Внутри место последних еще вакантно и, как знаете лучше меня, весьма у вас оспаривается. Но Катков во внутренних делах был непоколебимо последователен и, случись при нем весенняя студенческая история, не стал бы угождать своим противникам либеральными ласкательствами»²⁸⁷.

Статус одной из влиятельных газет и близкие отношения с представителями бюрократической элиты не застраховывали Суворина от многочисленных претензий со стороны различных ведомств. 27 сентября 1895 г. недавно назначенный министр путей сообщения князь М. И. Хилков направил министру внутренних дел Дурново письмо. Поводом стала публикация утром того же дня в «Новом времени» телеграммы из Владивостока с информацией об «отправке трех партий инженеров для железнодорожных изысканий» в Маньчжурию. Хилков

²⁸³ РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 4415. Л. 101.

²⁸⁴ Суворин А.С. Указ. соч. С. 260.

²⁸⁵ РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 4033. Л. 4.

²⁸⁶ Там же. Л. 1–1 об.

²⁸⁷ Там же. Л. 12–13.

отметил нежелательность распространения подобных сведений и заявил, что министерству ничего не было известно об отправке инженеров в Китай. Министр попросил Дурново узнать у редакции «Нового времени» источники информации и более подробные сведения по делу²⁸⁸.

Решение вопроса заняло пять дней. После получения письма Феокистов направил официальный запрос в редакцию «Нового времени» с требованием предоставить сведения об имени, фамилии и месте жительства автора телеграмм из Владивостока²⁸⁹. 29 сентября редакция газеты прислала ответ, содержащий сведения об авторе телеграмм – А.Я. Максимове, проживающем во Владивостоке²⁹⁰. 1 октября Дурново направил Хилкову развернутое письмо, содержащее сведения об авторе телеграмм и подробную информацию по делу²⁹¹.

19 апреля 1896 г. начальник Главного штаба армии генерал-адъютант Н.Н. Обручев направил Феокистову письмо под грифом «секретно». Он сообщал, что по сведениям, полученным от помощника приамурского генерал-губернатора генерал-лейтенанта Н. И. Гродекова, корреспондент «Нового времени», некий «Горемыкин», телеграфировал в газету о прибытии корейского судна во Владивосток для погрузки трех тысяч винтовок Бердана и патронов, проданных Россией Корее. В виду «важности и особой секретности» данной операции начальник Главного штаба попросил «воспретить газетам печатание этого известия»²⁹².

В тот же день Феокистов направил ответное письмо. Начальник ГУДП отметил «неудобство» в доведении до редакторов всех «политическо-литературных газет» распоряжения Главного штаба и выразил опасения, что таким образом не удастся решить проблему. Феокистов сообщил, что предложил редакциям периодических изданий «вообще не печатать таких сообщений и

²⁸⁸ РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 442. Л. 78–78 об.

²⁸⁹ Там же. Л. 79.

²⁹⁰ Там же. Л. 80.

²⁹¹ Там же. Л. 81.

²⁹² Там же. Л. 91–91 об.

известий об отношениях наших в Корее, которые могут вызвать нежелательные толки», кроме того, сделал «надлежащие указания» лицам, цензурирующим телеграммы для печати²⁹³. Распоряжение было разослано в редакции, однако текст его не сохранился.

Независимо от Главного штаба корреспондент «Горемыкин» привлек внимание и Департамента полиции. 30 апреля 1896 г. исполняющий обязанности директора этого учреждения направил Феоктистову письмо с просьбой выяснить сведения о личности корреспондента. По информации правоохранителей, под псевдонимом мог скрываться «морской офицер Максимов». Кроме того, по личной просьбе министра внутренних дел Горемыкина исполняющий обязанности директора Департамента полиции попросил ГУДП «принять меры», чтобы корреспондент «Горемыкин» сменил свой псевдоним, использование которого в газете «представляется неудобным». Феоктистов поручил подготовить официальный ответ «на основании сделанного <...> распоряжения вследствие письма» от Н. Н. Обручева²⁹⁴. ГУДП направило официальный запрос о корреспонденте в редакцию «Нового времени»²⁹⁵, которая сообщила, что под неудобным псевдонимом скрывался В.А. Панов, редактор газеты «Дальний Восток» (в будущем – владивостокский градоначальник)²⁹⁶. Инцидент был исчерпан.

Особое внимание властей «Новое время» привлекло еще раз в 1898 г., когда за публикацию фельетона «Шедевры современной беллетристики последнего образца», автор которого «позволил себе глумиться над полицией», распоряжением министра внутренних дел была запрещена розничная продажа газеты с 3 по 13 ноября²⁹⁷. Поводом для запрета стало письмо санкт-петербургского градоначальника Н. В. Клейгельса к Горемыкину от 2 ноября 1898 г. с подробным

²⁹³ РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 442. Л. 92–92 об.

²⁹⁴ Там же. Л. 97–97 об.

²⁹⁵ Там же. Л. 99.

²⁹⁶ Там же. Л. 100.

²⁹⁷ Там же. Л. 175, 181, 186.

анализом текста фельетона и просьбой разобраться с ситуацией. Интересна оценка «Нового времени» Клейгельсом. Как писал градоначальник, газета «Новое время», будучи газетой «консервативного направления», пользуется своим «как бы привилегированным положением, в угоду либералов печатает очень часто на своих столбцах такие статьи, которые едва ли уместны даже в крайней радикальной прессе». По мнению Клейгельса, это невозможно «оставить без внимания», потому что «газета имеет большое распространение» и «слывет органом правительственным»²⁹⁸. Несмотря на то, что на следующий день после письма Клейгельса Горемыкин распорядился наложить на газету ограничения, в ответ на еще одну просьбу градоначальника – ввести обязательные правила для печати по освещению городской преступной хроники – начальник ГУДП Соловьев 17 ноября отметил «спокойное направление» столичной прессы и заявил об избыточности подобных мер воздействия на печать²⁹⁹.

Особый интерес в рассматриваемый период представляют либеральные периодические издания и процесс поиска ими собственного позиционирования в условиях меняющегося, но все же остающегося консервативным политического климата. Являются малоизученными нюансы взаимоотношений этих изданий с МВД и лично Горемыкиным. На примере «Вестника Европы», «Русских ведомостей» и «Биржевых ведомостей» представляется возможным определить три разных стратегии отношений с властью, выработанные либеральной периодикой в 1894–1899 гг., а именно осторожность – избегание нарушения цензурных правил и аналитичность материалов; независимость – нарушение цензурных правил и требований; прагматизм – выполнение почти всех требований и сотрудничество с властью.

Либеральные издания возлагали определенные надежды на новое царствование. Наблюдающий за «Русскими ведомостями» цензор Московского цензурного комитета (далее – МЦК) В.В. Назаревский писал 3 ноября 1894 г. в

²⁹⁸ РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 442. Л.167–168 об.

²⁹⁹ Там же. Л. 193–193 об.

ГУДП: «Расширяя смысл высочайшего манифеста воцарившегося государя императора, редакция высказывает надежды свои на новые реформы в новое царствование, притом такие реформы, какие совершались в первые годы царствования Александра I и в царствование Александра II»³⁰⁰. В черновике доклада для МЦК Назаревский отмечал, что в статьях «Русских ведомостей» «обойдены ... заветы прошлого царствования и выдвинуты реформы других царствований», что дало ему основание признать материалы газеты «возбуждающими в читателях надежды, кои не имеют оснований»³⁰¹. Проппер вспоминал, что желание прогрессивной части страны выразил известный публицист Градовский в «Биржевых ведомостях», когда в передовой статье эзоповым языком потребовал у молодого, только что взошедшего на престол императора Персии «перестать прислушиваться к нашептываниям старой дворцовой камарильи, окружить себя новыми людьми прогрессивных взглядов, смело ступить на путь либеральных реформ, вывести страну из роковой тьмы реакции и таким образом завоевать любовь народа, который возлагает на него такие надежды»³⁰².

Осознание невозможности реформ пришло не сразу. В конце 1894 г. группа литераторов и журналистов обратилась к императору с просьбой пересмотреть законодательство о цензуре и печати. Созданное для рассмотрения петиции Особое совещание в составе министров внутренних дел, юстиции и обер-прокурора Синода в марте 1895 г. признало ее «не заслуживающей вовсе удовлетворения». По словам Д.А. Андреева, данная инициатива, несмотря на ее неудачу, стала важным событием: «она свидетельствовала о том, что либеральные ожидания стали трансформироваться в определенные действия, призванные материализовать накапливавшиеся на протяжении ноября и декабря надежды на перемены»³⁰³.

³⁰⁰ РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 470. Л. 113.

³⁰¹ Там же. Л. 115.

³⁰² Проппер С.М. Указ. соч. С. 229.

³⁰³ Андреев Д.А. Самодержавие и борьба в правительственных верхах в 1894–1904 гг. С. 234–237.

27 октября 1895 г., через две недели после назначения Горемыкина, за формальное нарушение цензурных требований по представлению начальника ГУДП Феоктистова была запрещена розничная продажа «Русских ведомостей»³⁰⁴. Запрет был снят только 24 января 1896 г.³⁰⁵. Это стало первым запрещением в череде запретов и ограничений, накладываемых МВД на газету московской профессуры в 1894–1899 гг.

Внимание цензурного ведомства к содержанию статей либеральных изданий в 1890-е гг. не ослабевало. Основными в отчетах цензоров о материалах «Вестника Европы» в 1890-е гг. были темы критики Победоносцева и законодательства о печати. Несмотря на оппозиционный дух интересовавших цензуру публикаций, спокойный тон журнала ни разу за указанный период не привел к его запрету. Арсеньев писал Стасюлевичу в 1896 г., что в своей работе над внутриполитическими статьями он руководствовался «осторожностью и осмотрительностью» и инструкциями «наших опекунов»³⁰⁶. Помимо этого, в отличие от своих предшественников, назначенный с 1896 г. начальник ГУДП Соловьев редко вызывал к себе Стасюлевича³⁰⁷.

Редактор «Вестника Европы» невысоко оценивал цензурное ведомство и часто тонко критиковал отдельные ограничительные меры, применяемые к его журналу. После того, как журналу было запрещено говорить о переписи населения до 1 февраля 1897 г., «чтобы не мешать комиссии работать», Стасюлевич писал Соболевскому: «Мне случалось видеть, что играющие в карты не любят, чтобы кто-нибудь к ним подсел, и ему приписывают все свои несчастья и неудачи; но чтобы печать могла говорить „под руку“ какому-нибудь общественному делу – этого я никак не понимал»³⁰⁸.

³⁰⁴ РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 470. Л. 121.

³⁰⁵ Там же. Л. 131.

³⁰⁶ РО ИРЛИ РАН. Ф. 293. Оп. 1. Д. 165. Л. 279–279 об.

³⁰⁷ Кельнер В.Е. Указ. соч. С. 233.

³⁰⁸ М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. V. С. 455.

В 1896 г. исполняющий обязанности председателя СПбЦК С.И. Коссович комментируя анализ во «Внутреннем обозрении» всеподданейшего отчета обер-прокурора, отмечал, что в журнале «получается довольно резкое осуждение многих положений». Кроме того, цензор отмечал, что «под личиной полемики с г. Тихомировым», редакция «выступает довольно открыто против системы вмешательства высшей администрации в дела печати, в виде реорганизации в консервативном духе редакций повременных изданий»³⁰⁹.

В декабре 1897 г. цензор Н.И. Пантелеев отметил желание журнала «о скорейшем пересмотре законов о печати и прекращении временных мер» и подробно рассмотрел критическую аргументацию журнала о нарушениях законодательства при запрещениях, наложенных на журнал «Новое слово», газеты «Биржевые ведомости» и «Русский труд». Вместе с тем, несмотря на критический тон статьи, Пантелеев отметил, что все «рассуждения» журнала «должны быть терпимы», вследствие Примечания к 1035 статье Уложения о наказаниях, по которому «не вменяется в преступление и не подвергается наказанию обсуждение правительственных мероприятий». Цензор указал, что «серьезный и сдержанный тон статьи, хотя и не лишенный сетований, допускал возможность свободного выхода книжки журнала в свет»³¹⁰.

В марте 1897 г. Пантелеев снова анализировал критику «Вестником Европы» применения Устава о цензуре к провинциальным изданиям, подвергнутым административным взысканиям. Отчет Пантелеева носит уведомительный характер «о таком взгляде редакции „Вестника Европы“ на свободу прессы и манере ее обсуждать действия администрации, рисующих характер журнала»³¹¹.

В сентябре 1898 г. Пантелеев вернулся к теме Синода и подробно проанализировал статью Арсеньева об отчете обер-прокурора по поводу необходимости отмены льгот старообрядцам белокриницкого согласия. Цензор

³⁰⁹ РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 87. Л.200–201.

³¹⁰ Там же. Л. 204–205 об.

³¹¹ Там же. Л. 206–207 об.

указал, что в тексте «Внутреннего обозрения» «как бы умаляется значение высочайше утвержденного положения комитета министров и такому правительственному акту приписывается значение обхода и умаление существующего закона», а статьи подобного рода «ярко определяют взгляды и направление журнала»³¹².

Некоторые события общественной жизни вызывали не ординарный отчет, а целое заявление, как, к примеру, «Заявление цензора Пантелеева о декабрьской книжке журнала „Вестник Европы“ за 1898 год». Внимание цензуры привлекла полемика «Вестника Европы» с консервативными изданиями по поводу установки памятника Муравьеву-Виленскому в Вильно. Пантелеев подробно пересказал аргументацию журнала в его полемике с «Московскими ведомостями», где Арсеньев, оперируя цифрами и фактами, опровергал консервативную «фантазмагорию» и писал, что воплощение «обязательного типа любви к отечеству» следовало бы «искать не в графе Муравьеве и вообще не в те моменты, когда на первый план выступают усмирение и укрощение». Пантелеев указал, что такое «умаление значения государственной деятельности графа Муравьева, полезность которой признана правительством и выразилась постановкой ему памятника, в виду патриотических статей благонамеренной печати и речей наших современных государственных ораторов, выставявших заслуги графа Муравьева», показывала отношение журнала «Вестник Европы» к вопросам «государственной жизни», отношение, «долженствующее быть признанным вполне неблагонамеренным, а потому настоящая статья этого журнала — заслуживающею особого внимания цензуры»³¹³.

Лояльное отношение цензуры несколько разбавляется докладом цензора А.А. Елагина в январе 1899 г. Согласно докладу, «анонимный автор» «Внутреннего обозрения» «в категорических выражениях доказывает попираание у нас законности», иллюстрируя это наличием «Положения об усиленной охране».

³¹² РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 87. Л. 210–212 об.

³¹³ Там же. Л. 213–215 об.

Елагин полагал, что так как в программе «Вестника Европы» говорилось о нем как об издании «истории, политики и литературы» и к «специально научным журналам его причислить невозможно», то «к журналу вполне применима статья 94-я Устава о цензуре и печати»³¹⁴. Неизвестно, имела ли практические последствия для журнала эта записка, но уже через месяц спокойное существование журнала было омрачено объявлением второго предостережения «ввиду вредного направления», проявлявшегося «неоднократно» в статьях о политике русских властей в Финляндии³¹⁵.

Если в «Вестнике Европы» цензура 1890-х гг. видела «вредное», но все же больше аналитическое направление, и журнал относительно спокойно прошел все перипетии взаимоотношений с МВД, то газета «Русские ведомости» обвинялась в распространении западных идей и представлений с политическими целями. МЦК писал в ГУДП, что «газета слишком подробно знакомит русскую публику с парламентарной жизнью западных государств, с целью как бы воспитания публики в свободных идеях Западной Европы»³¹⁶. В декабре 1895 г. московский обер-полицмейстер А.А. Власовский в конфиденциальном письме директору Департамента полиции Н.Н. Сабурову сообщал, что Горемыкин лично предложил ему «обратить особое внимание на статьи и сведения, печатанные и сообщаемые в газете „Русские Ведомости“ и обо всем выдающемся сообщать» директору Департамента полиции. В том же письме Власовский писал, что напечатание в «Русских ведомостях» статьи о заявлении берлинских профессоров об автономии университетов «носит агитационный характер, так как дает молодежи и профессуре новые аргументы в пользу естественности их корпоративных желаний и требований»³¹⁷.

Коротко выразить отношение власти к «Русским ведомостям» позволяет докладная записка начальника ГУПД Соловьева от 1898 г. В ней отмечалось, что

³¹⁴ РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 87. Л. 219.

³¹⁵ РО ИРЛИ РАН. Ф. 293. Оп. 3. Д. 20. Л. 36.

³¹⁶ РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 470. Л. 118.

³¹⁷ Там же. Л. 129–130 об.

«Русские ведомости» считались «выразительницей мнений популярной среди студенчества партии профессорского личного состава» и читались «преимущественно в московской интеллигенции и в провинции теми, кто был слушателем этих профессоров или стоит под их влиянием». Основной чертой газеты Соловьев называл «западничество, унаследованное от времен Грановского и Герцена», т.е. «преклонение пред либеральными учреждениями Западной Европы» и пропаганду радикальных учений. Отмечался «космополитизм» и «радикальные симпатии», которые определяли «религиозный индифферентизм» газеты, ее отношение к официальной церкви и интерес к «сектантам». Соловьев сетовал, что «лукавое ... умение редакции лавировать между статьями цензурного устава без прямого их нарушения и привычка читателей читать между строками значительно затрудняет борьбу правительственных установлений с явным вредом», который наносили власти «Русские ведомости»³¹⁸.

Отношение же редакции «Русских ведомостей» к своему внимательному государственному читателю выразил в своих воспоминаниях Розенберг: «При нем цензурное ведомство испытало необыкновенный прилив энергии. Кары всех родов посыпались как из рога изобилия. Запретительные циркуляры получили новое развитие: в них стали указывать печати, не только чего или о чем она не должна писать, но и как она должна писать о том, чего ей дозволялось касаться. Соловьев занялся еще и кодификацией „действующих“ циркуляров. Получился длинный список, из которого явствовало, что печать в России, вообще говоря, никакими делами, сколько-нибудь существенного для государства и общества значения интересоваться не должна»³¹⁹. Розенберг вспоминал, что в 1895 г. т.н. «совет четырех» (из министров внутренних дел, народного просвещения, юстиции и обер-прокурора) по предложению Победоносцева вообще планировал рассмотреть

³¹⁸ РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 470. Л. 209–215 об.

³¹⁹ Розенберг В.А. Указ. соч. С. 123.

вопрос о закрытии «Русских ведомостей» и «Вестника Европы», но из-за позиции министра юстиции Муравьева вопрос так и сошел на нет³²⁰.

3 августа 1896 г., через три дня после публикации в «Русских ведомостях» статьи о Ходынской трагедии, МЦК потребовал от редакции предоставить сведения об источниках информации о «числе погибших во время катастрофы на Ходынском поле жителей селений Московского уезда»³²¹. Редактор-издатель В.М. Соболевский отказался раскрывать персональные данные, заявив в письменном объяснении, что сведения были «получены редакцией в числе прочих мелких известий, доставляемых ежедневно постоянными репортерами газеты»³²².

В декабре 1896 г. после беспорядков в Московском университете Соболевский последовательно отказался предоставить в МЦК³²³ и в ГУДП сведения о лицах, являвшихся информантами газеты в студенческой среде³²⁴ и авторами статей в газете³²⁵. В личном письме Горемыкину 16 декабря 1896 г. главный редактор «Русских ведомостей» прямо отказался выполнить распоряжение министра: «Убедившись в невозможности для меня сообщить означенные сведения, имею честь почтительнейше объяснить об этом вашему высокопревосходительству»³²⁶.

Уже 20 декабря 1896 г. последовало распоряжение Горемыкина о воспрещении розничной продажи газеты «вследствие допущенного в №№ 319 и 332 газеты „Русские Ведомости“ нарушения ст. 74, 136 и 140 Устава о ценз[уре] и печ[ати]»³²⁷. Запрет был снят спустя полгода 8 мая 1897 г.³²⁸

В 1898 г. «Русским ведомостям» было вынесено третье предупреждение, издание остановлено на два месяца и подвергнуто «трехлетней карательной

³²⁰ Розенберг В.А. Указ. соч. С.122–123.

³²¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 470. Л. 145.

³²² Там же. Л. 146–146 об.

³²³ Там же. Л. 158.

³²⁴ Там же. Л. 159.

³²⁵ Розенберг В.А. Указ. соч. С. 182.

³²⁶ РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 470. Л. 161–161 об.

³²⁷ Там же. Л. 164.

³²⁸ РГАЛИ. Ф. 1701. Оп. 2. Д. 18. Л. 6.

цензуре»³²⁹. Поводом стал целый комплекс противоправных действий, о котором московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович в конфиденциальном письме в апреле 1898 г. сообщил Горемыкину и попросил «подвергнуть взысканию» газету³³⁰. Редакция открыла подписку в пользу преследуемых российскими властями духоборов, отказалась предоставить персональные данные жертвователей в ГУДП и передать собранные деньги в канцелярию московского генерал-губернатора. Кроме того, в газете было напечатано «неподлежащее опубликованию распоряжение министра внутренних дел, сообщенное тамбовскому губернатору, о выдаче продовольственных ссуд на счет общегубернских продовольственных средств», сведения об источнике информации не были предоставлены в ГУДП³³¹. Розенберг вспоминал, что министерство внутренних дел в то время было вообще недовольно «Русскими ведомостями», в частности критикой его мероприятий по борьбе с голодом³³².

Редакция пыталась уладить дело. Редактор Д.Н. Анучин провел переговоры с московским генерал-губернатором вел. кн. Сергеем Александровичем, который отметил, что формально нарушения законодательства не было, но печатать сведения о духоборах, которые «не подчиняются требованиям правительства» не следовало. Редактор А.Н. Чупров был отправлен в Петербург, где провел встречи с Горемыкиным и начальником ГУДП М.П. Соловьевым, который раскритиковал газету за то, что она заявляет о себе «усиленным подчеркиванием и намеренным замалчиванием»³³³. Розенберг приводит слова Сергея Александровича, который заявил ему: «Вы думаете, что я причиной вашей кары; вам так говорили в Петербурге. Но это – неправда. Вам назначили кару, даже не снесясь со мной»³³⁴. Однако архив ГУДП показывает, что данное утверждение Розенберга не совсем корректно. Горемыкин перед объявлением предостережения написал Сергею

³²⁹ Розенберг В.А. Указ. соч. С. 128.

³³⁰ РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 470. Л. 204–204 об.

³³¹ Там же. Л. 209–210 об.

³³² Розенберг В.А. Указ. соч. С. 129.

³³³ Там же. С. 130.

³³⁴ Там же. С. 131.

Александровичу³³⁵. Великий князь ответил телеграммой – «вполне согласен с мнением вашего высокопревосходительства»³³⁶.

Б.В. Никольский после закрытия газеты оставил едкую запись в дневнике: «„Русские Ведомости“ прикрыты. Я думаю, что это умнее, чем кажется, или может показаться. Соловьев дал им допрыгаться и самим себя зарезать. А что их прикроют, это я с минуты назначения Соловьева решил. Посмотрим, как он поступит с „Вестником Европы“. Во всяком случае, я очень рад, что эту лавочку прикрыли. Радуюсь этому прежде всего, как гражданин»³³⁷.

«Русские ведомости» возобновили свою работу в июне 1898 г. Цензурные требования были ужесточены: номера должны были «быть представляемы в цензуру не позже 11 часов вечера накануне выхода их в свет»³³⁸. Практическая невозможность выполнить это требование приводила к формальному отношению цензоров и свела вечерний цензурный просмотр «к какой-то суммарной и сумбурной предварительной цензуре всех статей»³³⁹. Начальник ГУДП Соловьев в июне 1898 г. писал Назаревскому, начальнику МЦК: «Мне лично кажется, что телеграммы Российского телеграфного агентства могут быть печатаемы согласно прошению редакции „Русских ведомостей“, но специальные обязательно под цензурою. <...> Не налагайте на „Русские ведомости“ бремена тяжкие и неудобноносимые»³⁴⁰. В декабре 1898 г. Соловьев отмечал «усвоенный» газетой за последнее время «спокойный тон» и советовал Назаревскому «главным образом следить за направлением „Русских ведомостей“, не привязываясь к словам»³⁴¹.

Владелец «Биржевых ведомостей» в эмиграции писал о «неслыханном терроре» ГУДП по отношению к прессе, которая «была закована в цепи и полностью отдана произволу Феоктистова»³⁴². Полностью доверять Пропперу в его

³³⁵ РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 470. Л. 206.

³³⁶ Там же. Л. 208.

³³⁷ Никольский Б.В. Указ. соч. С. 163.

³³⁸ РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 470. Л. 226.

³³⁹ Розенберг В.А. Указ. соч. С. 127.

³⁴⁰ РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 470. Л. 227.

³⁴¹ Там же. Л. 234–234 об.

³⁴² Проппер С.М. Указ соч. С. 212.

оценке состояния газеты и отношения к ней властей представляется нецелесообразным. Однако статьи «Биржевых ведомостей» привлекали внимание цензуры и утверждение И.И. Ясинского о том, что передовые статьи Градовского в столичном издании газеты никто не читал, не соответствует действительности³⁴³. 19 июля 1896 г. и.о. председателя СПбЦК Коссович направил Феоктистову записку с критикой статьи Гаммы, где он «позволяет себе говорить о самодержавии в совершенно неуместном и развязном тоне». Градовский писал, что «второстепенные исполнители» Ходынской катастрофы «вразумлены» высочайшим указом 15-го июля, следовательно «государственные люди должны пользоваться этим назидательным примером для создания вокруг русского престола атмосферы искренней радости и благодарности». Коссович охарактеризовал эти саркастические пассажи как «крайне бестактные» и нарушающие циркуляр ГУДП от 18 июля. Цензор добавил, что Градовский уже не в первый раз «позволяет себе крайне тенденциозное отношение к различным важным вопросам нашей внутренней жизни»³⁴⁴.

Руководство МВД в целом высоко оценивало деятельность редакции «Биржевых ведомостей». 10 ноября 1896 г. врио начальника ГУДП Соловьев направил Горемыкину записку «Об утверждении г. Ясинского в звании ответственного редактора газеты „Биржевые ведомости“». Соловьев отметил, что почти полугодовая «безупречная с правительственной точки зрения деятельность Ясинского в качестве заведывающего изданием „Биржевых ведомостей“ ясно указывает на то, что он обладает надлежащим тактом и сведениями, необходимыми для редактирования большой столичной бесцензурной газеты». Горемыкин одобрил назначение короткой резолюцией: «Согласен»³⁴⁵.

С Соловьевым у редакции сложились взаимовыгодные отношения. Сын начальника ГУДП Борис Соловьев публиковал в газете музыкальные рецензии, а

³⁴³ Ясинский И.И. Указ. соч. Т. I. С. 511.

³⁴⁴ РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 169. Л. 380 об.–381.

³⁴⁵ Там же. Л. 385–385 об.

сам Соловьев регулярно навещал Ясинского на даче, где неформально общался с ним и с Проппером³⁴⁶.

Интересно упоминание Ясинским коррупции (никем более из сотрудников не подтверждаемой) в отношениях редакции газеты и ГУДП: «Получилось официальное извещение о разрешении выходить в свет „Биржевым ведомостям“, под цензурой Африкана Африкановича Елагина из „толстопузых“; бонвиван он был и взяточник. Ему сейчас же было назначено 400 рублей „жалованья“, которое ему Иноземцев и отвез»³⁴⁷.

Подтверждением уже утвердившегося в историографии мнения о том, что «Биржевые ведомости» поддерживали хорошие отношения не только с цензурным ведомством, но и были тесно связаны в 1890-х гг. с министерством финансов, является письмо Витте Горемыкину (точной даты нет, приблизительно можно датировать началом 1898 г.) с просьбой ходатайствовать перед государем о награждении Проппера орденом Св. Анны 2-й степени. Витте указывает в своем письме, что издательская деятельность Проппера «во многих отношениях была полезна для Министерства финансов и способствовала видам финансовой политики русского правительства»³⁴⁸. Неизвестно, состоялось ли это награждение, но сам факт ходатайства Витте за Проппера ближе к концу 1890-х гг. примечателен, учитывая постепенно охлаждение их отношений после введения золотого стандарта и отказа владельца «Биржевых ведомостей» перейти на работу в Министерство финансов³⁴⁹ (предложение такого поста Пропперу также примечательно и может быть сравнено с предложением Горемыкина главному редактору консервативных «Московских ведомостей» В.А. Грингмуту возглавить ГУДП в 1896 г.).

В 1926 г. Ясинский вспоминал: «Чтобы совершенно обезопасить корреспондента от каких бы то ни было репрессий местного и общего характера, я

³⁴⁶ Ясинский И.И. Указ. соч. Т. I. С. 524.

³⁴⁷ Там же. С. 529.

³⁴⁸ РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 169. Л. 415–415 об.

³⁴⁹ Проппер С.М. Указ. соч. С. 255.

заявил в газете, что ничьего имени ни под каким предлогом я ни судебным, ни административным властям не выдаю и прошу поэтому читателей соблюдать строжайшую осторожность и правдивость в своих письмах ко мне, чтоб не подводить меня»³⁵⁰. Однако материалы ГУДП свидетельствуют о лукавстве главного редактора «Биржевых ведомостей». В рабочих отношениях газеты с цензурным ведомством редакция придерживалась прагматичной стратегии, идя на сотрудничество с требованиями власти и выдавая сведения об авторах и корреспондентах. Примечателен случай, о котором вскользь упоминает в своих воспоминаниях Кауфман³⁵¹. 6 апреля 1895 г. «Биржевые ведомости» опубликовали заметку о состоявшемся в тот день заседании Государственного совета, принявшего законопроект о разрешении заключения сделок на золото. В заметке газета полностью напечатала речь Витте. 7 апреля ГУДП направило запрос в редакцию с требованием «немедленно доставить подробные сведения об имени, фамилии и месте жительства» источника информации, предупредив, что «неверный или уклончивый ответ» приведет к «самым строгим мерам взыскания»³⁵². Редактор М.М. Коншин в тот же день после личного разговора с Феокистовым прислал в ГУДП подробное письменное объяснение, в котором сообщил, что новость была услышана сотрудником газеты В.А. Бонди в театре, и редакция посчитала нужным положить конец «жестоким нападкам» прессы на проектируемую министерством финансов меру, опубликовав решение Госсовета. Помимо этого, Коншин предоставил в ГУДП адрес Бонди³⁵³. Феокистов в тот же день направил объяснение редактора «Биржевых ведомостей» в адрес Дурново, отметив, что «редакция старается вывернуться, но очень неудачно», предложил министру применить к газете административные меры, и в конце отметил, что ему неизвестно «как относится С.Ю. Витте к этому инциденту». Витте, по всей видимости, отнесся позитивно, а Дурново наложил на письмо Феокистова

³⁵⁰ Ясинский И.И. Указ. соч. Т. I. С. 525.

³⁵¹ Кауфман А.Е. Указ. соч. С. 71.

³⁵² РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 169. Л. 357–357 об.

³⁵³ Там же. Л. 358б–359а.

резолуцию: «Я не вижу основания налагать на газету особую кару после сделанного ей указания»³⁵⁴.

Иногда запросы на выдачу автора статьи приходили в ГУДП из других ведомств, а ГУДП уже направляло требование в редакцию. Так, в июле 1896 г. Земский отдел МВД перенаправил в ГУДП ходатайство тамбовского земского начальника Сушкова об «истребовании» сведений «о звании, имени, отчестве и фамилии автора помещенной в №3 названной газеты корреспонденции из Борисоглебска для возбуждения против него преследования за клевету». Горемыкин признал указанное требование «заслуживающим уважения», и редакция пошла на сотрудничество³⁵⁵. Так же редакция поступила и в 1897 г., когда МВД была передана подробная информация об авторе статьи «Генерал», вызвавшей скандал³⁵⁶. Сохранился бланк вызова Ясинского в ГУДП «для дачи необходимых объяснений», на котором подписано от руки – «потребовали сведения об авторе» и «сведения доставлены ... лично редактором»³⁵⁷.

Вместе с тем, выполнение всех требований власти не всегда помогало «Биржевым ведомостям». 1 декабря 1897 г. Горемыкин запретил печатание частных объявлений в газете из-за якобы клеветы в статье Ясинского о действиях помещика графа Ридигера³⁵⁸. Сам Ясинский позднее писал, что Ридигер пожаловался государю, тот потребовал от Горемыкина принять меры, а Соловьев и Проппер пытались добиться от Ясинского публикации извинения в газете, что было отклонено³⁵⁹. С 30 мая по 19 июня 1898 г. розничная продажа «Биржевых ведомостей» была запрещена за нарушение цензурных требований³⁶⁰.

В дни студенческих волнений 1899 г. газета написала об избиении полицией студентов. Ясинский утверждал, что жесткий тон статьи был санкционирован

³⁵⁴ РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 169. Л. 358а.

³⁵⁵ Там же. Л. 369–369 об.

³⁵⁶ Там же. Л. 400.

³⁵⁷ Там же. Л. 455.

³⁵⁸ Там же. Л. 409–409 об.

³⁵⁹ Ясинский И.И. Указ. соч. Т. I. С. 526.

³⁶⁰ РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 169. Л. 447.

самим Витте, который потом отказался помогать Пропперу³⁶¹. Проппер подтверждал в своих воспоминаниях, что обращался к Витте за помощью, но получил отказ³⁶². 3 апреля последовало распоряжение Горемыкина о приостановке издания на два месяца и объявлении газете третьего предостережения (второе было вынесено еще в 1886 г.³⁶³). Интересно, что черновик распоряжения начинался с фразы «в виду вредного направления газеты», которая была зачеркнута и заменена в окончательном варианте на «в виду нарушения газетой ... распоряжения»³⁶⁴. Проппер решил воспользоваться внутривластной ситуацией, когда противостояние Витте и Горемыкина достигло своего апогея. 9 апреля 1899 Проппер написал Горемыкину личное письмо, в котором предложил ему свои услуги – газету «Биржевые ведомости», которая «при дальнейшем развитии своем, могла бы служить видам вашего правительства». Кроме того, Проппер ходатайствовал о сокращении срока приостановки издания газеты (резолуция карандашом: «г. министр признал возможным сократить приостановку, дозволив выпускать „Биржевые ведомости“ со святой недели») и признании предостережения МВД первым по отношению ко второму изданию «Биржевых ведомостей» (резолуция карандашом: «это сделать нельзя»)³⁶⁵.

Детали личных переговоров Горемыкина и Проппера неизвестны, но уже 15 апреля, спустя две недели, последовало достаточно необычное распоряжение министра о разрешении выпуска «Биржевых ведомостей». 16 апреля Проппер направил Горемыкину довольно эмоциональное письмо с выражениями «живейшей и глубокой признательности» за решение, «воскресившее» газету. Главный редактор «Биржевых ведомостей» с несвойственной себе патетичностью писал: «Сотни тружеников, судьба которых связана с моей газетой, благодаря

³⁶¹ Ясинский И.И. Указ. соч. Т. I. С. 528.

³⁶² Проппер С.М. Указ. соч. С. 255.

³⁶³ РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 169. Л. 405.

³⁶⁴ Там же. Д. 170. Л. 14.

³⁶⁵ Там же. Л. 22.

вашему высокопревосходительству ... с радостным сердцем встречают праздник Воскресенья»³⁶⁶.

Вместе с тем, вопрос о характере дальнейших отношений Проппера с Горемыкиным остается открытым. Архивы не сохранили упоминаний о значимых контактах между ними в 1899 г., ходатайство Проппера о снятии с газеты предварительного цензурного просмотра с предоставлением материалов до 11 часов вечера было отклонено в мае 1899 г.³⁶⁷.

1.3. Неформальные коммуникации с правящими кругами³⁶⁸

Приход к власти Николая II в 1894 г. и процесс поиска им собственной стилистики в принятии важнейших внутриполитических решений предопределили заинтересованность высшей бюрократии в увеличении собственной субъектности с помощью формирования общественного мнения через средства массовой информации. Противоречивость и запутанность цензурного законодательства стала причиной развития неформальной коммуникации редакторов и издателей напрямую с представителями высшей бюрократии. Обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев, министр финансов С.Ю. Витте, министр внутренних дел И.Л. Горемыкин и другие представители правящих кругов постоянно находились в прямом контакте с редакторами и издателями ведущих периодических изданий, используя многие из них в своих политических целях. Значение прессы как вспомогательной неформальной трибуны в условиях отсутствия как объединенного правительства, так и парламента, возрастало.

«Московские ведомости» уделяли большое внимание освещению вопросов, касающихся внутренней политики. Благосклонное отношение властей и консервативные взгляды редакторов обуславливали высокую степень

³⁶⁶ РГИА. Ф. 1626. Оп. 1. Д. 1119. Л. 1.

³⁶⁷ Там же. Л. 29.

³⁶⁸ При подготовке данного параграфа использована следующая работа автора: *Серопегин А.М.* Взаимоотношения «Московских ведомостей», «Гражданина» и «Нового времени» с Главным управлением по делам печати в конце 1890-х гг.: формальные и неформальные практики // Исторический журнал: научные исследования. 2025. № 4. С. 174–184.

интегрированности газеты в круги лиц, принимающих решения. Это определяло, с одной стороны, высокую степень информированности редакции о внутриполитических процессах, а, с другой стороны, делало заложником влияния определенных политических кругов, что наглядно проявилось в 1890-е гг.

Обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев в 1890-х гг. продолжал оказывать серьезное влияние на информационную политику издания. Со многими членами редакции у него сложились деловые и личные отношения. Он старался стать неким идейным руководителем газеты, «осуществлял посредничество между редакцией и цензурными органами, сообщал Петровскому информацию о положении в верхах, предостерегал от необдуманных шагов и сообщал, какие публикации могут вызвать недовольство властей»³⁶⁹. Редактору «Московских ведомостей» Д.Ф. Самарину обер-прокурор посылал закрытые документы из канцелярии Комитета министров и министерства финансов для ознакомления³⁷⁰. Тихомиров поддерживал постоянную переписку с Победоносцевым, сохранившую свидетельства об их широком взаимодействии. Например, Тихомиров посылал практически каждую свою новую брошюру для ознакомления обер-прокурору, а в ответ получал статьи и книги Победоносцева, на которые публиковал обзоры на страницах газеты³⁷¹. Тихомиров высоко оценивал значение своих работ для Победоносцева. Так, в 1899 г. он писал: «Я послал Победоносцеву свою книгу „Единоличная власть“, может быть пригодится в спорах о самодержавии...»³⁷². Возможно, Тихомиров и не был далек от истины – зачастую понравившиеся статьи журналиста обер-прокурор направлял Николаю II для ознакомления³⁷³.

В сложных случаях Тихомиров запрашивал у обер-прокурора консультации по поводу информационного освещения той или иной проблемы. Характерно письмо Тихомирова от 3 октября 1895 г., где редактор «Московских ведомостей»

³⁶⁹ Полунов А.Ю. Указ. соч. С. 308.

³⁷⁰ ОР РГБ. Ф. 265. К. 198. Ед. хр. 21. Л. 55.

³⁷¹ Там же. Ф. 230. К. 4404. Ед. хр. 35. Л. 1–2.

³⁷² ГАРФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 6. Л. 247 об.

³⁷³ Там же. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1327. Л. 23.

советуется с Победоносцевым по поводу статей о школьном вопросе: «Я не знаю, следует ли об этом писать? Это такое дело, которое требует скорее внимания властей, нежели общества. Я говорю о крайней рискованности, опасности всякой мысли, имеющей последствием усиление влияния интеллигенции на народную школу...». Тихомиров приложил к письму несколько «пропагандистских» произведений (включая «Происхождение семьи, собственности и государства» Ф. Энгельса и «Письма к учащейся молодежи о самообразовании» Н.И. Кареева) и спросил совета, стоит ли упоминать о них в газете, и если стоит, то в какой форме – передовицы или статьи за подписью самого Тихомирова³⁷⁴. Консультировался Тихомиров и в вопросах служебной компетенции обер-прокурора, например, по вопросу, стоит ли начинать в «Московских ведомостях» «открытую полемику» с А.А. Киреевым по поводу старокатоличества³⁷⁵ или «писать против обвинений нашей церкви в неканоничности»³⁷⁶. Тихомиров уточнял у Победоносцева его позицию по внутривластной полемике консервативной печати³⁷⁷, по поводу своевременности публикаций³⁷⁸ и лучшем времени для начала информационных кампаний³⁷⁹.

Однако дневники Тихомирова сохранили сложную палитру рефлексии, которую испытывал редактор «Московских ведомостей» по отношению к своему, казалось бы, идеологическому союзнику и патрону. Он продолжал «неистребимо любить этого человека», но к 1899 г. был «чаще и чаще недоволен его политикой», обвиняя обер-прокурора – «архи-чиновника» и «старого ворчуна» – в излишнем бюрократизме³⁸⁰. Ведущий московский консерватор сетовал: «Победоносцев очевидно устарел, а из остальных <...> не знаешь, на ком и остановиться». По всей видимости, Тихомиров переживал из-за снижения роли обер-прокурора,

³⁷⁴ ОР РГБ. Ф. 230. К. 10802. Ед. хр. 28. Л. 5–6.

³⁷⁵ Там же. Л. 1–4 об.

³⁷⁶ ГАРФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 7. Л. 62.

³⁷⁷ Там же. Л. 61а.

³⁷⁸ Там же. Л. 62а.

³⁷⁹ РГАЛИ. Ф. 1393. Оп. 1. Д. 98. Л. 8–9.

³⁸⁰ ГАРФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 7. Л. 190.

проявившейся в условиях «борьбы и междоусобицы» конфликта Витте и Горемыкина, когда «не легко и умному человеку действовать умно»³⁸¹. Тихомиров анализировал письма своего покровителя и сетовал, что «в них чувствуется недовольство своим бессилием»³⁸².

Квинтэссенцией переосмысления Тихомировым роли и значения Победоносцева стала пространная запись в дневнике от 10 октября 1899 г., за десять дней до важнейшего решения Николая II по назначению Сипягина министром внутренних дел. Редактор писал, что «добрые намерения государя не подлежат сомнению», но ему «не у кого слышать добрые советы». Тихомиров возлагал на «деятелей прошлого» и «в том числе особенно» на Победоносцева вину за отсутствие за последние 10–15 лет в «верхнем служилом слое» талантливых людей. Он писал, что обер-прокурор «никогда не выводил в сферу влияния людей самостоятельных и способных». Тихомиров саркастически восклицал: «На кого же теперь он должен жаловаться за „расслабленность“ ... Tu l'as voulu, Constantin! [«Ты этого хотел, Константин!» – *перевод А.С.*]»³⁸³.

Главный редактор и издатель «Московских ведомостей» Грингмут поддерживал широкий круг связей в петербургских правительственных кругах, регулярно посещая столицу и получая информацию от Победоносцева, Горемыкина, Витте и других лиц. Несколько раз встречался Грингмут и с Николаем II, в том числе для обсуждения информационной политики газеты. Так, в ноябре 1897 г. Тихомиров писал: «Приехал Владимир Андреевич. Его свидание с государем крайне интересно в том отношении, что государь, видимо, одобрил нашу точку зрения на „польский вопрос“»³⁸⁴.

Несмотря на то, что архивы сохранили свидетельства довольно откровенной переписки Тихомирова с Победоносцевым, поддерживать связи с другими политическими фигурами Грингмут предпочитал самостоятельно и лично (тем не

³⁸¹ ГАРФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 7. Л. 9–9 об.

³⁸² Там же. Л. 64.

³⁸³ Там же. Л. 64–65.

³⁸⁴ Там же. Д. 6. Л. 113.

менее, переписка Грингмута с ведущими бюрократами практически не сохранилась). Тихомиров в своем дневнике прямо жалуется на Грингмута, который «не допускал» его, например, «до личных сношений» с Сипягиным и П.Н. Семеновым, членом совета министра народного просвещения, которые просили выслать им по экземпляру опубликованной Тихомировым «Единоличной власти»³⁸⁵. Такой обмен информационными материалами Грингмута с Сипягиным был регулярным³⁸⁶. Несмотря на устоявшееся в историографии мнение о том, что Витте довольно плотно взаимодействовал с Грингмутом, сохранившийся объем личных материалов не идет ни в какое сравнение с объемом сохранившейся переписки Витте и Суворина. Отношение к Витте «Московских ведомостей» менялось со временем, «определяясь по мере того, как более четко определялись социально-экономические и политические следствия политики Витте»³⁸⁷.

Прочные контакты с Витте установил еще Петровский, возглавлявший газету до 1897 г. Проппер в своих мемуарах обвинял Петровского и Феоктистова в совместных финансовых махинациях (последнего он называет «скрытым партнером по аренде» газеты). Владелец «Биржевых ведомостей» считал, что между «Московскими ведомостями», ГУДП, Министерством финансов и рядом других ведомств существовали определенного рода финансовые махинации, осуществлявшиеся Д.А. Гравенгофом, корреспондентом «Московских ведомостей». Гравенгоф, имевший связи практически во всех ведомствах (кроме военного) и пользовавшийся покровительством Витте, являлся связующим звеном между газетными и политическими кругами³⁸⁸. Кроме того, Проппер косвенно обвинял Витте в использовании «Московских ведомостей» для занятия поста министра финансов: «В „Московских ведомостях“ появляется сообщение, вызывающее всеобщее внимание: по наблюдениям лиц, видевших

³⁸⁵ ГАРФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 7. Л. 208.

³⁸⁶ РГАЛИ. Ф. 1393. Оп. 1. Д. 86. Л. 1.

³⁸⁷ *Самонов С.В.* Министр финансов С.Ю. Витте и его политика в общественном мнении России (1892–1903 гг.). С. 182.

³⁸⁸ *Проппер С.М.* Указ. соч. С. 197–198.

Вышнеградского в последнее время, он неизлечимо болен. У него выраженный паралич мозга. В этих условиях его дальнейшее пребывание во главе Министерства финансов невозможно. Нельзя вновь доверить такой ответственный пост тяжелобольному, душевно неустойчивому человеку. Вдохновителем публикации был Гравенгоф; исполнителем – [А.А.] Палтов, по негласному благословению Феоктистова; инициатором – *cui prodest?* Вышнеградский получил отставку по милостивому рескрипту императора и еще четыре года жил в полном здравии и ясности ума. Витте был назначен министром финансов»³⁸⁹. Гравенгоф покинул Россию в конце 1893 г.³⁹⁰.

По вопросу отношений с Витте и Горемыкиным мнения двух основных фигур «Московских ведомостей» иногда не совпадали. В апреле 1899 г., в разгар конфликта министра внутренних дел и министра финансов, Тихомиров восторженно писал в дневнике: «Записка Горемыкина очень умна. Слава Богу! Я уже давно не читал в министерских записках ничего столь умного, истинно государственного, по крайней мере, по существу»³⁹¹. Тихомиров «много спорил» с Грингмутом, которому, по его словам, нравилась «именно записка Витте»³⁹². Спор двух редакторов приводил к тому, что Грингмут не давал Тихомирову публиковать статьи в газете. Тихомиров пишет: «Ничего не дает писать мой Владимир Андреевич. Никогда еще такого не было. Уж не бьет ли „рублем“ за противоречие? Я с ним объяснился по поводу записок Витте и Горемыкина о земстве, доказывал, что Витте городит чепуху, а записка Горемыкина очень умна. Он был видимо недоволен, прямо надулся». Передовую статью «с теми же глупостями, что у Витте» Грингмут поручил писать другому редактору, что также не понравилось Тихомирову³⁹³.

³⁸⁹ *Пронтер С.М.* Указ. соч. С. 201.

³⁹⁰ РГИА Ф. 1622. Оп. 1. Д. 404. Л. 1–1 об.

³⁹¹ ГАРФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 6. Л. 247.

³⁹² Там же. Л. 247 об.

³⁹³ Там же. Д. 7. Л. 4 об.–5.

Вместе с тем, в середине 1899 г. Тихомиров ссылается на разговор с основным автором передовых статей «Московских ведомостей» Л.Н. Вороновым, который рассказывал, что Витте «не может равнодушно говорить о Владимире Андреевиче». По словам Воронова, «Грингмут будто бы обманул» Витте – «обещал поддерживать его политику, а на самом деле страшно мешает своими экономическими статьями». Тем не менее, Тихомиров считал Грингмута самостоятельной фигурой, который, «как и сам Витте, руководствуется в том случае соображениями своей политики, и соответственно с этим допускает или даже приказывает писать»³⁹⁴.

С Горемыкиным сохранялись деловые отношения, установленные еще Петровским³⁹⁵. Грингмут регулярно встречался с ним во время своих приездов в Петербург, посылал ему статьи, которые предварительно обсуждал с министром³⁹⁶.

1 ноября 1899 г., вскоре после отставки Горемыкина, Тихомиров записал в дневнике: «Приехал Владимир Андреевич, привез всякие новости. Витте его почти пригласил к себе. Дал ему свою записку (в 20 фунтов весу) о самодержавии, будто бы сразившую Горемыкина. Эта записка доказывает, что самоуправление (всесословное, выборное) несовместимо с самодержавием. <...> Беда в том, что Влад[имир] Андр[еевич] очень склонен к этой точке зрения. Самого Витте он считает сидящим очень твердо»³⁹⁷.

У газеты были и другие информанты в высших кругах. Отдельно стоит отметить Е.В. Богдановича, члена совета министра внутренних дел и мужа владелицы одного из важнейших политических салонов правого толка А.В. Богданович, который не только периодически публиковался в газете, но и посылал Грингмуту по телеграфу важные новости³⁹⁸.

³⁹⁴ ГАРФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 7. Л. 61–61 об.

³⁹⁵ РГИА. Ф. 1626. Оп. 1. Д. 1092. Л. 1–5.

³⁹⁶ Там же. Д. 695. Л. 5, 8.

³⁹⁷ ГАРФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 7. Л. 83.

³⁹⁸ РГАЛИ Ф. 1393 Оп. 1. Д. 22. Л. 1–1 об., 4, 6, 8.

Уникальная идейная ниша «Гражданина» определяла и взаимоотношения князя Мещерского с правящими кругами. Князь обладал широким инструментарием воздействия на элиты, который был блестяще реконструирован А.С. Карцовым: «привлечение теми или иными путями на свою сторону представителей высшей бюрократии, и, наоборот, „кооптация“ в ряды бюрократической верхушки своих выдвиженцев; предложение экспертных услуг; элементы апелляции к общественному мнению; компрометация („интрига“ и „сплетня“))»³⁹⁹. Если «Московские ведомости» плотно и плодотворно сотрудничали с Победоносцевым, к 1890-м гг. пути Мещерского и обер-прокурора Синода разошлись. Как писал А.С. Карцов, этот конфликт имел не только личный, но и политический характер: враждебность издателя «Гражданина» к «узкоохранительному направлению», которое олицетворял собой Победоносцев⁴⁰⁰. Интересна жалоба Победоносцева на Мещерского в письме Николаю II в 1896 г.: «К несчастью во всей России, и за границею, еще не поколеблено утвердившееся мнение будто Гражданин служит непосредственным выразителем взглядов и личной политики самого государя. Мещерский имел наглость заявлять об этом печатно в своей газете, и такое заявление прошло неопровергнутым. И до сих пор он пишет в том же тоне, выставляя себя как бы пророком заветов минувшего царствования: в сущности, это обман и клевета на имя усопшего. Между тем, во имя этих мнимых заветов ведется интрига против нынешнего правительства». Победоносцев не только обвинял Мещерского в угрозах внутривластной стабильности, но и развивал мысль об опасности статей «Гражданина» для общественно-политической ситуации, требуя строгих карательных мер: «Теперь, если по поводу ... статьи Мещерского, начнется полемика, либеральные газеты могут в свой черед нагородить много вздору и продолжить волнение умов в читателях. И так, казалось бы, нужно, в предупреждение зла, выразить явственно, что взгляды Мещерского не имеют никакой солидарности со взглядами

³⁹⁹ Карцов А.С. Указ. соч. С. 368–369.

⁴⁰⁰ Там же. С. 40.

правительства. Это можно было бы сделать в виде предостережения газете *Гражданин*, прилично мотивированного»⁴⁰¹. Отношения Николая II к князю всю последнюю декаду XIX в. граничило с отрицательным, финансирование газеты было урезано.

Тем не менее, именно в вопросах изменения объемов и схемы финансирования Н.В. Черникова видела проявившийся политический талант Витте: единственный из сановников первого калибра он не стал списывать со счетов Мещерского. Переведя финансирование издания из ведения МВД в возглавляемый им Минфин он получил уникальный инструмент контроля за деятельностью одного из влиятельных изданий и возможность направлять действия Мещерского в нужную для себя сторону⁴⁰². Проппер саркастически отмечал: «Привлечь князя на свою сторону было несложно: он имел особую слабость к всевозможным субсидиями и непредвиденным денежным поступлениям»⁴⁰³. Витте стал частым гостем салона Мещерского⁴⁰⁴. Журналист и министр часто бывали в гостях друг у друга, в том числе и на дачах⁴⁰⁵. Результат «инвестиций» Витте был впечатляющий: за 1890-е гг. Мещерский ни разу не позволил себе критику начинаний министра финансов на страницах *«Гражданина»*, даже если последствия политики министра полностью противоречили взглядам князя. Даже в моменты ситуативного охлаждения их отношений, Мещерский писал Витте трогательные и пространные письма, видя в нем одинокого, как и он сам, человека; князь просил забыть разногласия и приехать «наедине обедать»⁴⁰⁶. С Горемыкиным князь также поддерживал постоянную переписку и практику частных визитов⁴⁰⁷.

⁴⁰¹ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1327. Л. 37–38об.

⁴⁰² Черникова Н.В. Указ. соч. С. 400.

⁴⁰³ Проппер С.М. Указ. соч. С. 203.

⁴⁰⁴ Там же. С. 182.

⁴⁰⁵ РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 450. Л. 1.

⁴⁰⁶ Там же. Л. 1–8.

⁴⁰⁷ Там же. Ф. 1626. Оп. 1. Д. 990. Л. 1, 4.

Плодотворное сотрудничество с властями сложилось и у Суворина. «Новое время», к концу века ставшее одной из самых влиятельных газет в стране, не могло не привлечь повышенного внимания понимавших веяния времени бюрократов. Витте, уделявший особенное внимание собственному позиционированию в печати, а также освещению проводимых им реформ, установил прочные деловые отношения с Сувориным. Колышко писал: «Силу и значение „Нов[ого] вр[емени]“ понимали все русские правители, но ближе и лучше всех понял ее Витте. Между Сувориным и Витте установился роман. Презирая друг друга, они жить друг без друга не могли. Друг друга боялись и друг другом восхищались»⁴⁰⁸. Министр и журналист часто оказывали друг другу поддержку по различным вопросам, их контакты были частыми, неформальными и плодотворными. Переписка Витте с Сувориным сохранила свидетельства их довольно плотного сотрудничества по вопросам публикаций, акцентов и оттенков публикуемых материалов. Витте посылал Суворину тексты своих выступлений на заседаниях Государственного совета⁴⁰⁹, различные документы (например, по Ходынском делу⁴¹⁰), проекты записок по различным вопросам⁴¹¹, которые журналист активно комментировал, соглашаясь с тезисами или сетуя на отсутствие каких-либо положений. Витте и Суворин часто бывали друг у друга, министр предпочитал в ходе таких встреч лично доносить до журналиста отдельные аспекты проводимых Минфином реформ⁴¹². Документы часто передавались Суворину на время, затем их необходимо было вернуть. В случае, если документ был не нужен Витте, иногда он просил «до поры до времени» не делать его достоянием гласности, а использовать «для личного употребления»⁴¹³. Несмотря на это, Суворина нельзя считать клиентелой Витте, журналист сохранял определенную степень независимости, что проницательный министр учитывал в своей работе с ним. Показательна ситуация,

⁴⁰⁸ Колышко И.И. Указ. соч. С. 206.

⁴⁰⁹ РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 464. Л. 1.

⁴¹⁰ РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 719. Л. 47.

⁴¹¹ РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 468. Л. 1.

⁴¹² РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 719. Л. 20, 21, 22, 27–27 об.

⁴¹³ Там же. Л. 47, 48–48 об.

случившаяся в 1896 г.: Витте попросил Суворина напечатать свою речь в Государственном совете по поводу денежной реформы, Суворин, с известной долей скепсиса относившийся к реформе, согласился, однако Витте передумал и счел нецелесообразной публикацию. Он поблагодарил Суворина за помощь, послал ему один экземпляр своей речи с просьбой вернуть его обратно после прочтения и написал: «Вы не усомнитесь в том, что я предлагаю вам прочесть сей документ не для того, чтобы влиять на ваши взгляды, но для того, чтобы, критикуя реформу, вы имели в виду именно эту реформу, т.е. мои намерения». Витте добавил, что не будет против, если Суворин использует текст речи в своих «Маленьких письмах», но «без всякого намека на источник (т.е. без намека что вы ознакомились с моей речью)»⁴¹⁴. Вообще, разница во взглядах на многие вопросы, пожалуй, несколько не смущала ни Витте, хотя в другом письме он писал: «Может быть тогда и ваши взгляды если не переменятся, то примут другое, во всяком случае более спокойное (для публики вас читающей) направление»⁴¹⁵. Эта разница не мешала Витте уделять внимание даже мелким деталям статей, публикуемых в «Новом времени»: «Я того же мнения что было бы целесообразнее если бы статья печаталась без подписи. Что касается указанной вами фразы, то я тоже думаю, что ее следует смягчить. Смысл ее в том – что если бы денежная реформа не была совершена, то теперь на денежных рынках России черт знает что творилось бы – и курс бы рухнул». Далее следовали подробные тезисы, необходимые для публикации⁴¹⁶. Министр часто просил опубликовать опровержение той или иной информации, например, опубликованной в иностранной прессе⁴¹⁷. В 1897 г. в ряде газет был опубликован слух о якобы специально подготовленной Витте публикации своего разговора. Министр написал Суворину: «По поводу этой части телеграммы не будете ли вы так любезны напечатать что вам известно из достоверного источника, что С.Ю. Витте не вел ни с кем каких-либо разговоров

⁴¹⁴ РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 719. Л. 50–51 об.

⁴¹⁵ Там же. Л. 53 об.

⁴¹⁶ Там же. Л. 58–58 об.

⁴¹⁷ Там же. Л. 54 об.

для сообщения их в печати <...> Очень буду просить вас напечатать сию заметку на видном месте»⁴¹⁸.

В исключительных случаях Суворин прямо консультировался с министром финансов по вопросам публикаций. Примечательно письмо издателя «Нового времени» 17 января 1895 г., где Суворин сообщил Витте о возвращении репортера газеты с приема Николаем II земских deputаций, где были произнесены знаменитые слова о «бессмысленных мечтаниях». Суворина смутила фраза царя о земствах, и он написал Витте: «Мне думается, что печатать слова государя в такой момент <...> не следует, и может быть вы могли бы что-нибудь сделать <...> прошу, во всяком случае, не упоминать никому, что я вам писал об этом»⁴¹⁹. Такая консультация представляется оправданной, учитывая жесткую позицию столичных цензурных комитетов по поводу публикаций текстов высочайших манифестов и иных законодательных актов. Характерно письмо СПбЦК в редакцию «Русских ведомостей» о задержке цензурой корреспонденций, посвященных манифесту о восшествии на престол Николая II, где цензоры сообщают, что не будут «пропускать ничего, кроме дословного текста без всяких самовольных сокращений и помарок корреспондентов ... чтобы никого не вводить в заблуждение»⁴²⁰.

Как отмечал С.В. Самонов, различия в убеждениях помешали окончательному превращению «Нового времени» в рупор Витте. Суворин тяготел к правой, консервативной идеологии, он был своего рода «консервативным либералом», хотя никакому шаблонному образу «консерватизма» или «либерализма» идеология газеты никогда не соответствовала⁴²¹. «Новое время» публиковало статьи, поддерживающие экономические реформы министра финансов, но, вместе с тем, давало слово и его противникам. Исключительное

⁴¹⁸ РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 719. Л. 68–69.

⁴¹⁹ Там же. Оп. 2. Д. 185. Л. 3.

⁴²⁰ Там же. Ф. 1701. Оп. 2. Д. 20. Л. 1.

⁴²¹ Самонов С.В. Министр финансов С.Ю. Витте и его политика в общественном мнении России (1892–1903 гг.). С. 53.

положение газеты позволяло Суворину использовать ее как квазипарламентскую общественную трибуну для обсуждения различных вопросов, касающихся внутренней политики. Победоносцев поддерживал с Сувориным деловые отношения, но не оказывал на редакцию такого влияния, как на «Московские ведомости». Тем не менее, в разгар студенческих беспорядков 1899 г. Победоносцев в письме Николаю II подчеркивал «разумную» позицию «Нового времени», выделяя газету на фоне других изданий, которые «попали в руки евреев»⁴²². Горемыкин также выстраивал с Сувориным личные отношения, передавал ему материалы для публикаций. Тем не менее, отношения носили более формальный характер, например, в одном из писем Суворин оправдывается за статью, которая вызвала негативную реакцию Горемыкина и пишет, что он сам «исправлял и смягчал эту статью, которая мне вообще не нравилась», называет публикацию «бестактным промахом, сделанным газетой в мое отсутствие»⁴²³.

«Биржевые ведомости» в историографии прочно связываются с именем Витте. Как писал С.В. Самонов, редакция представляла собой «лагерь сторонников Витте в среде общественного мнения, между Витте и издателем газеты С.М. Проппером существовали тесные взаимоотношения, и „Биржевые ведомости“ в течении 11 лет затрачивали значительные пропагандистские с целью оказать поддержку курсу Витте»⁴²⁴. В отличие от «Нового времени», весь период нахождения министра финансов у власти Проппер оказывал ему информационные услуги, ни в чем не критикуя политику министерства. Крупные инфраструктурные проекты, наподобие Транссибирской железнодорожной магистрали, газета также связывала с именем Витте⁴²⁵. Только после ухода Витте с поста министра финансов газета начала плавно переходить к критике его политики. Однако и в моменты

⁴²² ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1327. Л. 50–51 об.

⁴²³ РГИА. Ф. 1626. Оп. 1. Д. 1239. Л. 1.

⁴²⁴ Самонов С.В. Министр финансов С.Ю. Витте и его политика в общественном мнении России (1892–1903 гг.). С. 96.

⁴²⁵ Там же. С. 130.

самых сложных противоречий с министром Проппер не допускал в газете «никаких нападок на Витте», а «его имя в газете было табуировано»⁴²⁶.

Важным свидетельством сотрудничества «Биржевых ведомостей» и Витте являются опубликованные в эмиграции воспоминания Проппера, в 2024 г. впервые полностью переведенные на русский язык. Отношения с Витте являются главным сюжетом этих воспоминаний. Они были установлены еще в бытность Витте начальником департамента железнодорожных дел. Витте «четко понимал, что для осуществления его честолюбивых планов роль прессы как тарана имела решающее значение»⁴²⁷. Проппер практически ежедневно навещал Витте в департаменте, сановник наносил ответные визиты в редакцию и домой. Владелец газеты вспоминал, что Витте передавал «Биржевым ведомостям» не только «весь касавшийся его департамента материал, но и был готов достать сведения из других подразделений, если они были интересны газете, в особенности если этот самый интерес совпадал с его собственными намерениями». По словам Проппера, Витте «никогда не упускал возможности удостовериться, что при публикации соответствующей новости упоминается его имя». Проппер приводит пример хранившегося у него оригинала статьи о комиссии, которая была назначена под председательством Витте для расследования неудовлетворительного состояния Общества Грязе-Царицынской железной дороги, с карандашными пометками Витте, где при упоминании его имени им самим дважды были вставлены слова «талантливый и энергичный» и один раз «высокоодаренный»⁴²⁸. Получение разрешения на выпуск второго издания «Биржевых ведомостей» Проппер также связывал исключительно с заступничеством Витте⁴²⁹. Хотя Ясинский ретроспективно и пытался охарактеризовать цели второго издания как квазиреволюционные («отправляясь из Главного управления в редакцию „Биржевых ведомостей“, я уже твердо решил – придать второму изданию не только

⁴²⁶ Проппер С.М. Указ. соч. С. 314.

⁴²⁷ Там же. С. 180.

⁴²⁸ Там же. С. 181.

⁴²⁹ Там же. С. 216–217.

демократическое или народническое направление, а сделать его газетою огромного большинства населения, т.е. органом бедных и угнетаемых людей – крестьян, рабочих, мелких служащих, всех социальных стрелочников...»⁴³⁰), по всей видимости цели были более прозаическими – способствовать росту популярности Витте среди широких масс провинциальных подписчиков газеты.

1.4. Выводы

В условиях отсутствия в России в 1890-х гг. публичной политики и представительских институтов столичная периодическая печать стала одним пространств, где происходила коммуникация как между бюрократией и общественностью, так и внутри них. Аудитория качественных столичных изданий оставалась ограниченной, включая в себя в основном образованные городские слои (чиновничество и интеллигенцию), что позволяет говорить о том, что в рассматриваемый период политическая коммуникация правящей бюрократии через качественную печать касалась крайне узкого круга лиц. Информационная политика конкретного издания определялась не столько коллективом, сколько издателем или главным редактором (Петровским, Грингмутом, Мещерским, Сувориным, Проппером, Соболевским, Стасюлевичем). Именно они выступали главными коммуникаторами с правящей бюрократией, олицетворяли издание и выстраивали неформальные коммуникационные сети.

Отношения между прессой и государственными институтами (прежде всего, Главным управлением по делам печати) представляли собой сложную систему формальных и неформальных практик, где репрессивные меры сочетались с инструментами субсидирования, неформальными связями и сложным лавированием редакций в рамках цензурного законодательства. Различные издания выработали свои стратегии взаимодействия с государственной властью. «Московские ведомости», «Гражданин», «Новое время» активно использовали неформальные связи с Победоносцевым, Витте и Горемыкиным для получения

⁴³⁰ Ясинский И.И. Указ. соч. Т. I. С. 506.

информации, лоббирования своих интересов и смягчения цензурных мер. Либеральные издания выработали различные стратегии в отношениях с государственными институтами. «Вестник Европы» делал ставку на взвешенную критику отдельных правительственных решений в формате аналитических статей, что позволяло сохранять журнал, как ведущую либеральную публичную площадку. «Русские ведомости» занимали непримиримую позицию, отказывались от сотрудничества с цензурным ведомством (например, в вопросах раскрытия сведений об источниках информации), что вело к систематическим запретам продаж и приостановке деятельности. «Биржевые ведомости» установили тесные связи с министерством финансов и лично Витте, выполняли практически все требования властей.

Таким образом, в 1890-е гг. формально действовавший Устав о цензуре и печати лишь отчасти регулировал реальные отношения власти и ведущих периодических изданий. Широкое распространение неформальных коммуникаций (личные визиты, переписка, передача материалов для публикации), субсидий и взаимных договоренностей между высокопоставленными чиновниками, издателями и редакторами периодических изданий свидетельствует, что пресса начала постепенно вовлекаться в борьбу между различными группировками правящей элиты (характерна деятельность Победоносцева и Витте в указанном аспекте). Бюрократы начинали использовать подконтрольные или лояльные им издания для продвижения своих программ, дискредитации оппонентов и формирования общественного мнения в нужном ключе, что превращало прессу в важный, но в рассматриваемый период все же вспомогательный, политический инструмент.

Глава 2. Пресса и внутренняя политика в 1894–1899 гг.

2.1. Отставка А.К. Кривошеина и назначение М.И. Хилкова

15 декабря 1894 г. министр путей сообщения А.К. Кривошеин был отправлен в отставку. Как писал Д.А. Андреев, несмотря на то что перемены в министерстве затронули лишь узкий круг столичного чиновничества и близких к правительству лиц (этим, по всей видимости, и было обусловлено достаточно скудное освещение этого события в периодической печати), отставку Кривошеина можно рассматривать в качестве первого значимого политического выступления Николая II, в котором впервые проявился собственный управленческий стиль нового императора⁴³¹. Витте позднее писал, что «это был первый случай в начале царствования императора Николая II, который, вероятно, заставил многих лиц такого же пошиба, как и Кривошеин, призадуматься»⁴³². Половцов отмечал, что министры в те дни «выжидали», чтобы «выяснилось, какое дуновение свыше»⁴³³.

Выбор именно МПС в качестве первой демонстрации управленческой стилистики Николая II был обусловлен несколькими факторами. С одной стороны, именно это министерство идеально подходило для управленческих экспериментов, учитывая его неоднозначную репутацию, приобретенную в царствование Александра III. Проппер оставил исчерпывающее описание порядков, которые по восприятию современников царили в МПС при Кривошеине и его предшественниках: «В Министерстве путей сообщения за деньги можно было получить что угодно: любую информацию о предстоящих объявлениях подрядов, их условиях и предусмотренных максимальных ценах, о предстоящих изменениях тарифов, об окончательном направлении работ по трассировке при прокладке новых линий, о секретных расчетах по улучшению водных путей. Словом, не было ни одной тайны, которую нельзя было раскрыть с помощью денег и приятной беседы. Следовало лишь найти нужную кнопку, нажать на нее – и дверь сама

⁴³¹ Андреев Д.А. Самодержавие и борьба в правительственных верхах в 1894–1904 гг. С. 168–169.

⁴³² Витте С.Ю. Указ. соч. С. 366.

⁴³³ Половцов А.А. Указ. соч. С. 117.

открывалась перед тобой. Инженеры, дельцы, поставщики, строители сновали из чиновничьих кабинетов туда-сюда, вели себя как дома: просматривали документы, изготавливали копии, а то и вовсе брали официальные бумаги домой и потом возвращали, часто со своими замечаниями и контрпредложениями. Случалось так, что важнейшие документы пропадали или их в положенное время нельзя было найти»⁴³⁴. С другой стороны, Кривошеин попытался начать проявлять политическую самостоятельность, что без сильных связей во властных структурах являлось непростительной и фатальной по последствиям ошибкой⁴³⁵.

Следует отметить, что слухи о возможной отставке главы Министерства путей сообщения, его моральном облике и злоупотреблениях, а также о потенциальных преемниках ходили по Петербургу еще задолго до 1894 г. Так, 23 марта 1893 г. Богданович писала о будущем назначении князя Хилкова на министерский пост по протекции императрицы Марии Феодоровны. Кроме того, владелица популярного политического салона записала слух о разговоре, который якобы состоялся между Александром III и Кривошеиным летом 1893 г. (тогда государь, узнав о покупке нового имения министром, отреагировал коротко: «Это стыдно»). Позднее Витте характеризовал Кривошеина как «дельца», который, не владея железнодорожным делом, занимался лишь вопросами личного обогащения⁴³⁶. Тем не менее, до конца 1894 г. резких движений в отношении Кривошеина не предпринималось, несмотря на широкое общественное обсуждение фактов злоупотреблений и коррупции, которые царили в министерстве. Д.А. Андреев отмечал, что обилие слухов о возможных кадровых перестановках сразу после прихода Николая II к власти объяснялось отсутствием у нового царя «готовой команды, способной занять ключевые посты»⁴³⁷. Непосредственно к окончательному решению судьбы Кривошеина царя подтолкнул государственный

⁴³⁴ *Проннер С.М.* Указ. соч. С. 204.

⁴³⁵ *Андреев Д.А.* Самодержавие и борьба в правительственных верхах в 1894–1904 гг. С. 188.

⁴³⁶ *Витте С.Ю.* Указ. соч. С. 365.

⁴³⁷ *Андреев Д.А.* Самодержавие на переломе: 1894 год в истории династии и власти. С. 138.

контролер Филиппов⁴³⁸, которого 10 декабря Николай II принял «по поводу весьма грустного и некрасивого дела Кривошеина»⁴³⁹. Министру вменялись злоупотребления при поставке шпал на Либавско-Роменскую дорогу с собственных дач⁴⁴⁰ по «очень высокой цене»⁴⁴¹ и изменение трассы железной дороги на юге страны, чтобы она «прорезала все имение его» для получения компенсаций от казны⁴⁴². Как писал Половцов, следствие было подкреплено данными, «добытыми через прокурорский надзор и представленными министром юстиции Муравьевым»⁴⁴³. 14 декабря в день собственных именин Кривошеин был отправлен в отставку. Д.А. Андреев писал, что «антураж отставки», помимо выбора даты включавший в себя личное уведомление через управляющего Собственной Е.И.В. Канцелярии К.К. Ренненкампа и разжалование из придворного чина гофмейстера, был рассчитан на «максимальный пропагандистский эффект»⁴⁴⁴. Целью громкой отставки был сигнал бюрократии и обществу о продолжении неизменного от отцовского курса внутренней политики.

Если назначение Кривошеина на министерский пост все элитные группы приписывали протекции И.Н. Дурново (кроме самого Дурново, который говорил о роли Витте и Мещерского⁴⁴⁵), в вопросе интересантов его отставки подобного консенсуса не наблюдалось. Богданович писала, что «мина» под Кривошеина была подведена Филипповым, а «из-за угла энергично действовал Витте»⁴⁴⁶. Сам Витте через много лет отрицал свою связь с этим событием и отмечал, что узнал об отставке Кривошеина из «Правительственного вестника»⁴⁴⁷. Тем не менее, представляется вероятным опосредованное участие министра финансов в

⁴³⁸ Андреев Д.А. Самодержавие на переломе: 1894 год в истории династии и власти. С. 139.

⁴³⁹ Дневники императора Николая II (1894–1918). Т. 1. С. 177.

⁴⁴⁰ Половцов А.А. Указ. соч. С. 116.

⁴⁴¹ Богданович А.В. Указ. соч. С. 198.

⁴⁴² Витте С.Ю. Указ. соч. С. 365.

⁴⁴³ Половцов А.А. Указ. соч. С. 116.

⁴⁴⁴ Андреев Д.А. Самодержавие на переломе: 1894 год в истории династии и власти. С. 140.

⁴⁴⁵ Половцов А.А. Указ. соч. С. 117.

⁴⁴⁶ Богданович А.В. Указ. соч. С. 198.

⁴⁴⁷ Витте С.Ю. Указ. соч. С. 366.

переменах в Министерстве путей сообщения, исходя из последующей активности Витте в процессе поиска преемника Кривошеина. Кроме того, в личной беседе с Половцовым Витте говорил о том, что «для министра финансов весьма важно иметь министра путей сообщения, с которым он мог бы вести дело в согласии»⁴⁴⁸. Д.А. Андреев писал о том, что в деле Кривошеина ситуативно объединились интересы как Витте, так и министра юстиции Муравьева; причем оба выступали не сколько ради назначения в МПС удобного им министра, сколько имели далеко идущую цель подорвать влияние министра внутренних дел Дурново, чьей креатурой и считался Кривошеин⁴⁴⁹. Отчаянные попытки Дурново то спасти, то дистанцироваться от Кривошеина привели к потере им роли самостоятельного влиятельного министра, постепенно переходящей к Витте⁴⁵⁰, а сама отставка главы МВД стала делом времени, случившись уже в 1895 г.

18 декабря в «Новом времени» было опубликовано официальное сообщение об отставке министра с формулировкой «уволен, согласно прошению»⁴⁵¹. «Московские ведомости»⁴⁵² и «Русские ведомости»⁴⁵³ напечатали короткое телеграфное сообщение. Текст высочайшего приказа от 17 декабря был опубликован 19 декабря в «Гражданине»⁴⁵⁴ и «Биржевых ведомостях»⁴⁵⁵, 20 декабря в «Московских ведомостях»⁴⁵⁶ и «Русских ведомостях»⁴⁵⁷, 21 декабря в «Новом времени»⁴⁵⁸.

19 декабря «Новое время» раскритиковало предыдущих министров путей сообщения и всю систему управления министерством, вспомнило то негативное влияние, которое оказывало ненадлежащее состояние путей сообщения в России

⁴⁴⁸ Половцов А.А. Указ. соч. С. 119.

⁴⁴⁹ Андреев Д.А. Самодержавие на переломе: 1894 год в истории династии и власти. С. 145.

⁴⁵⁰ Там же. С. 148.

⁴⁵¹ Сегодня // Новое время. 18 декабря 1894 г.

⁴⁵² Телеграммы // Московские ведомости. 18 декабря 1894 г.

⁴⁵³ Телеграфические известия // Русские ведомости. 18 декабря 1894 г.

⁴⁵⁴ Правительственные известия // Гражданин. 19 декабря 1894 г.

⁴⁵⁵ Действия правительства // Биржевые ведомости. 19 декабря 1894 г.

⁴⁵⁶ Постановления и распоряжения правительства // Московские ведомости. 20 декабря 1894 г.

⁴⁵⁷ Официальный отдел // Русские ведомости. 20 декабря 1894 г.

⁴⁵⁸ Сегодня // Новое время. 21 декабря 1894 г.

на внутреннюю и внешнюю политику. Кроме того, обстоятельной критике было подвергнуто министерство финансов под управлением Витте, «Новое время» выразило недовольство сосредоточением в руках Витте власти, превышающей спектр деятельности министерства. Газета выразила уверенность в создании нового министерства промышленности и торговли и включении в его состав остатков Министерства путей сообщения. В редакционной статье под названием «Отставка министра»⁴⁵⁹ газета Суворина отметила давно ходившие по Петербургу слухи о состоявшемся увольнении министра путей сообщения. Кратко перечислив последних министров, занимавших эту должность, «Новое время» отметило, что «министры путей сообщения не могли одолеть предстоящей им задачи». Подчеркнув развитие отечественной сети железных и подъездных дорог, тем не менее, газета отметила, что это развитие «мало зависело» от Министерства путей сообщения, которое «обратилось ... просто в деловой департамент». «Новое время» раскритиковало «борьбу разных систем и направлений» в министерстве и выразило надежду, что преемник Кривошеина вступит в должность «с более или менее законченной программой». Сами пути сообщения в России газета назвала «больным местом», вспомнив неудачи Крымской войны и невозможность обеспечить в полном объеме потребности внешней и внутренней торговли. «Новое время» считало, что министерство «должно быть преобразовано и обновлено», так же, как и министерство финансов. Газета раскритиковала сосредоточение в руках министра финансов вопросов налогообложения, денежной системы и кредита, кроме того, промышленности и торговли. Была отмечена деятельность министерства финансов в интересах крупного торгово-промышленного капитала и «небрежение» по отношению к ремеслам и кустарной промышленности. В заключение, раскритиковав текущее состояние дел в Министерстве путей сообщения и Министерстве финансов, «Новое время» предложило создать новое министерство промышленности и торговли, в котором пути сообщения

⁴⁵⁹ Отставка министра // Новое время. 19 декабря 1894 г.

«составляли бы одно из главных отделов» под управлением «инженера-специалиста».

«Биржевые ведомости», «Русские ведомости» и «Московские ведомости» высказали предположения о возможных сменщиках Кривошеина. «Биржевые ведомости» в разделе «Хроника» отметили, что «циркулировавшие в последнее время в городе слухи» об отставке Кривошеина подтвердились⁴⁶⁰. Среди потенциальных кандидатов на пост министра газета назвала управляющего делами комитета министров А.Н. Куломзина и товарища министра финансов А.П. Иващенко. «Русские ведомости» также назвали Иващенко, директора департамента железнодорожной отчетности государственного контроля, вероятным преемником⁴⁶¹. 20 декабря этот слух был опубликован и в «Московских ведомостях»⁴⁶².

21 декабря «Биржевые ведомости» опубликовали первую часть своего анализа деятельности Министерства путей сообщения. Газета раскритиковала деятельность всех министров путей сообщения, за исключением Витте, чей практический опыт работы в профильной отрасли был особо подчеркнут. В первой части объемной статьи под названием «Судьбы министерства путей сообщения»⁴⁶³ газета Проппера подробно проанализировала деятельность ключевых, с точки зрения редакции, министров, возглавлявших это министерство в последнее время. Вспоминая К.Н. Посьета, «Биржевые ведомости» написали о завершении «периода лихорадочного строительства» железных дорог, принадлежавших тогда частным компаниям. Газета отметила «безначалие» и «крупные концессионные аппетиты», царившие в отрасли. Процесс перехода контроля за путями сообщения от частных лиц к казне, начавшийся при Посьете, по мнению «Биржевых ведомостей», не был до конца продуман и привел к определенным неудачам, вызванным несоответствием старой модели управления с управлением путей сообщения

⁴⁶⁰ Хроника // Биржевые ведомости. 19 декабря 1894 г.

⁴⁶¹ Телеграфические известия // Русские ведомости. 19 декабря 1894 г.

⁴⁶² Телеграммы // Московские ведомости. 20 декабря 1894 г.

⁴⁶³ Судьбы министерства путей сообщения // Биржевые ведомости. 21 декабря 1894 г.

новым государственным собственником. Деятельность министров Г.Е. Паукера и А.Я. Гюббенета, более занятых межведомственными трениями, привели к «остановке всего механизма управления путями сообщения». Неспособность решить назревшие вопросы, требовавших «немедленного врачевания», стала причиной назначения министром С.Ю. Витте. Личный опыт работы на железных дорогах и «близкое знакомство с личным составом железных дорог» должны были способствовать реорганизации министерства. Витте были инициированы многие позитивные изменения, но вскоре он был назначен министром финансов и Министерство путей сообщения возглавил Кривошеин. «Биржевые ведомости» упрекнули его в отсутствии необходимых компетенций для администрирования «такого хозяйства», как Министерство путей сообщения.

«Русские ведомости» процитировали статью «Нового времени» от 19 декабря, обратив внимание на отсутствие четкой системы управления путями сообщения и серьезные причины, по которым все министры, возглавляющие ведомство, уходили в отставку, не решив поставленных перед ними задач⁴⁶⁴. В разделе телеграмм было опубликовано краткое сообщение о вступлении в должность управляющего министерством товарища министра Н.П. Петрова⁴⁶⁵.

22 декабря в «Московских ведомостях» была опубликована телеграмма, сообщающая, что по слухам новым министром путей сообщения назначен Иващенко⁴⁶⁶.

24 декабря «Биржевые ведомости» опубликовали вторую часть своего аналитического материала⁴⁶⁷. Было отмечено разложение эффективной системы управления в Министерстве путей сообщения, подчеркнуто распределение сферы ответственности министерства между другими ведомствами. Газета выразила надежду на реорганизацию министерства и включение его в состав других государственных учреждений. Продолжая идейную линию, начатую первой

⁴⁶⁴ По поводу увольнения... // Русские ведомости. 21 декабря 1894 г.

⁴⁶⁵ Телеграфические известия // Русские ведомости. 21 декабря 1894 г.

⁴⁶⁶ Телеграммы // Московские ведомости. 22 декабря 1894 г.

⁴⁶⁷ Судьбы министерства путей сообщения // Биржевые ведомости. 24 декабря 1894 г.

частью материала, «Биржевые ведомости» написали, что на каждого нового министра путей сообщения «неизменно возлагались надежды, что он, наконец, реорганизует это министерство». Однако в итоге ведомство «стало на наклонную плоскость разложения и распада». Часть полномочий была распределена между министерством внутренних дел, министерством финансов и государственным контролем, что привело к ситуации, которую газета характеризует поговоркой «у семи нянек – дитя без глаз». Оставшаяся в ведении МПС техническая часть обслуживания этих путей, по мнению газеты, более подходила какому-либо департаменту, наподобие департамента по управлению горным делом при министерстве земледелия, чем являлось веским основанием для деятельности целого министерства. «Биржевые ведомости» отметили, что пути сообщения должны были «служить финансово-экономической жизни государства». Редакция не видела ничего предосудительного в том, чтобы «отнести» управление путями сообщения «к такому ведомству, которое было бы более всех заинтересовано в хозяйстве путей сообщения».

29 декабря «Московские ведомости» опубликовали телеграмму, в которой было высказано предположение о назначении А.Н. Куломзина управляющим Министерством путей сообщения⁴⁶⁸, «Биржевые ведомости» в этот день опубликовали короткую заметку «Слухи о преобразовании министерства путей сообщения»⁴⁶⁹. В ней были высказаны предположения о «коренном и безотлагательном преобразовании» ведомства и проекте учреждения министерства торговли и промышленности, в которое на правах «особого отдела» войдет управление путями сообщения.

4 января 1895 г. министром путей сообщения Российской империи был назначен князь М.И. Хилков. Стоит отметить, что в уже рассмотренных материалах периодической печати нашли отражение происходившие в конце декабря 1894 г. и

⁴⁶⁸ Телеграммы // Московские ведомости. 29 декабря 1894 г.

⁴⁶⁹ Слухи о преобразовании министерства путей сообщения // Биржевые ведомости. 29 декабря 1894 г.

начале января 1895 г. внутриэлитные дискуссии о возможных кандидатурах на пост нового главы Министерства путей сообщений. Витте позднее писал, что первой идеей Николая II после отставки Кривошеина было назначить председателя Русского технического общества М.И. Кази новым министром, этому весьма способствовал великий князь Александр Михайлович; был даже подготовлен проект указа, который император зачитал Витте⁴⁷⁰. Министр финансов в свойственной ему манере писал о том, что именно он отговорил императора от этого решения, однако на его предложение о назначении Иващенко Николай II ответил отказом и тогда Витте рекомендовал князя Хилкова, который в итоге и был назначен министром⁴⁷¹. 27 декабря Половцов записал в дневнике свой разговор с Витте, в котором обсуждались четыре основные кандидатуры на замещение вакантного министерского поста: Куломзин, Хилков, Кази и Иващенко. По словам Половцова, Витте назвал Хилкова «недурным, но посредственным человеком» и просил «замолвить слово» за Иващенко⁴⁷². Подобную просьбу Витте повторил и 3 января, за день до назначения Хилкова⁴⁷³, что по мнению Д.А. Андреева является доказательством того, что окончательное решение о назначении Хилкова было принято без участия министра финансов⁴⁷⁴. Ряд исследователей, например, О.Ю. Голечкова, считали маловероятной версию Витте о его собственном влиянии на это назначение и отдавали предпочтение версии о воздействии Марии Феодоровны⁴⁷⁵. 2 января Половцов записал слова Лобанова-Ростовского, который уверял, «что назначение Хилкова можно считать делом оконченным» из-за поддержки вдовствующей императрицей его кандидатуры⁴⁷⁶. Даже сам Витте подтверждал заинтересованность Марии Феодоровны в назначении Хилкова новым руководителем МПС⁴⁷⁷. Главная заслуга в первом кадровом решении Николая II в

⁴⁷⁰ Витте С.Ю. Указ. соч. С. 366.

⁴⁷¹ Там же. С. 367–368.

⁴⁷² Половцов А.А. Указ. соч. С. 119.

⁴⁷³ Там же. С. 124.

⁴⁷⁴ Андреев Д.А. Самодержавие на переломе: 1894 год в истории династии и власти. С. 164.

⁴⁷⁵ Голечкова О.Ю. Указ. соч. С. 69.

⁴⁷⁶ Половцов А.А. Указ. соч. С. 124.

⁴⁷⁷ Витте С.Ю. Указ. соч. С. 370.

основном принадлежала вдовствующей императрице, чье мнение возобладало над попытками других влияний на царя⁴⁷⁸. Кроме того, стилистика принятия решения о назначении Хилкова представляла собой «сложное сочетание волевых импульсов с четким осознанием желаемого конкретного результата», «допускала внешние влияния, эффективность которых возрастала по мере того, как реализация задуманного императором подходила к концу»⁴⁷⁹.

5 января, на следующий день после назначения Хилкова, в «Гражданине» было напечатано короткое новостное сообщение и анонсирована встреча нового министра с чинами Министерства путей сообщения⁴⁸⁰. В отличие от отставки Кривошеина, в этот раз «Гражданин» сразу же включился в информационную кампанию и опубликовал восторженный отклик на назначение князя Хилкова министром. Была подчеркнута схожесть жизненного пути князя с Витте. В рубрике «Дневник» князем Мещерским была напечатана заметка с эмоциональной реакцией на новое назначение⁴⁸¹. В заметке отмечалось, что «Петербург успокоился», т.к. в последние дни все городские разговоры были о новом министре: кандидатом называли генерал-лейтенанта П.Л. Лобко и назначение Хилкова стало неожиданностью даже для сотрудников Министерства путей сообщения. Был описан жизненный путь «князя-машиниста», который дважды, в Америке и России, прошел путь по иерархической лестнице от самых низших чинов, включая должность помощника кочегара. Автор подчеркнул, что «подобно своему коллеге, министру финансов» Витте, князь Хилков доказал, что «терпение, настойчивость и труд все преодолевают».

В «Новом времени» вышла статья под названием «Новый министр»⁴⁸². В материале была приведена биография князя М.И. Хилкова. Был отмечен богатый опыт нового управляющего Министерством путей сообщения в железнодорожной

⁴⁷⁸ Андреев Д.А. Самодержавие на переломе: 1894 год в истории династии и власти. С. 166.

⁴⁷⁹ Андреев Д.А. Самодержавие и борьба в правительственных верхах в 1894–1904 гг. С. 215.

⁴⁸⁰ Управляющим министерством... // Гражданин. 5 января 1895 г.

⁴⁸¹ Дневник // Гражданин. 5 января 1895 г.

⁴⁸² Новый министр // Новое время. 5 января 1895 г.

отрасли, в частности участие в строительстве трансатлантической железной дороги в Южной Америке, работа «слесарем на паровозном заводе в Ливерпуле», служба «начальником тракции» на Курско-Киевской железной дороге. Кроме того, был отмечен большой вклад Хилкова в обеспечение санитарными поездами русских войск в турецкую кампанию и строительство железнодорожной сети в Средней Азии. Хилков, бывший, помимо этого, министром путей сообщения Болгарии, начальником ряда железных дорог России и, наконец, главным инспектором железных дорог империи, по мнению газеты, являлся тем руководителем, который был необходим Министерству путей сообщения. «Новое время» отмечало, что везде князь Хилков «составил себе репутацию человека твердого, настойчивого и быстрого в решениях и отменного джентльмена в отношениях к подчиненным».

«Русские ведомости» опубликовали короткое телеграфное сообщение о состоявшемся назначении⁴⁸³.

6 января в «Гражданине»⁴⁸⁴ и «Новом времени»⁴⁸⁵ был опубликован текст именного высочайшего указа о назначении Хилкова, в «Русских ведомостях» он был опубликован 7 января⁴⁸⁶.

«Новое время» в короткой заметке под названием «Маленькая хроника»⁴⁸⁷ сравнило Хилкова с последними министрами финансов и отметило при этих назначениях общую роль их личных качеств, а не бюрократических процедур. Газета отметила, что еще в царствование Александра III ряд министров был назначен «вне обычной бюрократической процедуры» (например, Бунге, Вышнеградский и Витте) и назначение Хилкова вполне отвечало этой тенденции. «Новое время» отметило все вехи биографии нового министра, вспоминая и заграничный ее этап, и работу на самых простых должностях. Газета противопоставила жизненный путь Хилкова «карьеризму», или «способности так

⁴⁸³ Телеграфические известия // Русские ведомости. 5 января 1895 г.

⁴⁸⁴ Правительственные известия // Гражданин. 6 января 1895 г.

⁴⁸⁵ Утренняя почта // Новое время. 6 января 1895 г.

⁴⁸⁶ Официальный отдел // Русские ведомости. 7 января 1895 г.

⁴⁸⁷ Маленькая хроника // Новое время. 6 января 1895 г.

или иначе примазаться к делу». «Новое время» высоко оценило деятельность «даровитого и энергичного» Хилкова, назвав его «self-made man», т.е. «человеком, который сам себя сделал».

«Биржевые ведомости» опубликовали редакционную статью «Новый управляющий министерством путей сообщения»⁴⁸⁸ с подробной биографией нового министра, сравнили его с Витте и не забыли раскритиковать предыдущую деятельность Министерства путей сообщения. Газета отметила, что ни одно из предположений по поводу кандидатуры нового министра и реорганизации самого министерства не оправдалось. Выбор «пал на деятеля-практика, на человека труда и энергии», чей жизненный путь похож на «нашего талантливое министра финансов» Витте. «Биржевые ведомости» обратили внимание на «редкую практическую подготовку» Хилкова и значимость этого для «упорядочения» министерства, чья деятельность в течение многих лет представляла собой «сплошной ряд неудач». Газета, тем не менее, снова отметила вклад Витте, «талантливое практика железнодорожного дела», хотя и посетовала, что его «знание и энергия» быстро потребовались на другом, «более ответственном» посту. В заключение «Биржевые ведомости» выразили надежду, что «трудовое прошлое» князя Хилкова позволит ему блестяще справиться с поставленными перед ним задачами. В заметке «Новое назначение» «Биржевые ведомости» опубликовали подробную биографию нового министра путей сообщения⁴⁸⁹.

«Русские ведомости» цитировали материал «Гражданина» о слухах по поводу назначения генерала Лобко министром путей сообщения. Из «Нового времени» была перепечатана подробная биография князя Хилкова⁴⁹⁰.

7 января «Новое время» продолжило мысль о роли личных качеств при назначениях министров и в рубрике «Среди газет и журналов» процитировало высказанные «Новостями» в связи с назначением Хилкова и другими подобными

⁴⁸⁸ Новый управляющий министерством путей сообщения // Биржевые ведомости. 6 января 1895 г.

⁴⁸⁹ Новое назначение // Биржевые ведомости. 6 января 1895 г.

⁴⁹⁰ Телеграфические известия // Русские ведомости. 6 января 1895 г.

назначениями надежды на то, что в будущем «значение чинов у нас будет все более уменьшаться»⁴⁹¹.

8 января «Московские ведомости» опубликовали короткую телеграмму с сообщением о представлении чинов министерства новому управляющему⁴⁹². Это стало единственной реакцией московской газеты на назначение Хилкова министром путей сообщения. Подобный материал в этот день вышел и у «Биржевых ведомостей»⁴⁹³.

9 января «Биржевые ведомости»⁴⁹⁴ и «Русские ведомости»⁴⁹⁵ опубликовали краткую речь Хилкова перед чинами Министерства путей сообщения.

«Вестник Европы» в февральском номере кратко отреагировал на перемены в Министерстве путей сообщения. Журнал отметил биографию нового министра и то, что он «принес с собой такой запас личного непосредственного опыта, которым не располагал ни один из его предшественников». Кроме того, журнал подчеркнул, что «за редкими исключениями» ни один из прежних министров не был так подготовлен «к своим специальным обязанностям»⁴⁹⁶. Вообще, переписка Стасюлевича с Соболевским показывает, что тема перемен в управлении МПС не особо волновала главного редактора журнала: «По-прежнему все врут, так что и сам зачастую, передавая что-нибудь, не знаешь, врешь ли ты, или правду говоришь. Пока из всего вранья оправдалось то, что говорили о Кривошеине, которому в день его тезоименитства статс-секретарь Ренненкампф возвестил о пользе подать в отставку»⁴⁹⁷.

⁴⁹¹ Среди газет и журналов // Новое время. 7 января 1895 г.

⁴⁹² Телеграммы // Московские ведомости. 8 января 1895 г.

⁴⁹³ О чем говорят и пишут // Биржевые ведомости. 8 января 1895 г.

⁴⁹⁴ Хроника // Биржевые ведомости. 9 января 1895 г.

⁴⁹⁵ Внутренние известия // Русские ведомости. 9 января 1895 г.

⁴⁹⁶ Внутреннее обозрение // Вестник Европы. Февраль 1895 г., Т. I., С. 874–875.

⁴⁹⁷ М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. V. С. 446.

2.2. Отставка И.Н. Дурново и назначение И.Л. Горемыкина

В системе управления Российской империи рубежа XIX–XX вв. Министерство внутренних дел занимало одно из самых важных мест. Фактическое отсутствие как объединенного правительства, так и поста премьер-министра делало лицо, управлявшее МВД, ключевым в бюрократической иерархии⁴⁹⁸. Тем не менее, 1890-е гг. прошли под знаменем отсутствия единой и четкой внутривластной программы у страны, а также возросшей субъектности Министерства финансов. В рассматриваемый период в управлении МВД произошло два значимых изменения: отставка И.Н. Дурново и назначение И.Л. Горемыкина новым министром в первый год царствования Николая II (15 октября 1895 г.); отставка И.Л. Горемыкина и назначение Д.С. Сипягина (20 октября 1899 г.), ознаменовавшие собой конец условно первого периода царствования последнего императора и изменение внутривластного курса.

Освещение в прессе указанных событий существенно отличалось от освещения остальных внутривластных процессов, здесь ярче проявились идейные разногласия и отличающиеся друг от друга методы ведения информационных кампаний.

И.Н. Дурново был отправлен в отставку с поста министра внутренних дел 15 октября 1895 г. Решение назревало давно, Дурново не пользовался поддержкой среди высшей бюрократии и общественности. Гурко называл его министром, «унаследованным от прошлого царствования»⁴⁹⁹. Половцов писал о Дурново как о «наиболее всех презираемом, подбострастном, преследующим только мелкие себялюбивые интересы» человеке⁵⁰⁰. Стремительный закат карьеры министра ускорился после дела Кривошеина, в котором принимали участие Витте и министр юстиции Муравьев, стремившиеся подорвать влияние министра внутренних дел.

⁴⁹⁸ Власть и реформы. От самодержавной к советской России. С. 406.

⁴⁹⁹ Гурко В.И. Указ. соч. С. 8.

⁵⁰⁰ Половцов А.А. Указ. соч. С. 175.

Богданович в своем дневнике приводила слова Куломзина, обвинившего Дурново в коррупции при назначении Кривошеина министром путей сообщения (100 тыс. рублей за место)⁵⁰¹. Отношение Николая II к министру было противоречивым: Витте писал о некоем «недоверии», будто бы исходившем от кругов, близким Марии Феодоровне⁵⁰², а сам Николай в дневниках никак не характеризовал произошедшую отставку и личность Дурново. Однако и у царя были основания для формальной отставки министра, который 12 ноября 1894 г. не обеспечил должного порядка проведения встречи дворянства с царем⁵⁰³; подобное повторилось во время приема депутации земств 17 января 1895 г. (где была произнесена знаменитая фраза о «бессмысленных мечтаниях»). Несмотря на попытки Витте убрать Дурново в собственных интересах, большую роль в тех событиях сыграл Победоносцев, который, предположительно, способствовал назначению на освободившийся пост министра внутренних дел Горемыкина⁵⁰⁴. Куломзин считал, что Горемыкин являлся давним протеже Победоносцева: последний помог ему стать товарищем министра юстиции Н.А. Манасеина, а затем товарищем министра внутренних дел Дурново (против его воли)⁵⁰⁵. Между Дурново и Победоносцевым не было единства во взглядах; в их взаимоотношениях проявилась ожесточенная борьба за влияние на царя и определение внутренней политики⁵⁰⁶. Кандидатуры, предложенные Дурново (государственный секретарь В.К. Плеве и Д.С. Сипягин), не были одобрены царем после возражений Победоносцева⁵⁰⁷.

17 октября в печати появились первые сообщения о переменах в управлении Министерством внутренних дел. Освещение отставки Дурново и назначения Горемыкина началось спустя два дня после произошедшего события. «Московские ведомости» ограничились коротким информационным сообщением: «Статс-

⁵⁰¹ Богданович А.В. Указ. соч. С. 178.

⁵⁰² Витте С.Ю. Указ. соч. С. 374–375.

⁵⁰³ Андреев Д.А. Самодержавие и борьба в правительственных верхах в 1894–1904 гг. С. 165–166.

⁵⁰⁴ Витте С.Ю. Указ. соч. С. 378.

⁵⁰⁵ Куломзин А.Н. Указ. соч. С. 554.

⁵⁰⁶ Кризис самодержавия в России. 1895–1917. С. 28.

⁵⁰⁷ Куломзин А.Н. Указ. соч. С. 554.

секретарь Дурново назначен председателем Комитета министров с увольнением от должности министра внутренних дел и с оставлением во всех прочих должностях и званиях. Товарищ министра внутренних дел Горемыкин назначен управляющим министерством внутренних дел»⁵⁰⁸.

Остальные газеты, помимо публикации телеграмм и указов, посвятили переменам в МВД первые аналитические статьи. «Гражданин», отметив стремление власти не акцентировать внимание на этом событии, написал выдержанную статью, проводя преемственность от Толстого и Дурново к Горемыкину и признав невозможность какой-либо корректировки внутренней политики. «Гражданин»⁵⁰⁹ и «Новое время»⁵¹⁰ на первых страницах поместили полный текст высочайшего приказа о новых назначениях. На третьей странице «Гражданина», в рубрике «Дневник», была напечатана небольшая заметка, посвященная этим событиям⁵¹¹. Отметив стремление правительства оставить эту новость незамеченной, «Гражданин» иронизировал: «Сегодня, на маленьком листочке прибавления к „Правит[ельственному] Вестнику“ весьма маленьким шрифтом возведено было весьма большое политическое событие». Газета отметила, что выбор Александром III Дурново шесть лет назад был обусловлен совместной с графом Толстым работой в Министерстве внутренних дел. На министра возлагались надежды «приведения русской внутренней жизни ... в порядок на незыблемых основах самодержавного полновластия». «Гражданин» отметил, что все реформы, задуманные или начатые Толстым, были «приведены к осуществлению». Тем не менее, «трудная» работа подорвала здоровье Дурново, поэтому пришлось переместить его на «более легкую» должность председателя Комитета министров. Задачей Горемыкина «Гражданин» видел продолжение начинаний Дурново: как тот являлся «исполнителем манифеста 27 апреля 1881 года», так этот – исполнителем «манифеста 20 октября 1894 года». В заключение,

⁵⁰⁸ Телеграммы // Московские ведомости. 17 октября 1895 г.

⁵⁰⁹ Именные высочайшие указы // Гражданин. 17 октября 1895 г.

⁵¹⁰ Именные высочайшие указы... // Новое время. 17 октября 1895 г.

⁵¹¹ Дневник // Гражданин. 17 октября 1895 г.

отметив положительные качества нового министра, «Гражданин» подверг сомнению любые мысли о возможных изменениях внутреннего курса, подчеркнув, что «главным условием» для будущего России будет являться «неприкосновенность решительно во всем <...> созидательной и укрепительной работы власти». К теме перемен в Министерстве внутренних дел «Гражданин» снова вернулся лишь 22 октября.

Довольно критически была выдержана редакционная статья «Нового времени» под названием «Важная перемена»⁵¹². «Новое время» скептически оценило деятельность Дурново, отметило его стремление ограничить права земств и сословий. В связи с назначением Горемыкина «Новое время» выразило надежду на решение крестьянского вопроса; подчеркнуло личные качества нового министра. Газета отметила, что отставка Дурново была предreshена давно, кандидатов в преемники называли много, имя Горемыкина «по времени явилось одним из последних». «Новое время» написало о важности Министерства внутренних дел, отметив, что оно «не только ведало, но – до известной степени – и делало внутреннюю политику». Государственные, общественные и бытовые интересы соприкасались с «кругом ведомства этого министерства», которое газета назвала «барометром внутренней политики». «Новое время» хотя и отказалось «распространяться» о деятельности Дурново, критически оценило ряд вех в истории МВД под его руководством. Отметив «ни блестящие, ни особо успешные» результаты борьбы с неурожаем 1891 г. и холерной эпидемией последующих лет, «Новое время» написало о «недочетах» в центральных и местных органах министерства. Задачи, доставшиеся Дурново от его предшественника, как введение в действие положения о земских начальниках и преобразование местных общественных управлений, как отметила газета, не встретили «оппозиции», но «не могли встретить и поддержки» у общества, что привело к осуществлению этих реформ «исключительно силами местной губернской администрации», которая «не везде оказалась на должной высоте». «Новое время» видело стремление МВД

⁵¹² Важная перемена // Новое время. 17 октября 1895 г.

подчинить «всесословно-земское» начало «сословно-бюрократическому». Тем не менее, газета подчеркнула «мягкий и умеренный» характер деятельности министерства, связав эти «симпатичные черты» именно с личностью министра Дурново. Преемника Горемыкина «Новое время» назвало человеком «высокой честности» и «твердых убеждений», «строгим законником». Был отмечен его широкий практический опыт, особенно в решении крестьянского вопроса. Посчитав невозможным «пускаться в догадки» о характере предстоящей деятельности Горемыкина, «Новое время» отметило, что ни одна из «партий» не могла считать его «своим», что, безусловно, по мнению газеты, могло способствовать в будущем «беспристрастию и справедливости» со стороны министра.

«Биржевые ведомости» так же, как и «Гражданин» назвали Дурново продолжателем Толстого, однако большую часть редакционной статьи «Новые назначения»⁵¹³ посвятили Горемыкину, отметив его богатый послужной список и выразив уверенность в скорейшем разрешении крестьянского вопроса и реформе судебной системы. Очевидно, газета надеялась на решение этих вопросов не в том ключе, в котором они решались при последних министрах внутренних дел. Коротко отметив, что назначение бывшего министра Дурново председателем Комитета министров являлось продолжением уже устоявшейся практики (например, в случаях с бывшими министрами финансов М.Х. Рейтерном и Н.Х. Бунге), газета подчеркнула, что Дурново был «преемником и непосредственным продолжателем» политики Толстого. Среди основных вех его деятельности были отмечены земское и городское положения и введение института земских начальников. Не остановившись на итогах деятельности Дурново подробно, «Биржевые ведомости» перешли к Горемыкину, назвали его одним из «лучших знатоков крестьянских дел». Перечислив послужной список, связанный с межевыми вопросами, «Биржевые ведомости» написали о «знаменательном значении» нового назначения ввиду планов начать под председательством

⁵¹³ Новые назначения // Биржевые ведомости. 17 октября 1895 г.

министра внутренних дел работу особой комиссии по пересмотру законодательства о крестьянах. Глубокое знание Горемыкиным юридической и бытовой стороны крестьянского вопроса, по мнению газеты, давало надежду, что «недостатки и пробелы» законодательства будут исправлены, «не нарушая общего духа великой реформы 19 февраля 1861 г.» и в соответствии с «изменившимися условиями жизни». Кроме того, «Биржевые ведомости» выразили надежду на продолжение участия Горемыкина в работе комиссии по пересмотру судебных уставов ради изменения этой реформы «в духе, ясно подсказанном уже жизнью».

«Русские ведомости» опубликовали короткую заметку, где так же, как и другие газеты, отметили, что Горемыкин «получил известность знатока законодательства о крестьянах»⁵¹⁴. Кроме того, было отмечено его знакомство с «межевой частью».

18 октября «Московские ведомости»⁵¹⁵ и «Русские ведомости»⁵¹⁶ опубликовали текст высочайшего приказа о новых назначениях.

«Биржевые ведомости» и «Русские ведомости» положительно отреагировали на выдержанную в либеральном тоне вчерашнюю статью «Нового времени», еще раз подчеркнув свои надежды на решение крестьянского вопроса при Горемыкине. «Биржевые ведомости» в рубрике «О чем говорят и пишут» разобрали наиболее интересные для редакции публикации петербургской печати⁵¹⁷. В первую очередь, газета активно цитировала вчерашнюю статью «Нового времени», сделав акцент на основных положениях этого материала. Говоря о позиции «Новостей», газета отметила, что Горемыкин «всюду проявлял глубокое знание дела, стойкость убеждений и чрезвычайную энергию». Снова была отмечена «разнообразная юридическая и административная деятельность», особенно по крестьянскому вопросу. «Сын отечества» ограничился общими словами и пожеланиями «как можно более успехов и как можно меньше трудностей».

⁵¹⁴ Телеграф сообщает... // Русские ведомости. 17 октября 1895 г.

⁵¹⁵ Постановления и распоряжения правительства // Московские ведомости. 18 октября 1895 г.

⁵¹⁶ Официальный отдел // Русские ведомости. 18 октября 1895 г.

⁵¹⁷ О чем говорят и пишут // Биржевые ведомости. 18 октября 1895 г.

«Русские ведомости» привели короткие выдержки из «Нового времени», «Новостей», «Биржевых ведомостей» и «Гражданина», рассмотренные выше⁵¹⁸. Кроме того, были опубликованы цитаты из газеты «Свет», где отмечалась долгая служба Горемыкина в министерстве юстиции.

19 октября, спустя четыре дня после отставки Дурново, «Московские ведомости» наконец отметили состоявшиеся «важные перемены в высшем управлении» выходом редакционной статьи «Новый министр внутренних дел»⁵¹⁹. Газета сфокусировала внимание на новой должности Дурново в Комитете министров, но косвенно отметила его сократившуюся сферу ответственности. В публичном представлении Горемыкина газета (так же, как и «Новое время» 17 октября) обратила внимание на приоритет законнического, правового подхода в решении стоящих перед страной внутренних вопросов. В редакционной статье «Московские ведомости» в первом абзаце сообщили основные события: «достойный преемник графа Д.Н. Толстого ... И.Н. Дурново назначен на место покойного Н.Х. Бунге председателем Комитета министров», на «многотрудный пост» министра внутренних дел назначен Горемыкин. Был сделан акцент на новом назначении Дурново, а не на его отставке. Хотя газета упомянула некие слухи, согласно которым Дурново, «утомленный шестилетним несением тяготы сложнейшего из министерств наших», будто бы намеревался оставить Министерство внутренних дел, она подводит этим пассажем к мысли о том, что пост председателя Комитета министров не будет представлять «столь истощающей работы» и сохранит для пользы высшего управления «драгоценную опытность И.Н. Дурново и его испытанную преданность идеям славного царствования императора Александра Александровича». Отметив прежние заслуги министра, газета выразила уверенность, что на новом посту «он лишь получит еще более широкое поприще для осуществления высочайшей воли», указавшей России «свято следовать заветам великого царствования — умиротворения и устроения земли

⁵¹⁸ Телеграфические известия // Русские ведомости. 18 октября 1895 г.

⁵¹⁹ Новый министр внутренних дел // Московские ведомости. 19 октября 1895 г.

русской». Далее «Московские ведомости» перешли к Горемыкину. Газета отметила, что он «уже давно пользовался почетной известностью во многоразличных отраслях государственного управления». В подтверждение этого значительная часть статьи была посвящена подробной биографии нового министра. Жизненный путь Горемыкина газета назвала «административно-юридическим», показывая его «многостороннюю опытность». «Московские ведомости» выразили надежду, что Горемыкин «явится достойным исполнителем высоких предназначений» Николая II. В целом, в данных размышлениях видны ожидания от нового министра внутренних дел – выполнять те задачи, которые будет ставить император, и не увеличивать собственную политическую субъектность.

«Новое время» в статье «Крестьянское дело» подробно проанализировало крестьянский вопрос и снова выразило уверенность в способности Горемыкина разрешить его. Не затронув изменения в Министерстве внутренних дел, газета подробно рассмотрела состояние российской деревни и пришла к выводу о «громоздкости» существующего законодательства о крестьянах, дающего возможность широкому произволу на местах⁵²⁰. Газета выразила уверенность, что решение о проведении в ближайшие годы переписи населения «усугубит внимание правительства к крестьянскому делу». Публикацией данного материала «Новое время» отразило основное ожидание от нового министра внутренних дел – решение крестьянского вопроса.

«Биржевые ведомости» раскритиковали широкую сферу ответственности МВД и предложили сократить ее. Тем не менее, газета выразила надежду на некоторую либерализацию общественной жизни при Горемыкине. Г.К. Градовский в рубрике «Дневник», рефлексирова по поводу нового назначения Горемыкина, обратился к вопросу о задачах Министерства внутренних дел⁵²¹. Отметив, что именно «хорошее положение» внутренних дел являлось залогом «внешнего

⁵²⁰ Крестьянское дело // Новое время. 19 октября 1895 г.

⁵²¹ Дневник // Биржевые ведомости. 19 октября 1895 г.

могущества», он подчеркнул, что «внутренние дела» в широком понимании входили в деятельность различных профильных министерств, от просвещения до сельского хозяйства. Задачи МВД исходя из этого определялись «удобством, выгодами и возможностью сосредоточения тех или других предметов ведения в одном центральном учреждении», то есть были сосредоточены в вопросах «благоустройства и благочиния, поддержания внутреннего порядка и спокойствия». Градовский отметил, что до реформ 60-х гг. в России не существовало внутреннего порядка, несмотря на ряд мер, принимавшихся правительством; от этого задачи МВД были достаточно узкими. С проведением реформ эти задачи «усложнились и расширились». Обеспечение порядка и законности теперь стало необходимо не само по себе, а, по его мнению, для обеспечения «законной свободы личности и, возможно, более оживленной общественной деятельности». «Биржевые ведомости» выразили сожаление, что профиль министерства не был сокращен, а, напротив, расширен; раскритиковали включение в МВД почты, телеграфа и пенитенциарной системы. С точки зрения Градовского это привело в последние годы к катастрофическим последствиям, например, к регулярному голоду в отдельных губерниях. В заключение автор пожелал «полного и плодотворного успеха» новому министру в его «многотрудном призвании».

«Русские ведомости» подхватили подобную идейную линию и выразили надежду, что новый министр осуществит некоторые преобразования, направленные на смягчение бюрократического влияния на общество, решение крестьянского вопроса и преобразование местного управления. Газета посвятила переменам в Министерстве внутренних дел редакционную статью⁵²². «Русские ведомости» так же назвали Дурново продолжателем программы Толстого, отметили проведенную реформу местного управления, в частности положение о земских участковых начальниках, положение о земских учреждениях и городское положение. Газета написала об «ограничении самостоятельности земств» и

⁵²² Москва, 19 октября // Русские ведомости. 19 октября 1895 г.

городских общественных учреждений. Был подчеркнут проявившийся в результате контрреформ «перевес в местном управлении бюрократического начала над общественным». Газета выразила предположение, что Горемыкину придется «опять заняться преобразовательной работой». В качестве первоочередной задачи нового министра газета назвала пересмотр законодательства о крестьянском общественном управлении. Был отмечен широкий опыт, приобретенный Горемыкиным в судебных комиссиях. «Русские ведомости» отметили, что успешная реформа местного управления будет возможной лишь при соблюдении «строгой законности» и при наличии у МВД цели «содействовать развитию общественной самодеятельности». В том же номере подробно разбираются вчерашние статьи «Нового времени», «Новостей» и «Биржевых ведомостей»⁵²³.

20 октября, несмотря на фактическую опалу Дурново, «Новое время» подчеркнуло положительные черты его отношения к управлению министерством, напечатав подробный материал, иллюстрирующий сцену прощания бывшего министра с кадровым составом Министерства внутренних дел⁵²⁴.

21 октября «Московские ведомости»⁵²⁵ и «Русские ведомости»⁵²⁶ со ссылкой на «Правительственный вестник» в разделе телеграмм опубликовали аналогичные по содержанию заметки.

22 октября «Гражданин» перепечатал выдержки из польской петербургской газеты Kraj, где отмечались качества Горемыкина, такие как честность и легизм⁵²⁷. Был подчеркнут практически десятилетний период служебной карьеры Горемыкина, прошедший в Варшаве.

23 октября в «Московских ведомостях» была опубликована редакционная статья «К задачам внутреннего управления»⁵²⁸. Газета заострила внимание на крестьянском вопросе, выразила уверенность в его решении в консервативном

⁵²³ Назначение... // Русские ведомости. 19 октября 1895 г.

⁵²⁴ Сегодня, в час дня... // Новое время. 20 октября 1895 г.

⁵²⁵ Телеграммы // Московские ведомости. 21 октября 1895 г.

⁵²⁶ Телеграфические известия // Русские ведомости. 21 октября 1895 г.

⁵²⁷ Наша печать // Гражданин. 22 октября 1895 г.

⁵²⁸ К задачам внутреннего управления // Московские ведомости. 24 октября 1895 г.

ключе. Материал, прямо не касаясь состоявшихся перемен в МВД, был посвящен устройству быта крестьян, «одному из важнейших вопросов», который, как писала газета, «особенно близко» был знаком новому министру Горемыкину. Авторы статьи рассуждали о крестьянской реформе 1861 г. и трудностях, последовавших за ней. Царствование Александра III, по их словам, «наметило путь действий» по преодолению негативных последствий освобождения крестьян. Важнейшей задачей внутреннего управления на ближайшее время газета назвала продолжение «начатого дела». Однако косвенно «Московские ведомости» говорили о том, что в царствование Александра III министерством внутренних дел было сделано недостаточно в решении крестьянского вопроса – назначение Горемыкина «заставляло надеяться», что Россия приступит «к действию с программой определенной и обдуманной». «Продолжение начатого дела» и надежда на определенный и обдуманный план действий представляли собой вещи различного порядка. «Московские ведомости» выразили надежду, что опыт Горемыкина «по устройству крестьян привислинских» и по наблюдению за общими крестьянскими учреждениями поможет ему решить крестьянский вопрос без «тенденциозных увлечений».

«Вестник Европы» в ноябрьском номере 1895 г. посвятил первую часть блока «Внутреннее обозрение» переменам в управлении Министерством внутренних дел⁵²⁹. Арсеньев подверг разгромной критике итоги деятельности Дурново на посту министра и общее состояние отдельных сторон внутренней жизни страны. Подчеркнув усилившуюся бюрократизацию жизни, журнал задался риторическим вопросом, имело ли смысл продолжение существования земств в текущих условиях. Стоит отметить, что вопросы земского управления в тексте «Вестника Европы» имеют гораздо большее значение, чем крестьянский вопрос, на который в основном обращали внимание остальные издания. Тем не менее, журнал отметил, что Горемыкин не имел никакого отношения к предыдущей деятельности Министерства внутренних дел, кроме того, большой и широкий опыт позволил бы

⁵²⁹ Внутреннее обозрение // Вестник Европы. Ноябрь 1895 г. Т. VI. С. 366–368.

ему разрешить важные для редакции вопросы внутренней жизни в ином ключе, чем при Дурново. Арсеньев отметил, что Дурново продолжил осуществление трех реформ, подготовленных Толстым, а именно судебно-административной, земской и городской. Кроме того, он продолжил работу над решением крестьянского вопроса. Журнал написал о «неуспехе» городской реформы и «несостоятельности избирательных порядков», которые в результате принятия городского положения 1892 г. привели к «монополизации избирательного права в руках небольшой группы», не всегда и не во всем «солидарной с интересами массы городского населения». «Вестник Европы» раскритиковал земское положение 1890 г. и законодательные акты, «вытесняющие» земства из «земского обложения», больниц и поставок продовольствия. Была отмечена участвовавшая практика «назначения целого состава управы» вместо утверждения избранных земством лиц. «Вестник Европы» указал, что в ближайшие годы предстояло решить вопрос либо об окончательном упразднении земства, либо о возвращении ему части утраченных в результате контрреформ полномочий. «Ненормальной» охарактеризовал журнал ситуацию в судебной системе, в частности, в волостной юстиции. Арсеньев отметил, что ни одно из начинаний МВД последних лет нельзя было назвать успешным, поэтому новому министру Горемыкину предстояло разрешить эти задачи. Отдельно было отмечено, что новый министр не принимал участия «ни в подготовке, ни в исполнении» законов последних лет, разобранных выше. Кроме того, он имел большой опыт решения вопросов, связанных с положением крестьян, земским делом и юстицией.

2.3. Смерть И.Д. Делянова и назначение Н.П. Боголепова

29 декабря 1897 г. скончался министр народного просвещения И.Д. Делянов, занимавший этот пост с 1882 г. Новым управляющим министерством 12 февраля 1898 г. был назначен Н.П. Боголепов. Деятельность Делянова вызывала неоднозначную оценку. Витте отмечал, что министр «никогда никаких резких вещей не делал, всегда лавировал, держась того направления, которое в то время

было преобладающим, а именно направления графа Дмитрия Толстого»⁵³⁰. Тем не менее, Делянов активно противостоял попыткам Победоносцева перевести народные школы в ведение Синода, а личные отношения двух бюрократов в середине 1890-х гг. были довольно напряженными⁵³¹.

В отличие от Делянова, новый министр Боголепов не пользовался сильной поддержкой императора и высшей бюрократии. Половцов отмечает, что его назначение стало возможным лишь благодаря стараниям великого князя Сергея Александровича⁵³². Действительно, в своем письме Николаю II, датированном 1 января 1898 г., Сергей Александрович напоминал о некоем «разговоре», имевшем место между ними, и подчеркивал «неотъемлемые познания» и «редкие качества» Боголепова – «монархический принцип, и твердость воли, и твердость принципов». Кроме того, Сергей Александрович подводил императора к мысли, что такое кадровое решение принял бы его отец⁵³³. В ряде других дневниковых записей великого князя и переписке с Николаем также отразилась глубокая заинтересованность Сергея Александровича в назначении Боголепова. В то же время Половцов иначе как «бездарностью» Боголепова не называл⁵³⁴. Подобная оценка содержалась и в дневниках Богданович, которая характеризовала Боголепова как «тугодума и туподума»⁵³⁵. Отношения между Витте и Боголеповым также были натянутыми, что, однако, не помешало министру финансов все более решительнее начать вторгаться в сферу компетенции Министерства народного просвещения⁵³⁶. Победоносцев в день назначения Боголепова написал императору объемное письмо, в котором высказал мягкое недовольство этим назначением и дал новому министру следующую характеристику: «Враждебных ему людей я не знаю: по-видимому, он не имеет ни врагов, ни близких друзей. Но вот, – вообще

⁵³⁰ Витте С.Ю. Указ. соч. С. 238.

⁵³¹ Андреев Д.А. Самодержавие и борьба в правительственных верхах в 1894–1904 гг. С. 332.

⁵³² Половцов А.А. Указ. соч. С. 242.

⁵³³ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1340. Л. 174–175 об. // Цит. по: Великая княгиня Елисавета Феодоровна и император Николай II. Документы и материалы (1884–1909 гг.). С. 412.

⁵³⁴ Половцов А.А. Указ. соч. С. 237.

⁵³⁵ Богданович А.В. Указ. соч. С. 224.

⁵³⁶ Андреев Д.А. Самодержавие и борьба в правительственных верхах в 1894–1904 гг. С. 383–384.

расположенные к нему, так говорят о нем: это прекрасный человек, добрый, русский человек, но узкого ума, без инициативы, но с упрямством, замкнутый в себе, не только не имеющий общения с людьми, но избегающий его. Прибавляют: жизни в нем мало, и он ничем не заявил себя». Обер-прокурор принял кадровое решение Николая II, но пытается повлиять на дальнейшее функционирование министерства: «Желательно было бы, чтоб он вступил в министерство, не делая на первое время ломки ни в людях, ни в порядках и дал бы себе время приглядеться к тем и другим. Казалось бы, что для него самого удобнее на первое время начать свою деятельность при прежнем товарище, который в последнее время Делянова вел все дела его. Но говорят, что он предполагает тотчас взять себе нового человека – и кто будет новый его товарищ – это очень важно для всего хода и направления дела»⁵³⁷.

28 декабря в «Гражданине» была опубликована серия материалов о Делянове⁵³⁸. В написанном 27 декабря, еще до кончины министра, «Дневнике» Делянов назывался «любимым из министров во всех слоях русского общества», «для всех доступным», «добрым и внимательным». В статье подчеркивалось, что все эти «редкие и дорогие» качества чрезвычайно ценились даже в «очень уж опошлившемся и „обеспреданившемся“» обществе. Непосредственно перед выходом в печать в день смерти Делянова в номер был добавлен «Дневник» от 29 декабря с обширным и эмоциональным некрологом в черной рамке на всю страницу газеты. В статье князь Мещерский назвал Делянова «последним николаевцем» и снова подчеркнул положительные качества покойного: доброту и честность, преданность престолу. Автор проиллюстрировал свою оценку несколькими эпизодами из жизни покойного министра, демонстрировавшими его широкие качества, способность прощать и принимать твердые решения, отстаивать свою точку зрения даже перед царем. Тем не менее, дальнейшего развития на

⁵³⁷ РГИА Ф. 1574. Оп. 1. Д. 16. Л. 8–9.

⁵³⁸ Дневник // Гражданин. 28 декабря 1897 г. С. 21.

страницах газеты линия, связанная со смертью министра народного просвещения, не получила.

29 декабря «Русские ведомости» опубликовали короткую телеграмму – «здоровье графа Делянова продолжает улучшаться»⁵³⁹.

30 декабря, на следующий день после смерти Делянова, на первой полосе «Московских ведомостей» была опубликована краткая телеграмма, сообщавшая о смерти министра Делянова⁵⁴⁰. В редакционной статье под названием «Граф И.Д. Делянов» газета подробно остановилась на жизни и деятельности покойного⁵⁴¹. «Московские ведомости» перевели фокус обсуждения с проблем собственно образования на русификаторскую политику империи и сравнение ее с пореформенной системой образования. В редакционной статье «Московские ведомости» назвали почившего Делянова «верным слугой русского царя», «человеком с истинно-русскими убеждениями», «одним из видных деятелей великой эпохи Александра III», «одним из надежнейших и опытнейших советников» Николая II. Вновь редакция обратилась к теме «страшной катастрофы» и «всеобщего хаоса ... 80-х гг.», от которых Россию смог «спасти» лишь «гений царя-самодержца». В таком контексте российское образование виделось редакции «главным центром ... атак» со стороны «вандализма самого дурного свойства» (по словам М.Н. Каткова, которого цитировала статья). По мнению газеты, идеологическое «спасение России» при Александре III и Николае II зависело от «спасения» школьного образования. Однако, говоря о результатах деятельности Делянова, «Московские ведомости» прежде всего написали не о школе, а о деле русификации образования в Российской империи. В заслугу Министерству народного просвещения было поставлено упрочение «господства русского языка» на «окраинах» империи, «торжество русскому языку» на западных и прибалтийских «окраинах». Необходимость такой политики

⁵³⁹ Телеграфические известия // Русские ведомости. 29 декабря 1897 г.

⁵⁴⁰ Телеграммы // Московские ведомости. 30 декабря 1897 г.

⁵⁴¹ Граф И.Д. Делянов // Московские ведомости. 30 декабря 1897 г.

обосновывалась «волей государя» и «жизненными интересами России». Главным итогом деятельности Делянова газета назвала «сохранение тех образовательных начал», которые были заложены еще предшественником Делянова графом Д.А. Толстым и которые «уцелели от вандализма 1880 г.».

«Новое время» в редакционной статье «Граф И.Д. Делянов»⁵⁴² подробно и комплементарно описало основные решения, принятые министром на своем посту. Сообщая о смерти министра народного просвещения, газета обратилась к его биографии и прежде всего отметила его связь с главным редактором «Московских ведомостей», М.Н. Катковым, с которым он учился вместе в Московском университете. Помимо вех служебной карьеры Делянова, газета отметила заслуги на посту министра: открытие университета в Томске и технологического института в Харькове, преобразование высших учебных заведений, издание нового университетского устава 1884 г., увеличение числа классических гимназий и реальных училищ, организация новых промышленных училищ. Было отмечено увеличение часов русского языка в гимназиях за счет сокращения программ древних языков. Особо была подчеркнута роль министра в открытии большого количества городских училищ, сельских и начальных школ. Кроме того, газета отметила развитие женского высшего образования, которое, несмотря на ряд закрытий в 1886 г., с 1899 г. «получило значительное развитие». В следующей заметке «Новое время» подробно описало последние часы графа Делянова перед кончиной и панихиды, привлёкшие большое количество именитых посетителей⁵⁴³.

«Биржевые ведомости» посвятили смерти Делянова большую редакционную статью «Закат и заря»⁵⁴⁴. В центре внимания журналистов оказалась не только перемена в управлении министерством, но и сам вопрос о состоянии образования в России. В целом видно положительное отношение редакции к Делянову, в его биографии газета стремилась найти «либеральные» эпизоды. «Биржевые

⁵⁴² Граф И.Д. Делянов // Новое время. 30 декабря 1897 г.

⁵⁴³ Вчера в 11 час. утра... // Новое время. 30 декабря 1897 г.

⁵⁴⁴ Закат и заря // Биржевые ведомости. 30 декабря 1897 г.

ведомости» отметили, что в своей деятельности Делянов «смягчал крайности» и в последние годы приступил «к подготовке постепенного поворота» в политике государства в сфере образования. Газета отметила, что вне зависимости от личности преемника Делянова, «сила вещей» могла привести министерство к переменам «в реформенном духе». Тем не менее, авторы признали нежелательной резкую ломку сложившейся системы образования и призвали к постепенным переменам, не уничтожающим то «позитивное», что было привнесено в годы контрреформ. Отдельно была отмечена забота Николая II, «прозорливого верховного вождя», о начальном образовании. В следующей статье «Граф И.Д. Делянов» была приведена подробная биография покойного⁵⁴⁵. Несмотря на ряд неоднозначных мер, вроде закрытия высших женских курсов, нового университетского устава, ограничения приема детей «из недостаточных классов населения» в средние учебные заведения или введение «процентного ограничения приема» в них евреев, газета высоко оценила деятельность Делянова, подчеркнув позитивную роль изменений в учебных программах гимназий и училищ, развитие технического и промышленного образования, увеличение числа грамотного населения. Кроме того, газета напомнила читателям об участии Делянова в подготовке предыдущего университетского устава при Александре II, когда он «прислал наиболее либеральный отзыв» на его проект. В разделе «Хроника» было напечатано подробное описание панихиды по Делянову⁵⁴⁶.

«Русские ведомости» так же склонны были считать итоги деятельности Делянова более позитивными, чем негативными. В подробной биографии скончавшегося министра народного просвещения⁵⁴⁷, «Русские ведомости» отметили, что «дело народного образования» за последние 15 лет «значительно подвинулось». Отсутствие «больших успехов» газета связала с «недостаточностью бюджета» министерства. «Русские ведомости» охарактеризовали Делянова как

⁵⁴⁵ Граф И.Д. Делянов // Биржевые ведомости. 30 декабря 1897 г.

⁵⁴⁶ Хроника // Биржевые ведомости. 30 декабря 1897 г.

⁵⁴⁷ Телеграф принес известие... // Русские ведомости. 30 декабря 1897 г.

одного из самых доступных министров, подчеркнули его «доброту и приветливость».

31 декабря «Русские ведомости» процитировали сообщение «Правительственного Вестника», в котором говорилось, что согласно последней воле покойного, на его похоронах не будет «дежурства чиновников» и венков⁵⁴⁸. В разделе «Внутренние известия» были подробно описаны последние часы Делянова перед смертью⁵⁴⁹.

После завершения большого числа информационных кампаний других периодических изданий «Московские ведомости» на протяжении нескольких дней публиковали материалы, посвященные памяти покойного министра. В освещении смерти Делянова «Московскими ведомостями» можно заметить подмену темы нерешенных проблем в образовании темой национальной политики России и симфонии светской и духовной властей в деле воспитания русского человека. Почивший министр представлялся исключительно в положительных красках, газета не сообщала ни одного критического факта из его многолетней министерской службы двум императорам. Возможно, это можно объяснить не только тактическими информационными задачами «Московских ведомостей», но и ролью бывшего редактора газеты М.Н. Каткова в назначении Делянова министром в 1882 г. и, соответственно, глубокой связью редакции с Министерством народного просвещения⁵⁵⁰.

1 января 1898 г. в «Московских ведомостях» вышла статья «Памяти графа И.Д. Делянова»⁵⁵¹. В ней кратко была представлена позиция ряда других печатных изданий по поводу смерти министра народного просвещения. Так, «Гражданин» отмечал, что Делянов – последний «уходящий с арены высших государственных лиц николаевец», то есть деятель, начавший свои труды еще при Николае I. «Русское слово» писало об «осторожности» министра в делах реформ и отметило

⁵⁴⁸ Телеграфические известия // Русские ведомости. 31 декабря 1897 г.

⁵⁴⁹ Внутренние известия // Русские ведомости. 31 декабря 1897 г.

⁵⁵⁰ Власть и реформы. От самодержавной к советской России. Т. 3. С. 382.

⁵⁵¹ Памяти графа И.Д. Делянова // Московские ведомости. 1 января 1898 г.

главную заслугу – то, что Делянов «приготовил широкое поле деятельности для своих преемников». Отсутствие реформ редакцией «Московских ведомостей» представлялось отнюдь не отрицательной характеристикой министра. В номере также вышла короткая заметка «Панихиды по графе И.Д. Делянове»⁵⁵².

2 января в разделе «Петербургские вести» вышла короткая заметка «У гроба графа Делянова», посвященная панихидам по покойному⁵⁵³.

3 января подобные заметки об отпевании и панихидах появились также в разделах «Телеграммы» и «Московская жизнь».

5 января в «Московских ведомостях» была опубликована небольшая заметка «Памяти гр. И.Д. Делянова» (письмо к издателю)⁵⁵⁴. В простой и доступной форме в заметке приводились две бытовые истории, связанные с покойным Деляновым. Покойный министр в этих историях представляется добрым и чутким к простому народу человеком.

Отдельно от всех информационных кампаний стоит отметить статью «Нового времени», опубликованную в тот же день. В объемном и обстоятельном материале под названием «Наши гимназии и граф Делянов»⁵⁵⁵ газета раскритиковала деятельность Толстого и отметила, что Делянов пытался исправить недостатки контрреформ, последовательно корректируя сложившуюся систему образования, но, тем не менее, не идя на радикальные шаги по либеральным изменениям. «Новое время» отметило, что «наследие» графа Толстого «было не из особенно приятных», «система была выкроена из чужого материала, по готовым шаблонам, не пришлась нам впору и потому прививалась туго». «Широкообразованный» и «гуманный» Делянов, по мнению газеты, «чувствовал несовершенство этой системы», однако вместо радикальной ее ломки «старался постепенно сгладить крайности толстовского (вернее – „катковского“) классицизма». В «Новом времени» подробно было рассмотрено осуществление

⁵⁵² Панихиды по графе И.Д. Делянове // Московские ведомости. 1 января 1898 г.

⁵⁵³ У гроба графа Делянова // Московские ведомости. 2 января 1898 г.

⁵⁵⁴ Памяти гр. И.Д. Делянова (письмо к издателю) // Московские ведомости. 5 января 1898 г.

⁵⁵⁵ Наши гимназии и граф Делянов // Новое время. 5 января 1898 г.

преобразований учебных программ в гимназиях под руководством князя Волконского. Кроме того, газета пристальное внимание сосредоточила на конкретных изменениях гимназических учебных программ, призванных сократить разрыв между гимназией и университетом. Тем не менее, было намечено «нарушение единства общего плана», «путаница в разграничении целей и средств». Решение оставшихся вопросов «Новое время» адресовало будущему преемнику Делянова.

11 января «Московскими ведомостями» в разделе «Дневник печати» была опубликована статья «Памяти гр. И.Д. Делянова»⁵⁵⁶. В статье была дана выдержка из «Церковных ведомостей», посвятивших материал бывшему министру народного просвещения. Печатный орган Синода отметил, что Министерство народного просвещения являлось «наиболее близким к ведомству православного исповедания», а Делянов был лицом, «искреннейше преданным» православной церкви. Газета отметила его личные качества и помощь церкви, поддержку церковно-приходской школы. В заслугу Делянову газета поставила начавшееся сближение церковно-приходских школ с начальными образовательными учреждениями министерства. Итогом деятельности Делянова «Церковные ведомости» видели «спасение» народной школы от «того губительного направления, какое приняла она на инославном Западе». Что подразумевалось под этим направлением, не уточнялось.

«Вестник Европы» в февральском номере подробно остановился на смерти Делянова и реакции общественности на перемены в Министерстве народного просвещения⁵⁵⁷. Журнал продолжил линию ряда изданий, вспомнив либеральное прошлое Делянова и отметив некоторые положительные итоги деятельности министра. Тем не менее, в журнале наиболее явно проявилась критика ситуации в сфере народного образования, иллюстрированная отдельными решениями Делянова. Журнал отметил, что в опубликованных к этому времени некрологах

⁵⁵⁶ Памяти гр. И.Д. Делянова // Московские ведомости. 11 января 1898 г.

⁵⁵⁷ Внутренние известия // Вестник Европы. Февраль 1898 г., Т. I. С. 813–816.

больше всего внимания было уделено периоду его управления министерством. Однако «Вестник Европы», так же, как и другие либеральные издания, обратил внимание на более ранний период жизни Делянова, накануне и в разгар великих реформ. Делянов тогда занимал пост попечителя Санкт-Петербургского учебного округа и, как отмечает журнал, под его покровительством происходили процессы создания и развития «студенческих корпораций». При первых признаках наступления реакции Делянов «удалился и был замещен» другими лицами. «Вестник Европы» также критически оценил реакцию остальной периодической печати на смерть министра, особенно уделив внимание «Московским ведомостям». Журнал процитировал статью «Московских ведомостей» от 30 декабря (разобрана в настоящей главе выше) практически целиком и назвал ее «нарушением исторической правды» и историей, «не имеющей ничего общего с настоящей». Журнал раскритиковал построчно каждый тезис «Московских ведомостей», которым, по мысли авторов, нужно было «написать панегирик государственному человеку, которого они считают своим» и «нанести еще один удар ненавистной „диктатуре сердца“». Помимо «Московских ведомостей», журнал подверг критике целый ряд неназванных изданий, которые в некрологах допустили «пробелы» и «недомолвки». «Вестник Европы», наглядно проиллюстрировав противоречивые решения покойного министра (как, например, закрытие и открытие женских курсов), пришел к выводу о том, что «для всесторонней оценки деятельности покойного, очевидно, далеко еще не настало время».

Через месяц в ряде периодических изданий был проведен ряд небольших кампаний по освещению назначения 12 февраля 1898 г. нового министра народного просвещения – Н.П. Боголепова. В этот день короткое новостное сообщение о состоявшемся назначении вышло в «Новом времени»⁵⁵⁸.

13 февраля «Московские ведомости» основной фокус своих материалов сместили на предыдущую профессорскую карьеру нового министра, подчеркнули

⁵⁵⁸ Сегодня // Новое время. 12 февраля 1898 г.

его профессиональные качества, которые, по мнению газеты, являлись необходимым условием успешной работы Боголепова на министерском посту.

В статье «Н.П. Боголепов (по поводу нового его назначения)»⁵⁵⁹ московская газета «с особенным сочувствием» приветствовала «достойного преемника» Делянова. Как и в случае с назначением Д.С. Сипягина на пост министра внутренних дел в 1899 г., в статье подчеркивалась связь нового министра народного просвещения с Москвой: отмечалась «многолетняя профессорская деятельность на кафедре», «административная служба в должности ректора» Императорского Московского университета и «в звании попечителя Московского учебного округа». Была напечатана обширная биография Боголепова. Интересно, что в статье говорилось о служении Боголепова делу именно образования, не употреблялись фразы о «служении царю», отсутствовала апологетика самодержавной системы. В том же номере вышла краткая историческая справка по всем министрам народного просвещения Российской империи под названием «Наши министры народного просвещения»⁵⁶⁰. В разделе «Телеграммы» было опубликовано сообщение Российского телеграфного агентства от 12 февраля: «Назначается попечитель Московского учебного округа тайный советник Н.П. Боголепов управляющим Министерством народного просвещения»⁵⁶¹. Такая же телеграмма была опубликована и в «Русских ведомостях»⁵⁶². «Новое время» опубликовало именной высочайший указ⁵⁶³ и подробную биографию нового министра⁵⁶⁴.

«Биржевые ведомости» рядом с портретом нового министра Боголепова на первой странице опубликовали статью «Новое назначение»⁵⁶⁵. Журналисты конкретизировали задачи, стоявшие перед министерством. От нового министра

⁵⁵⁹ Н.П. Боголепов (по поводу нового его назначения) // Московские ведомости. 13 февраля 1898 г.

⁵⁶⁰ Наши министры народного просвещения // Московские ведомости. 13 февраля 1898 г.

⁵⁶¹ Телеграммы // Московские ведомости. 13 февраля 1898 г.

⁵⁶² Телеграфические известия // Русские ведомости. 13 февраля 1898 г.

⁵⁶³ Именные высочайшие указы... // Новое время. 13 февраля 1898 г.

⁵⁶⁴ Н.П. Боголепов // Новое время. 13 февраля 1898 г.

⁵⁶⁵ Новое назначение // Биржевые ведомости. 13 февраля 1898 г.

ожидался творческий подход к решению стоящих перед системой образования задач, выражалась надежда на продолжение работы по ликвидации безграмотности и развитию технического образования. Газета отметила, что Министерство народного просвещения «как по своим задачам, так и по настоятельности их разрешения для общего развития России» являлось «едва ли не важнейшим». «Биржевые ведомости» отметили широкий круг задач, стоявших перед министерством. В первую очередь, это был вопрос всеобщего обучения и повышения уровня грамотности, что «могло избавить от тех тяжелых кризисов», с которыми сталкивается Россия. Министерству, по мнению газеты, стоило взять в свои руки «крестовый поход против безграмотности», который начала русская интеллигенция. Подробно остановившись на плюсах ликвидации безграмотности и определенных успехах в этом направлении, «Биржевые ведомости» обратили внимание на необходимости развития «промышленного и технического образования», призванного исправить ситуацию с проигрышем конкуренции иностранным компаниям из-за нехватки квалифицированных кадров. Газета отметила, что «ни одна отрасль министерства народного просвещения не могла похвалиться такой прочностью», которая позволила бы новому министру просто развивать начатое предшественником. «Биржевые ведомости» отметили, что в своей деятельности новый министр должен был проявить большую долю «творчества», наподобие того, что проявлял Делянов, принимая «постоянные поправки и частные реформы» на протяжении своего управления министерством. В разделе «Хроника» была опубликована подробная биография нового министра, отмечается его богатый научный и управленческий опыт⁵⁶⁶.

14 февраля в «Московских ведомостях» был опубликована телеграмма с приказом о назначении⁵⁶⁷. «Русские ведомости» опубликовали подробную биографию Боголепова⁵⁶⁸ и приказ о назначении⁵⁶⁹.

⁵⁶⁶ Хроника // Биржевые ведомости. 13 февраля 1898 г.

⁵⁶⁷ Высочайшие указы // Московские ведомости. 14 февраля 1898 г.

⁵⁶⁸ Назначенный на пост... // Русские ведомости. 14 февраля 1898 г.

⁵⁶⁹ Официальный отдел // Русские ведомости. 14 февраля 1898 г.

15 февраля в «Русских ведомостях» был опубликован высочайший указ правительствующему сенату⁵⁷⁰.

18 февраля в «Московских ведомостях» вышла редакционная статья под названием «Новый министр народного просвещения»⁵⁷¹. Основная идея данного материала заключалась в том, что дело российского образования передано человеку, практически знакомому с системой образования, «специальное дело поручено специалисту». Был отмечен личный опыт Боголепова, благодаря которому он не нуждался в «чужом руководительстве»; в том числе была подчеркнута его роль в развитии Московского университета. Задачей нового министра народного просвещения «Московские ведомости» видели «спокойную, но настойчивую» работу над «постоянным усовершенствованием» системы народного просвещения. Газета выразила уверенность в отсутствии необходимости «насильственной ломки существующих систем» и в постепенном устранении всех негативных проявлений в российском образовании.

19 февраля «Гражданин» посвятил назначению Боголепова большую заметку в рубрике «Дневник»⁵⁷². «Гражданин» раскритиковал восторженную реакцию прессы на назначение нового министра и отметил, что основной задачей Боголепова должно стать решение кадрового вопроса в школах. По всей видимости, министерству рекомендовалось более тщательно подходить к личным взглядам учителей, исключая из их числа либерально настроенных лиц. Газета отметила положительную реакцию всех периодических изданий на назначение нового министра. Автор подозревал, что этот «избыток газетных глагол» был вызван желаниями и надеждами, которые предъявлялись Боголепову. «Гражданин» высмеял увлечение прессы темой образования, особенно технического и научного, что, по мнению князя Мещерского, свидетельствовало об особом интересе русской интеллигенции к Министерству народного просвещения.

⁵⁷⁰ Именные высочайшие указы // Русские ведомости. 15 февраля 1898 г.

⁵⁷¹ Новый министр народного просвещения // Московские ведомости. 18 февраля 1898 г.

⁵⁷² Дневник // Гражданин. 19 февраля 1898 г. С. 22–23.

Надежды выражались довольно разные, от «ломки нашей гимназии» до «поголовного обучения народа», что привело к «странной популярности министра, не начавшего еще им быть». Газета задалась вопросом о сообразности этих ожиданий, о том, что «действительно нужно» и о том, «чего мы жаждем». Критикуя отдельные аспекты российского образования, «Гражданин» пришел к выводу, что основной проблемой, требовавшей немедленного разрешения, являлся вопрос кадров: «Паче всего нужно дать школе хороших людей для воспитательного дела, и дать школе средства воспитывать русских людей». Газета отметила, что русскую школу сделало «губительною» «ужасное по бессердечию, по мертвенности, по отсутствию русской жизни, сословие учителей-чиновников», которые нанесли России больше вреда, чем какой-либо ее враг.

«Вестник Европы» в мартовском номере подробно остановился на назначении Боголепова министром народного просвещения⁵⁷³. Журнал признал необходимость корректировки правительственного курса в сфере народного просвещения, выступил за либерализацию сферы образования и отмену многих ограничительных мер, принятых в период контрреформ. Как и в случае со смертью Делянова, журнал особое внимание уделил реакции «Московских ведомостей», цитируя их тезис о том, что «между предшественниками Н.П. Боголепова не было ни одного профессора». «Вестник Европы» подчеркнул, что предыдущая деятельность любого министра народного просвещения в сфере образования не всегда имела значение для его работы на министерской должности, проиллюстрировала это примерами французских и русских министров. Далее журнал отметил те аспекты народного образования, которые предстояло решить Боголепову, прежде всего, это касалось «открытия новых специальных школ и расширение существующих». Была выражена надежда на корректировку или пересмотр университетского устава 1884 г., реформу классической средней и начальной народной школ. Была раскритикована «целая сеть рестриктивных правил», которые не оставляли места для «личной и общественной инициативы» в

⁵⁷³ Внутренние известия // Вестник Европы. Март 1898 г. Т. II. С. 379–381.

деле народного просвещения. В заключение журнал иронично заметил, что «громадные результаты» могли бы быть достигнуты всего лишь «отменой устаревших запрещений».

2.4. Отставка И.Л. Горемыкина и назначение Д.С. Сипягина⁵⁷⁴

20 октября 1899 г. Николай II отправил в отставку И.Л. Горемыкина и подписал высочайший рескрипт о назначении Д.С. Сипягина министром внутренних дел. Отставка Горемыкина, так же, как и отставка Дурново пять лет назад, готовилась заранее и в глазах современников была очевидна уже в начале 1899 г.⁵⁷⁵. Горемыкину приписывали отстраненность от министерских дел и нежелание проявлять волю в решении актуальных вопросов внутренней политики. Исследователи отмечают фактический провал земской реформы и откладывание Горемыкиным решения вопроса о преобразовании хозяйственного управления в западных и окраинных губерниях⁵⁷⁶. Куломзин указывал на коррупционные схемы в деле народного просвещения и устройства начальных учебных заведений, в которых в 1894–1895 гг. косвенно был замешан Горемыкин, «увлекавшийся» идеей создания единой, принадлежащей только правительству школы⁵⁷⁷. В сфере просвещения имел интересы и Победоносцев, однако Горемыкин за годы своего министерства так и «не отблагодарил» его за помощь за назначение главой МВД передачей некоторых полномочий в этой сфере в духовное ведомство⁵⁷⁸.

Половцов отмечал, что Горемыкин был «беспрдельно ленивый, равнодушный, влюбленный в выгоды и удобства высокого положения»⁵⁷⁹. Гурко

⁵⁷⁴ При подготовке данного параграфа использована следующая работа автора: *Серопегин А.М.* Перемены в управлении МВД в 1899 г.: освещение в консервативной и либеральной периодике (по материалам «Московских ведомостей», «Гражданина», «Нового времени», «Биржевых ведомостей», «Русских ведомостей» и «Вестника Европы») // *Человеческий капитал.* 2025. № 8 (200). С. 45-54.

⁵⁷⁵ *Богданович А.В.* Указ. соч С. 228.

⁵⁷⁶ Кризис самодержавия в России. 1895–1917. С. 113.

⁵⁷⁷ *Куломзин А.Н.* Указ. соч. С. 555.

⁵⁷⁸ Там же. С. 786.

⁵⁷⁹ *Половцов А.А.* Указ. соч. С. 242.

писал о нежелании Горемыкина каким-либо образом способствовать решению крестьянского вопроса, ради которого, по мнению Гурко, он и был поставлен министром⁵⁸⁰. Действительно, Горемыкин в этом вопросе действовал чрезвычайно осторожно, занимался «приведением в систему» всех имевшихся юридических актов. В 1897 г. был издан «Свод заключений губернских совещаний по вопросам, относящимся к пересмотру законодательства о крестьянах». Годом позже вышел «Сборник постановлений, относящихся к гражданскому праву лиц сельского состояния». Горемыкин представлял данную работу как подготовительную, предварявшую составление нового положения о сельском состоянии⁵⁸¹. Однако ничего нового и конкретного предложено не было.

Кроме того, по словам Витте, Николай II находил Горемыкина «человеком чрезвычайно либеральным и недостаточно твердо проводящим консервативные, в дворянском духе, идеи»⁵⁸², хотя сам Витте считал курс Горемыкина достаточно реакционным⁵⁸³. Интересным и ярким эпизодом деятельности Министерства внутренних дел стал затяжной конфликт тверского губернатора П.Д. Ахлестышева с местным либерально настроенным земством. С одной стороны, в этом проявилась новая «мода на законность», но с другой, позиция, занятая Горемыкиным – отсутствие всякой поддержки губернатору и спровоцированная этим его отставка, – показали изменение «стилистики и приемов» внутренней политики по сравнению с царствованием Александра III⁵⁸⁴. Разгон студенческой демонстрации в Санкт-Петербурге зимой 1899 г. и последовавшая за ним публичная полемика Горемыкина и Витте, когда последний «ссадил» министра внутренних дел, предопределили решение императора о назначении нового главы МВД⁵⁸⁵. К тому же ко второй половине 1899 г. стали очевидны и коренные противоречия МВД Горемыкина и управляемого Витте Министерства финансов по земскому вопросу

⁵⁸⁰ Гурко В.И. Указ. соч. С. 87.

⁵⁸¹ Кризис самодержавия в России. 1895–1917. С. 46.

⁵⁸² Витте С.Ю. Указ. соч. С. 472.

⁵⁸³ Там же. С. 473.

⁵⁸⁴ Андреев Д.А. Самодержавие и борьба в правительственных верхах в 1894–1904 гг. С. 624.

⁵⁸⁵ Кризис самодержавия в России. 1895–1917. С. 113.

и другим направлениям внутривполитического курса⁵⁸⁶. Витте совместно с Победоносцевым способствовали провалу земской реформы Горемыкина⁵⁸⁷. События 1899 г. наглядно показали возросшую субъектность высших бюрократов, их заинтересованность в отстаивании собственных политических интересов⁵⁸⁸.

Назначение Сипягина можно рассматривать как своеобразную реакцию Николая II на этот процесс, попытку выдвижения политической фигуры, ориентированной прежде всего на него. Безусловно, это событие стало рубежным и знаменовало собой новый этап в царствовании последнего царя, хотя, например, некоторые современники (тот же Половцов) считали Сипягина креатурой Витте, хотя последний отрицал это⁵⁸⁹. Министр юстиции Н.В. Муравьев упоминал в письме к Витте ходившие в Петербурге слухи о назначении Сипягина уже в сентябре 1899 г.⁵⁹⁰ Куломзин связывал продвижение Сипягина по карьерной лестнице покровительством великого князя Сергея Александровича. В самом деле, Сипягин пользовался исключительным доверием князя; во время своих отъездов из Москвы он спокойно «передавал ему бразды правления»⁵⁹¹. С назначением Горемыкина министром в 1895 г. Сипягин стал главноуправляющим Канцелярией по принятию прошений. Проект Сипягина по превращению канцелярии в некий политический субъект, стоящий выше министерств, вызвал негодование в Государственном совете и среди высшей бюрократии. Сипягин был вынужден отозвать проект, но, как считал Куломзин, благодаря этой ситуации он предстал перед Николаем II как человек «кристаллической честности», верный идеалам Александра III о патриархальном самодержавии. Само назначение Сипягина министром внутренних дел было приурочено к годовщине смерти Александра III: это должно было показать, что отныне монарх будет следовать заветам отца в

⁵⁸⁶ Соловьев Ю.Б. Указ. соч. С. 127–128.

⁵⁸⁷ Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. С. 102.

⁵⁸⁸ Андреев Д.А. Самодержавие и борьба в правительственных верхах в 1894–1904 гг. С. 382.

⁵⁸⁹ Голечкова О.Ю. Указ. соч. С. 112.

⁵⁹⁰ РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 443. Л. 1.

⁵⁹¹ ГАРФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 28. Л. 48. // Цит. по: Великая княгиня Елисавета Феодоровна и император Николай II. Документы и материалы (1884–1909 гг.). С. 204.

проведении твердой «национальной» внутренней политики⁵⁹². Николай II в письме к великому князю Сергею Александровичу от 22 октября 1899 г. особо акцентировал внимание на дате назначения Сипягина: «Я счастлив и спокоен душою после назначения Сипягина, надеюсь, ты заметил, в какой день это случилось»⁵⁹³. Для Витте короткий период управления Сипягиным МВД стал также «счастливым временем», когда личные теплые отношения двух министров способствовали взаимовыгодному сотрудничеству возглавляемых ими ведомств⁵⁹⁴. Тем не менее, имея имидж человека «ограниченного», Сипягин не стал пользоваться поддержкой в среде элиты и прессы⁵⁹⁵. Богданович приводит слова князя Э.Э. Ухтомского («Санкт-Петербургские ведомости»), который говорил: «Когда ушел Горемыкин, думалось, что хуже министра внутренних дел, чем он был, трудно подыскать, а Сипягин еще хуже Горемыкина»⁵⁹⁶.

21 октября «Московские ведомости» в редакционной статье «Важные правительственные перемены»⁵⁹⁷ раскритиковали бывшего министра Горемыкина за недостаточно жесткую политику по отношению к земству, недостаточно продворянский курс и несоответствие методов управления стоящим перед страной (по мнению редакции) задачам. Акцент на новом назначении Горемыкина был не таким четким, как в случае с Дурново в 1895 г. Преимущественная часть статьи посвящалась Сипягину. Подчеркивались «понимания самодержавного начала» новым министром внутренних дел, его тесная связь с императором и деловые качества. Московская газета сообщила, что управляющий Министерством внутренних дел Горемыкин «назначен членом Государственного совета», а управление министерством «поручается столь хорошо известному Москве» егермейстеру Сипягину, который до этого момента возглавлял Канцелярию по

⁵⁹² Куломзин А.Н. Указ. соч. С. 787.

⁵⁹³ ГАРФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 71. Л. 34–37 об. // Цит. по: Великая княгиня Елизавета Феодоровна... С. 475.

⁵⁹⁴ *Harcave S.* Op. cit. P. 86.

⁵⁹⁵ Богданович А.В. Указ. соч. С. 278.

⁵⁹⁶ Там же. С. 204.

⁵⁹⁷ Важные правительственные перемены // Московские ведомости. 21 октября 1899 г.

принятию прошений. Тихомиров не остановился на итогах четырехлетней деятельности Горемыкина на важнейшем государственном посту и сразу перешел к характеристикам Сипягина. Газета отмечала тесную связь Сипягина с Москвой: «...московское дворянство может приветствовать <...> своего сочлена», – Сипягин занимал должность предводителя дворянства в Москве и был московским гражданским губернатором. Отмечались верноподданнические качества нового министра: «...все истинно русские люди не могут не приветствовать в нем <...> верного и преданного слугу государя императора». Сипягин назывался деятелем, «глубоко понимающим силу и благотворное значение» самодержавного принципа государственного устройства. «Московские ведомости» отмечали относительно молодой возраст нового министра внутренних дел, приводили его биографию и послужной список «многочисленных заслуг в разных должностях». Газета утверждала, что новый министр вступает в должность хорошо подготовленным, «имея уже самое разнообразное знакомство» с различными отраслями государственного управления, непосредственно касающимися его предстоящих обязанностей главы МВД. Здесь Тихомиров, очевидно, имел в виду опыт, полученный Сипягиным в ходе руководства Канцелярией по принятию прошений. В заключение «Московские ведомости» выражали уверенность, что разнообразный управленческий опыт Сипягина сделал из него «убежденного сторонника дворянства». Газета в качестве ключевых задач нового министра подчеркивала необходимость преодоления «остатков прежних смутных либеральных веяний», преобразование земств и решение вопросов «внутренней жизни <...> сословий». Тихомиров еще раз указывал на «глубокое понимание самодержавного начала» и «редкое знание всей важности» дворянского вопроса, присущие Сипягину. «Московские ведомости» выражали уверенность в том, что в лице нового главы МВД получило «твердого и искусного» руководителя, способного отвечать на «запросы современной жизни». В том же номере в разделе «Телеграммы» было опубликовано сообщение от 20 октября, что Горемыкин уволен с поста министра внутренних дел и введен в состав Государственного

совета, а на его место в МВД назначен Сипягин, главноуправляющий Канцелярией по принятию прошений⁵⁹⁸.

Редакторы и издатели ведущих столичных органов печати редко оставляли свидетельства о конкретных деталях внутриредакционных обсуждений информационных кампаний, посвященным отставкам и назначениям ключевых министров. Тем ценнее дневниковая запись работавшего в «Московских ведомостях» Л.А. Тихомирова от 21 октября 1899 г., в которой он подробно рассказал о событиях предыдущего дня и том, как шел процесс подготовки публикации первых сообщений о назначении Сипягина⁵⁹⁹. Новость о решении Николая II пришла в редакцию «Московских ведомостей» 20 октября в 21:00. Редактор газеты В.А. Грингмут в это время находился в Берлине. Тихомиров, как ответственный за работу газеты, сам начал писать черновик редакционной статьи, «не зная, как отнесется к этой перемене Влад[имир] Андреевич». Как размышлял Тихомиров, «Сипягин не очень-то ласков с ним (Грингмутом. – А.С.), а с Горемыкиным Грингмут все же дружил». Задаваясь вопросом: «...в каком же духе писать», – Тихомиров составил текст, комплиментарно оценивавший Сипягина и его новое назначение. Текст был набран и вычитан, но в 23:00 в редакцию поступила телеграмма из Берлина от Грингмута, в которой тот просил написать статьи, поддерживающие Сипягина: «*Bitte warmen Artikel für Sipiagine как убежденного сторонника des Adels und der Samoderjavie*» («Пожалуйста, теплые статьи для Сипягина как убежденного сторонника дворян и самодержавия». – *перевод А.С.*). Тихомиров, по его собственным словам, «начал снова все переделывать», прибавлять «теплоты» и «начинять статью дворянством и самодержавием», закончив работу за полночь. Наутро статья вышла с правками от Грингмута, но Тихомиров остался ими недоволен, находя эти вставки «нетактичными»: «Говорить о Сипягине как убежденном стороннике самодержавия – значит как-то отличать его этим от его предшественника, что,

⁵⁹⁸ Телеграммы // Московские ведомости. 21 октября 1899 г.

⁵⁹⁹ ГАРФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 7. Л. 69–70 об.

конечно, оскорбит Горемыкина. Выставлять же Сипягина сторонником дворянства – это очень плохая услуга ему как министру внутр[енних] дел. Весьма вероятно, что он этим будет <...> рассержен».

21 октября «Гражданин» опубликовал именные высочайшие указы о Горемыкине и Сипягине, «данные» Государственному совету и Правительствующему сенату⁶⁰⁰. 22 октября эти указы были опубликованы в «Московских ведомостях»⁶⁰¹ и «Русских ведомостях»⁶⁰².

«Новое время» в своих материалах указало на отсутствие политической субъектности прежних министров внутренних дел и выразило уверенность в продолжении традиционного консервативного курса внутренней политики. Особенно газета обратила внимание на приверженность Сипягина образности допетровской Руси, которую он пытался транслировать на современную ему эпоху. Редакционная статья «Новое назначение» была посвящена размышлениям о характере и роли Министерства внутренних дел в российской властной конструкции⁶⁰³. Газета назвала пост министра внутренних дел «едва ли не самым важным политическим», так как лицо, занимавшее эту должность, направляло «правительственный механизм» в соответствии с «высочайшими предначертаниями». Развивалась мысль о том, что министры в России не могли быть «представителями какой-нибудь партийности», «они не делают политику, а лишь осуществляют ту единственную в самодержавном государстве политику», целью которой является «общее благо». Отмечая широкий круг подведомственных МВД вопросов, «Новое время» подчеркнуло, что его «политическое влияние» на жизнь страны и населения «весьма осязаемо и ярко выражается». Сравнивая назначение Сипягина с прошлыми переменами в министерстве, «Новое время» не усмотрело признаков «программной подкладки» этого назначения, которая означала бы изменение основ внутренней политики. Была отмечена глубокая

⁶⁰⁰ Столичная хроника // Гражданин. 21 октября 1899 г. С. 10.

⁶⁰¹ Именные высочайшие указы // Московские ведомости. 22 октября 1899 г.

⁶⁰² Официальный отдел // Русские ведомости. 22 октября 1899 г.

⁶⁰³ Новое назначение // Новое время. 21 октября 1899 г.

вовлеченность Сипягина в «механизм управления», знакомство с ключевыми вопросами внутренней жизни, земским вопросом и положением дел в национальных окраинах. Газета подчеркнула и его роль как руководителя Канцелярии по принятию прошений, назвав этот пост возможностью познакомиться с «изнанкой русской жизни». В статье «Д.С. Сипягин» была приведена подробная биография нового министра, отмечена его вовлеченность в работу различных дворянских, земских и судебных учреждений⁶⁰⁴. Сипягин был назван любителем «русской старины и русского стиля».

«Биржевые ведомости», игнорируя Горемыкина, подкрепили положительный образ Сипягина иллюстрацией его работы в Прибалтике. В заметке «Новый министр» была приведена биография Сипягина, заострено внимание на его успешном опыте управления Курляндией и «выдающихся личных качествах»⁶⁰⁵. Рядом, на первой странице, был опубликован портрет бывшего министра Горемыкина.

«Русские ведомости» признали неуспех начинаний Горемыкина на посту министра и при этом отметили связь Сипягина с Москвой. Газета отметила, что слух об отставке Горемыкина в последнее время «упорно держался» в обществе, а вчера подтвердился в связи с назначением его членом Государственного совета⁶⁰⁶. Была приведена биография Горемыкина с упором на его службу до назначения министром в 1895 г. Плодом всей многолетней деятельности Горемыкина «Русские ведомости» назвали издание «Сборника узаконений по крестьянским делам». Комментируя назначение Сипягина, газета отметила его известность в Москве как бывшего предводителя дворянства Волоколамского уезда Московской губернии и московского гражданского губернатора. В разделе телеграмм было напечатано краткое сообщение о состоявшихся переменах⁶⁰⁷.

⁶⁰⁴ Д.С. Сипягин // Новое время. 21 октября 1899 г., №8495

⁶⁰⁵ Новый министр // Биржевые ведомости. 21 октября 1899 г.

⁶⁰⁶ В последнее время... // Русские ведомости. 21 октября 1899 г.

⁶⁰⁷ Телеграфические известия // Русские ведомости. 21 октября 1899 г.

22 октября «Биржевые ведомости» продолжили иллюстрировать положительный образ нового министра конкретными примерами его предшествовавшей работы. Газета также поместила короткое сообщение о том, что Сипягин прибыл в Петербург из Москвы⁶⁰⁸. В следующей небольшой заметке рассказывалось об открытии новой церковно-приходской школы, построенной на собственные средства Сипягина для местных крестьян его имения Клусово⁶⁰⁹.

«Русские ведомости» подробно проанализировали причины неудачи Горемыкина, акцентируя внимание на том, что все вопросы, поступившие на рассмотрение в МВД с 1895 г., находились лишь на стадии обсуждения, не переходя в практическую плоскость⁶¹⁰. Газета задавалась вопросом: «...в какой мере и в каком направлении деятельность нового министра будет отличаться от деятельности его предшественника». «Русские ведомости» отметили, что Горемыкин «передает» своему преемнику «целый ряд возбужденных им и оставшихся неразрешенными предположений относительно различных частей внутреннего управления». Акцентировалось внимание на продолжении политики Дурново, направленной на ограничение влияния общественных институтов и земских учреждений. Отмечались деятельность Горемыкина по крестьянскому вопросу и создание комиссий по продовольственному делу. «Русские ведомости» подчеркнули, что для пересмотра законодательства о крестьянах «была сделана попытка привлечения общества» к разработке этого вопроса. При этом утверждалось, что все вопросы, обсуждавшиеся Горемыкиным, «до сих пор не вышли из области предварительной подготовки», законодательных решений не было принято, а МВД в ближайшее время ожидает решение «давно уже выдвигаемых жизнью вопросов внутреннего управления».

24 октября «Гражданин» развивал идею о том, что Сипягин в силу прошлого опыта «близок к народу», а его верность самодержавным идеалам и отсутствие

⁶⁰⁸ Управляющий министерством... // Биржевые ведомости. 22 октября 1899 г.

⁶⁰⁹ Школа Д.С. Сипягина // Биржевые ведомости. 22 октября 1899 г.

⁶¹⁰ Назначение нового министра... // Русские ведомости. 22 октября 1899 г.

какой-либо субъектности поможет проводить в жизнь консервативный курс и установить прямую связь между царем и народом. При этом деятельность Горемыкина критиковалась за непоследовательность и отсутствие идеологического стержня. Подчеркивалась важность назначения Сипягина в памятную дату, что, по мнению «Гражданина», означало поворот во внутренней политике и возврат к курсу Александра III. В статье «Речь консерватора» «Гражданин» называл Сипягина «не новым человеком в министерстве» и отмечал, что он служил до этого «на самых близких к русской жизни должностях». Издание подчеркивало «чистоту политического смысла» Сипягина, свойственные ему «понимание и исполнение служебного долга». Отмечалось, что новый министр вступает в должность «без всякого багажа сочиненных проектов спасения России», без «чемоданов с доктринами и теориями», без «архива пышных речей». Делался вывод, что подобная «чистота» сейчас особенно нужна России. Деятельность Горемыкина газета характеризовала как «кошмар от совсем мутного и смутного представления» о том, «что стало с нуждами внутренней жизни». «Гражданин» утверждал, что политику Горемыкина нельзя назвать ни либеральной, ни консервативной, скорее, в ней проявлялись «равнодушие» или «строгость». Но теперь чувство «неведения», овладевшее страной, «как тяжелый сон, вдруг прекратилось». Указывался символический смысл назначения 20 октября, в годовщину кончины Александра III. По этому поводу говорилось, что «смысл выбора» и нового министра, и даты его назначения «ясен и чист для всех русских». В рубрике «Вслух» приводились примеры разговоров в обществе, где одной из ключевых тем стало назначение нового министра внутренних дел⁶¹¹. Разговоры, как отмечал «Гражданин», «построены на его прошлом», которое указывает на «большой практический опыт, на непосредственное и широкое знание русской жизни». В рубрике «Дневники» издатель-редактор «Гражданина» князь Мещерский описывал свои впечатления от прочтения новости о назначении

⁶¹¹ Вслух // Гражданин. 24 октября 1899 г. С. 6–7.

Сипягина⁶¹². Он называл «отрадой для русских людей» тот факт, что назначение состоялось 20 октября: в этом он усматривал «политическое значение», тот выбор, который Николай II сделал ради того, чтобы «закрепить связь» своего царствования с «заветами» отца. Жизнь, «сбитая с толку разными противоречиями», как отмечал Мещерский, «высказывает потребность в более ясном и твердом направлении внутренней правительственной власти». Подчеркивалось, что «между Россией и государем» становится человек, который обеспечит последнего «правдой». В заключение делался вывод, что внутренней жизни России не нужно «никаких ломок, никаких коренных потрясений или изменений в своем строе». Необходимо лишь, чтобы «внутренняя политика и внутренняя жизнь сливались в одно».

«Новое время» опубликовало высочайший рескрипт Горемыкину⁶¹³. Половину рескрипта занимало описание причин, побудивших Николая II в 1895 г. назначить Горемыкина на пост министра внутренних дел: «приобретенная <...> разносторонняя опытность», «последовательное исполнение ответственных обязанностей», «природные дарования». В заслуги бывшему министру император ставил стремление «к устроению разнообразных предметов управления», всероссийскую перепись населения 1897 г., работу по крестьянскому вопросу и улучшение переселенческого быта. В заключение Николай II выражал Горемыкину «за таковые существенные заслуги» свое «признательное душевное благоволение». То есть в рескрипте перечислялись основные достижения внутренней политики прошедших четырех лет с государственной точки зрения. Текст рескрипта опубликовали «Биржевые ведомости» 25 октября⁶¹⁴, «Русскими ведомостями» 26 октября⁶¹⁵, «Московскими ведомостями» 27 октября⁶¹⁶ и «Гражданином» 28 октября⁶¹⁷.

⁶¹² Дневники // Гражданин. 24 октября 1899 г. С. 19–20.

⁶¹³ Высочайший рескрипт // Новое время. 24 октября 1899 г.

⁶¹⁴ Действия правительства // Биржевые ведомости. 25 октября 1899 г.

⁶¹⁵ Официальный отдел // Русские ведомости. 26 октября 1899 г.

⁶¹⁶ Постановления и распоряжения правительства // Московские ведомости. 27 октября 1899 г.

⁶¹⁷ Столичная хроника // Гражданин. 28 октября 1899 г. С. 14.

25 октября информационные кампании в либеральных изданиях и «Новом времени» в основном стихли, и издания перешли к освещению непосредственно новостных, а не аналитических сюжетов. В этот день «Биржевые ведомости»⁶¹⁸ и «Русские ведомости» со ссылкой на «Новое время» описали сцену прощания Сипягина с чинами высочайшей канцелярии по принятию прошений⁶¹⁹.

26 октября «Биржевые ведомости» сообщили, что, «по газетным слухам», представление Сипягина чинам МВД будет проходить в течение нескольких дней⁶²⁰. Со ссылкой на «Новое время» этот материал вышел и у «Русских ведомостей»⁶²¹. Вместе с тем «Биржевые ведомости» продолжили публиковать материалы, подчеркивавшие деловые качества Сипягина. В газете цитировался материал «Рижского вестника» о деятельности Сипягина в Курляндской губернии⁶²². Утверждалось, что в это время в регионе были осуществлены «крупные преобразования» – созданы новые полицейские, судебные и крестьянские учреждения. Подчеркивались положительные личные качества Сипягина, отмечалось, что он «ценил самостоятельность мысли», поступал независимо от влияний» и всегда брал на себя ответственность за принимаемые решения.

27 октября «Биржевые ведомости» снова цитировали «Рижский вестник», отмечая, что к периоду руководства Сипягиным Канцелярией по принятию прошений относится «отклонение многих ходатайств» об ограничении преподавания на государственном языке в местной школе, которые поступали из Прибалтийского края⁶²³. На этом информационные кампании в перечисленных изданиях закончились.

28 октября «Гражданин», помимо рескрипта Горемыкину, опубликовал такие же материалы, как и либеральная пресса в течение двух предыдущих дней, –

⁶¹⁸ Хроника // Биржевые ведомости. 25 октября 1899 г.

⁶¹⁹ По телефону // Русские ведомости. 25 октября 1899 г.

⁶²⁰ Представление чинов... // Биржевые ведомости. 26 октября 1899 г.

⁶²¹ По телефону // Русские ведомости. 26 октября 1899 г.

⁶²² О деятельности Д.С. Сипягина... // Биржевые ведомости. 26 октября 1899 г.

⁶²³ О чем говорят и пишут // Биржевые ведомости. 27 октября 1899 г.

описание сцены прощания Сипягина с чинами Канцелярии по принятию прошений⁶²⁴ и новость о его представлении Сипягина сотрудникам Министерства внутренних дел⁶²⁵. «Гражданин» снова критиковал Горемыкина за непоследовательность и выражал уверенность в том, что с назначением Сипягина внутренняя политика приобретет больше определенности в консервативном ключе. В рубрике «Дневники» князь Мещерский вступил в полемику с издателем «Нового времени» Сувориным, утверждавшим, что «ни у государей, ни у министров внутренних дел» не может быть никакой «программы», так как они действуют лишь «под влиянием обстоятельств». «Гражданин» по этому поводу замечал, что программы в виде «листика», разумеется, нет. Однако в смысле ответа на вопрос, какая задача предстоит в ближайшее время, программа существует. В случае Николая II эта программа состоит в продолжении программы его отца, поскольку это «дело» еще не окончено. Говоря о министрах внутренних дел за последние полвека, издатель-редактор «Гражданина» обращал внимание на то, что каждый из них получал от государя программу и исполнял ее. Однако о преемнике Дурново он сказал иначе. По его словам, Горемыкин «не был ни злонамеренный, ни беспомощный государственный человек». Однако ему «не удалось исполнить свои благие намерения». Он, как и все общество, «блуждал в неведении, куда идти и на что опираться», проводя противоречивые преобразования (например, введение земств в Западном крае с урезанием их прав в остальных регионах). А назначение нового министра – это признак новой «целой политической программы»⁶²⁶.

«Вестник Европы» в декабрьском номере напечатал обширный материал, посвященный переменам в Министерстве внутренних дел⁶²⁷. В журнале вспоминались ожидания, которые либеральная российская общественность имела по поводу Горемыкина. Все они – и решение крестьянского вопроса, и пересмотр прав земств и местного управления, – по мнению издания, не были реализованы.

⁶²⁴ Управляющий министерством... // Гражданин. 28 октября 1899 г. С. 15.

⁶²⁵ Представление чинов... // Гражданин. 28 октября 1899 г. С. 16.

⁶²⁶ Дневники // Гражданин. 28 октября 1899 г. С. 23.

⁶²⁷ Внутреннее обозрение // Вестник Европы. Декабрь 1899 г. Т. VI. С. 819–825.

Деятельность Горемыкина была противоречивой и непоследовательной. От нового министра внутренних дел «Вестник Европы» ждал политики, направленной «к большому обеспечению прав личности», связанной с «неприкосновенностью закона». Журнал отмечал, что в России нет «перемены министерств», есть лишь «перемены министра», и признавал роль чиновника такого уровня в осуществлении политики своего ведомства.

2.5. Выводы

Говоря об информационных кампаниях, посвященных отставке Кривошеина, прежде всего стоит отметить их ограниченность по времени и объему материала: по 5 публикаций у «Московских ведомостей», «Биржевых ведомостей» и «Русских ведомостей», 3 публикации у «Нового времени», 1 публикация у «Гражданина» (см. Приложение, рис. 1). Наибольший интерес к вопросу показали «Биржевые ведомости», которые в своих материалах последовательно проанализировали деятельность Министерства путей сообщения и вместе с «Новым временем» предложили вариант реорганизации ведомства в министерство торговли и промышленности. Стоит отметить, что идея о реорганизации министерства обсуждалась в окружении Витте, а сам министр финансов приписывал ее Вышнеградскому⁶²⁸. «Русские ведомости» в основном ограничились перепечатками материалов других газет. «Московские ведомости» ограничились короткими новостными сообщениями и предположениями о возможных преемниках, наряду с «Гражданином» никак не прокомментировали состоявшуюся отставку. Некоторую отстраненность консервативных изданий от темы перемен в управлении Министерством путей сообщения можно объяснить существовавшими по всей видимости связями между редакцией «Московских ведомостей» и Кривошеиным, а также дружественными отношениями между Мещерским и министром. Проппер считал, что назначение Кривошеина министром в свое время

⁶²⁸ Витте С.Ю. Указ. соч. С. 222.

произошло «не без влияния Мещерского»⁶²⁹. Сам Мещерский тяжело переживал обвинения в финансовых махинациях с участием МПС и в мае 1895 г., через полгода после перемен в управлении министерством, писал Витте в личном письме, что не может мириться «с брызгами грязи, брошенными на меня мимоходом по делу Кривошеина»⁶³⁰. По сообщению Суворина в 1893 г. Кривошеин обещал Грингмуту (в то время редактору политических статей) обеспечить продажу «Московских ведомостей» на железных дорогах и «разные льготы», а редактор в благодарность посылал ему «корректуру» материалов, касающихся министра⁶³¹. Князь Мещерский считал причины отставки Кривошеина сфабрикованными и вызванным личными неприязненными отношениями, сложившимися у министра с государственным контролером Филипповым⁶³².

Информационные кампании, связанные с назначением Хилкова, оказались такими же короткими, как и в случае отставки Кривошеина: по 4 публикации у «Нового времени» и «Биржевых новостей», по 3 публикации у «Гражданина» и «Русских ведомостей» (см. Приложение, рис. 1). Яркая биография нового министра привлекла внимание «Нового времени» и «Биржевых ведомостей», став центральной линией их материалов. Кроме того, в том же духе были написаны статьи консервативного «Гражданина». Все три издания последовательно сравнивали Хилкова с Витте и положительно оценивали новое назначение. Это позволяет косвенно подтвердить выгодность для Витте назначения Хилкова на пост главы МПС несмотря на то, что кандидатуры, предложенные им Николаю II, были отвергнуты. «Русские ведомости» снова перепечатывали материалы других газет, а «Московские ведомости» не участвовали в кампании. «Вестник Европы» вывел краткое резюме по отставке Кривошеина и назначению Хилкова, суммировав в одном абзаце основные идеи, находившие место в печати рубежа 1894–1895 гг.

⁶²⁹ Проннер С.М. Указ. соч. С. 182.

⁶³⁰ РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 450. Л. 8 об.

⁶³¹ Суворин А.С. Указ. соч. С. 102.

⁶³² Мещерский В.П. Указ. соч. С. 384–385.

Стоит отметить небольшое количество публикаций, посвященных переменам в МВД в 1895 г. во всех периодических изданиях (см. Приложение, рис. 2). Наблюдалось более пристальное внимание к сюжету со стороны либеральной прессы и «Нового времени». «Биржевые ведомости» и «Русские ведомости» публиковали редакционные статьи, где подробно анализировали деятельность Министерства внутренних дел, мягко критиковали политику Дурново и его предшественника Д.А. Толстого, выражали надежду на решение Горемыкиным в первую очередь крестьянского вопроса. Близкая к либеральной позиция «Нового времени» привлекала внимание этих двух изданий, которые в ряде номеров цитировали выдержки из газеты Суворина. «Московские ведомости» и «Гражданин» опубликовали небольшое количество самостоятельных материалов, касающихся новых назначений. В своих публикациях газеты подчеркнули преемственность внутренней политики и выразили надежду на продолжение ее в духе контрреформ. Либеральный «Вестник Европы» акцентировал внимание на проблеме земств и местного управления, раскритиковал деятельность МВД и выразил надежду на изменения во внутренней политике. Все периодические издания объединяло комплементарное отношение к Горемыкину, подчеркивание его личных качеств, особенно «законничества».

Наибольший интерес к переменам в управлении Министерством народного просвещения уделили «Московские ведомости» и «Русские ведомости» (см. Приложение, рис. 3). Информационные кампании ряда консервативных изданий, связанные со смертью Делянова, имели комплементарное отношение к почившему министру. Результаты деятельности Министерства народного просвещения служили иллюстрацией правильности правительственного консервативного курса. «Московские ведомости» уделили большое значение школе и всей системе образования, видя в ней один из основных инструментов по развитию самодержавной государственности. Газета выступила против любых изменений в сфере образования и за продолжение существующего курса. Тем не менее, нельзя не заметить, что идеологическое наполнение было заметно лишь в статьях о

Делянове, в то время как все без исключения материалы, посвященные назначению Боголепова, были лишены идейной окраски и делали акцент лишь на профессиональной составляющей деятельности министра. «Гражданин» уделил Делянову и Боголепову не так много внимания, однако создал положительный, человеческий образ покойного министра. Вместе с «Московскими ведомостями» газета иллюстрировала свою кампанию простыми историями из жизни министра. После назначения Боголепова «Гражданин» раскритиковал все периодические издания за их ожидания от нового министра и призвал его сделать лишь одно – больше внимания уделить личным взглядам учителей в образовательных учреждениях. Учитывая начавшийся с середины 1880-х гг. отход Мещерского от поддержки курса Толстого и Делянова и широкую критику практически всех начинаний министерства⁶³³, представляется интересным создание довольно положительного портрета почившего министра и критика народного просвещения только в вопросе либеральных тенденций преподавания. В течение многих лет князь был «тараном» кампании за отставку министра народного просвещения, особенно ужесточилась эта кампания после разрыва отношений между князем и группой Победоносцева, к которой в 1880-е гг. принадлежал Делянов⁶³⁴. Представляется интересным тенденциозное мнение Проппера, который писал, что кампании против Делянова происходили «по распоряжению самого императора». Владелец «Биржевых ведомостей» видел в этом парадокс, когда «абсолютный автократ» посредством «инспирированной им газетной баталии» стремился принудить министра к отставке. Проппер отмечал, что в этом случае проявлялись «нерешительность и нехватка духа, чтобы открыто донести до человека свое убеждение, равно как и надежда, что со временем все уляжется само собой»⁶³⁵. Учитывая стилистику управленческих практик Николая II в 1890-е гг., такая оценка представляется безосновательной. «Новое время», никак не отреагировав на

⁶³³ Карцов А.С. Указ. соч. С. 111.

⁶³⁴ Там же. С. 372.

⁶³⁵ Проппер С.М. Указ. соч. С. 228–229.

назначение Боголепова, в своих материалах раскритиковало контрреформы в сфере образования. Тем не менее, по мнению газеты, Делянов не проводил их, а лишь старался скорректировать ошибки своих предшественников. Такого же мнения придерживались «Биржевые ведомости» и «Русские ведомости». Эти три издания в принципе заняли единую позицию, раскритиковав отдельные аспекты политики МНП, с осторожным оптимизмом представили перспективы министерства и не призвали к резкой ломке сложившейся системы. «Биржевые ведомости» и «Вестник Европы» вспомнили либеральное прошлое Делянова, однако последний занял последовательную критическую позицию, отметив противоречивые итоги деятельности Делянова и выступив за либерализацию народного образования. В вопросе освещения перемен в Министерстве народного просвещения на крайнем консервативном полюсе находились имеющие все же разные позиции «Гражданин» и «Московские ведомости», на крайнем либеральном «Вестник Европы», а «Новое время», «Биржевые ведомости» и «Русские ведомости» заняли центральную умеренно-либеральную позицию.

Сравнивая отражение в периодических изданиях назначения Горемыкина в 1895 г. и его отставки в 1899 г., можно сказать, что эти события привлекли большее внимание либеральных, чем консервативных изданий. В 1895 г. журналисты ждали от «законника» Горемыкина разных результатов, но в одних и тех же областях: основной линией всех изданий стали надежды на решение крестьянского вопроса и проблемы земского и местного управления. Кроме того, либеральные издания выражали надежду на некоторые структурные преобразования в МВД. Разные ожидания и непоследовательность Горемыкина привели к тому, что в 1899 г. за медленное и непоследовательное решение крестьянского вопроса, проблемы земств и местного управления министра критиковала вся пресса, особенно либеральная. Консервативные издания подчеркивали недостаточность усилий в духе контрреформ, а либеральные скептически оценивали осторожную внутреннюю политику, не приводящую к либерализации. В информационных кампаниях, связанных с переменами в управлении МВД наглядно видны идейные и

конъюнктурные интересы политических и журналистских кругов (см. Приложение, рис. 4). Яркие и качественные кампании в поддержку Сипягина провели «Гражданин» и «Биржевые ведомости» (по 8 публикаций). «Гражданин», критикуя Горемыкина, дополнил свой анализ внутренней политики мыслями о свершившемся символическом повороте, ликвидации «средостения» между царем и народом. В статьях Мещерского прослеживалась наибольшая близость к позиции и мотивации самого Николая II. Именно с назначения Сипягина, дальнего родственника Мещерского, начался этап сближения влиятельного публициста с прежде не благоволившим к нему императором⁶³⁶. В публикациях «Гражданина» видно начало того метода воздействия князя на Николая II, которой журналист И.И. Колышко в своих тенденциозных воспоминаниях характеризовал как «метод искусственного возбуждения, душевного комфортатива»⁶³⁷. «Биржевые ведомости», выражая позицию Витте, раскритиковали деятельность МВД и последовательно выстроили положительный и лишенный идеологизированности образ Сипягина, подчеркивая его деловые качества и конкретные результаты предыдущей деятельности. Так же, как и пять лет назад, «Московские ведомости» не стали акцентировать внимание на состоявшихся переменах, информационная кампания длилась всего два дня. Газета полностью проигнорировала деятельность Горемыкина, основной акцент сразу был перемещен на Сипягина: отмечались его связь с Москвой (а значит – и с консервативным курсом), преданность идеям самодержавия, способность решить земский и дворянский вопросы, а также отрегулировать сословную политику. «Московским новостям» это представлялось интересным, учитывая долгую историю тесных взаимоотношений Сипягина и редакции газеты. Тихомиров, говоря о политических взглядах будущего министра, признавал его позицию «радикальнее», чем свою собственную⁶³⁸. Статьи и заметки Тихомирова по общественно-политической проблематике регулярно ложились на

⁶³⁶ Кайль А.В. «Гражданин» князя В.П. Мещерского. С. 14.

⁶³⁷ Колышко И.И. Указ. соч. С. 170.

⁶³⁸ ГАРФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 6. Л. 186.

стол Сипягину, в том числе и по его личной просьбе, однако непосредственного контакта с журналистом глава Канцелярии по принятию прошений избегал, возможно, из-за прошлого Тихомирова. Последний считал, что связь редакции форпоста московского консерватизма и будущего министра могла повредить имиджу Сипягина⁶³⁹. Грингмут же наоборот старался представить Сипягина как убежденного сторонника самодержавия и дворянства и тем самым оказать ему информационную поддержку. В конечном счете двухдневную кампанию газеты можно считать неким компромиссом между обоими журналистами. В первые недели после назначения Сипягина Тихомиров очень внимательно вычитывал все материалы, касавшиеся деятельности МВД, и в некоторых случаях консультировался с Грингмутом по поводу того, «как взглянет на дело новый министр»⁶⁴⁰. «Новое время» не акцентировало внимания на состоявшихся переменах в МВД, выразило уверенность в сохранении консервативного курса внутренней политики и обратило внимание на смысловую значимость выбора Сипягина в преемники Горемыкину. Кроме того, Суворин самостоятельно провел мысль об отсутствии у Сипягина какой-либо политической программы⁶⁴¹, что в дальнейшем привело к натянутым отношениям между популярной газетой и министром внутренних дел. «Русские ведомости» и «Вестник Европы» сосредоточились на критике начинаний Горемыкина, однако не выразили больших надежд на перемены под руководством Сипягина, лишь кратко отметили его качества и высказали уверенность в том, что он разрешит вопросы, оставленные без внимания Горемыкиным.

⁶³⁹ ГАРФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 6. Л. 208–210.

⁶⁴⁰ РГАЛИ. Ф. 1393. Оп. 1. Д. 98. Л. 97.

⁶⁴¹ Суворин А.С. Указ. соч. С. 432.

Глава 3. Пресса и МИД в 1896–1899 гг.

3.1. Отдельные аспекты освещения внешней политики в печати⁶⁴²

Вопрос отношений прессы с МИД России является достаточно интересным и малоизученным в историографии. Из фундаментальных работ по тематике можно отметить диссертацию К.В. Каулина «Документы Архива внешней политики России как источник по истории взаимодействия Министерства иностранных дел России с прессой в начале XX века»⁶⁴³ (2022), в которой подробно разбираются особенности коммуникации МИД и печати в период управления министерством В.Н. Ламздорфа. Архивы издателей, редакторов периодических изданий и ГУДП позволяют реконструировать отдельные аспекты этого взаимодействия в 1890-е гг. Внешнеполитическое ведомство обращало внимание на публикации преимущественно консервативной печати, «мейнстримной» с точки зрения иностранных правительств. Публикации либеральной оппозиционной прессы практически не нашли отражения в документах МИД.

Следует отметить, что традиционно повышенное внимание МИД к публикациям отечественной печати по международной повестке, особенно проявлявшееся в последние годы царствования Александра III в процессе смены внешнеполитического курса (например, характерно письмо Феоктистова Суворину с требованием «воздерживаться от вызывающих статей относительно Германии»⁶⁴⁴), практически сошло на нет в короткий срок исполнения полномочий министра иностранных дел князем А.Б. Лобановым-Ростовским. В документах ГУДП не сохранилось ни одного письма МИД с жалобами на публикации в печати за 1895–1896 гг. Неизвестно, связано ли это как-то с позицией министра, но после

⁶⁴² При подготовке данного параграфа использована следующая работа автора: *Серопегин А.М.* Перемены в управлении МИД России в 1895 г. на страницах либеральной и консервативной прессы // *Клио*. 2024. № 2 (206). С. 18–25.

⁶⁴³ *Каулин К.В.* Документы Архива внешней политики России как источник по истории взаимодействия Министерства иностранных дел России с прессой в начале XX века: дис. ... канд. ист. наук М., 2022.

⁶⁴⁴ РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 4415. Л. 123.

его смерти в августе 1896 г. письма товарища министра иностранных дел графа В.Н. Ламздорфа и министра иностранных дел Муравьева в МВД стали регулярными. Ламздорф свое отношение к публикациям на внешнеполитическую тематику в печати коротко выразил в дневнике: «Наша пресса достойна ненависти»⁶⁴⁵.

В октябре 1896 г. по распоряжению Горемыкина было объявлено третье предостережение газете «Гражданин» с приостановкой ее на месяц. Поводом стали статьи в отделе «Дневник» в №№77 и 79 под рубриками «Пятница, 20 сентября» и «Суббота, 28 сентября», в которых князь Мещерский нелестно отзывался о главах иностранных правительств. Указанные статьи нарушали статью 102 Устава о цензуре и печати в части «о соблюдении приличий относительно правительств, состоящих в дружественных с Россией сношениях»⁶⁴⁶. Претензий МИД к этим статьям не сохранилось, возможно, это было личным решением Горемыкина.

В феврале 1897 г., через месяц после назначения Муравьева, внешнеполитическое ведомство обратило внимание на статью газеты «Новое время» «Усиление шведских стратегических подъездов к границам России». Ламздорф писал Горемыкину: «Статья эта была весьма замечена в политических кругах Стокгольма и своим враждебным тоном произвела удручающее впечатление. <...> Ввиду происходящей международной распри между Швецией и Норвегией и вполне нейтрального положения, сохраняемого нашим правительством в этом споре, статья г. Еленева не может быть признана соответствующей намерениям нашего правительства, и я был бы очень признателен вашему высокопревосходительству, если бы вы признали возможным предупредить на будущее время появление таких статей»⁶⁴⁷. Горемыкин в ответном письме сообщал, что редакции Суворина «сделано соответствующее внушение» и «предложено воздерживаться на будущее время от помещения в газете подобных

⁶⁴⁵ Ламздорф В.Н. Указ. соч. С. 35.

⁶⁴⁶ РГИА. Ф. 776. Оп. 8. Д. 466. Л. 32 об.

⁶⁴⁷ Там же. Оп. 3. Д. 442. Л. 125–126.

статей»⁶⁴⁸. В апреле того же года Ламздорф, благодаря Горемыкина за распоряжение «Новому времени», вновь затронул тему отношений со Швецией и попросил обратить внимание на напечатанную в «Московских ведомостях» статью «Швеция. Военные приготовления», в которой, «помимо общего неприличного тона», допускались «оскорбительные по отношению к Финляндии замечания»⁶⁴⁹.

Об особом отношении МИД к публикациям «Нового времени» и том значении, какое ведомство придавало публикациям газеты, свидетельствует письмо Ламздорфа сенатору А.А. Иксуль фон Гильденбандту от октября 1898 г. Поводом для письма стала статья «Европейский концерт, Россия и Восток», в которой подвергалась резкой критике политика «общего соглашения европейских держав» и говорилось о необходимости исключительного участия России в немедленном решении македонского и армянского вопросов. Ламздорф писал: «Последние соображения, составляя плод фантазии автора, при иных обстоятельствах могли бы быть оставлены без возражений, но, принимая во внимание общее направление означенной статьи и существующее в европейских политических сферах убеждение, что на страницах этой газеты не могут появляться подобные статьи без предварительного сношения с компетентными ведомствами, я полагал бы необходимым, чтобы по отношению к названной газете были приняты какие-либо действительные меры, дабы тем самым отвести подозрение в официозном происхождении статьи “Европейский концерт, Россия и Восток” и дать понять, что императорское правительство отнюдь не допускает мысли о возбуждении затронутых в ней весьма опасных политических вопросов»⁶⁵⁰.

В январе 1899 г. сам министр иностранных дел Муравьев направил Горемыкину письмо с просьбой вынести «строгое внушение» Суворину и предложить ему «воздерживаться от печатания статей» на внешнеполитическую тематику. Министр писал, что «императорское правительство в настоящее время

⁶⁴⁸ РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 442. Л. 128.

⁶⁴⁹ Там же. Д. 126. Л. 192–192 об.

⁶⁵⁰ Там же. Д. 442. Л. 162.

озабоченно главным образом поддержанием мирных отношений со всеми державами», и указывал на то, что «газетные статьи нашей печати воинственного характера могут подать повод к ложным толкованиям намерений России и преследуемых русским правительством <...> целей». Статьи «Нового времени» министр характеризовал как имевшие «возбуждающий характер», «находящиеся в полном противоречии с <...> миролюбивым направлением русской политики». Поводом для письма стала передовая статья, в которой издатель «Нового времени» писал о том, что в случае потенциального конфликта Франции и Великобритании Россия придет на помощь Парижу и «найдет средство напомнить Англии о своем близком соседстве с ней на Азиатском материке»⁶⁵¹. Горемыкин сделал Суворину «надлежащее внушение о необходимости большей осторожности в суждениях ... газеты по вопросам иностранной политики»⁶⁵².

Суворин помнил о своих непростых отношениях с МИД и в ноябре 1904 г. писал главе Азиатского департамента МИД Н.Г. Гартвигу, что «гр[аф] Ламздорф, не будучи еще министром, при гр[афе] Муравьеве и по его почину, конечно, многократно писал в Гл[авное] упр[авление по делам печати] жалобы». Суворин отмечал: «Не припомню, сколько именно раз гр[аф] Ламздорф жаловался на “Нов[ое] вр[емя]” и писал письма к мин[истру] внутр[енних] дел». Обида Суворина на Ламздорфа была столь сильной, что, когда граф был назначен министром иностранных дел в 1900 г., газета не сообщила об этом ни слова⁶⁵³. Не питал теплых чувств издатель «Нового времени» и к графу Муравьеву, который, по словам Суворина, пытался сделать так, «чтобы “Новое время” наказали материально за то, что оно не разделяет политики его». Суворин был краток: «Этот болван желает фимиама, который мы ему не курим»⁶⁵⁴.

Не забывало внешнеполитическое ведомство и газету «Гражданин». В ноябре 1898 г. недовольство министра иностранных дел М.Н. Муравьева вызвала статья

⁶⁵¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 442. Л. 196–196 об.

⁶⁵² Там же. Л. 197.

⁶⁵³ Суворин А.С. Указ. соч. С. 324.

⁶⁵⁴ Там же. С. 223.

Мещерского, в которой высказывалась мысль, что занятие Россией двух китайских портов на Ляодуне «было крупной ошибкой и что России надлежит, с целью укрепления своего положения в Китае, возможно скорее покинуть означенные порты». Статья была перепечатана в «Санкт-Петербургских ведомостях» с формулировкой, что издатель «Гражданина» «ребром ставит вопрос об ошибках нашей дипломатии в китайской политике». Муравьев в письме к Горемыкину отмечал, что указанные статьи «идут в совершенный разрез с видами нашей внешней политики <...> и могут произвести за границей и особенно в Китае впечатление, неблагоприятное для наших интересов»⁶⁵⁵. Горемыкин сделал стандартное распоряжение «о внушении» обеим редакциям⁶⁵⁶.

Тема освоения Дальнего Востока в 1890-е гг. была довольно чувствительна (о чем говорят и запросы других ведомств в ГУДП, разобранные в предыдущей главе). Стасюлевич в декабре 1897 г. просил готовившего очередное «Иностранное обозрение» Слонимского учитывать новый циркуляр ГУДП, предписывавший «ничего не сообщать о Порт-Артуре и „посетившей“ его русской эскадре, а также не ... нападать на Пруссию»⁶⁵⁷. Главный редактор «Русских ведомостей» Соболевский в том же месяце писал Стасюлевичу: «Сейчас получил, вероятно, известное и Вам предупреждение на счет осмотрительности по вопросу о „посещении“ (новый дипломатический термин, изобретенный Г[лавным] упр[авлением] по д[елам] печати, очевидно взамен „грабежа“) русской эскадрой Порт-Артура и об ограждении немецкого флота от „оскорблений“ со стороны русской прессы: а еще говорят после того о малом значении последней! Очевидно, мы не знаем собственной силы: наших газетных статей боятся даже немецкие броненосцы, как поясняет г. Соловьев, а нас самих может привести в трепет давно уже брошенный всюду гнилой деревянный корабль „Цензура“, свободно плавающая в тихих водах нашей „самобытности“. Примем к сведению и не будем

⁶⁵⁵ РГИА. Ф. 776. Оп. 8. Д. 466. Л. 193–193 об.

⁶⁵⁶ Там же. Л. 196.

⁶⁵⁷ РО ИРЛИ РАН. Ф. 293. Оп. 1. Д. 98. Л. 43.

угрожать германской эскадре. Как все это глупо и как во всякой мелочи и на каждом шагу приходится чувствовать всю несообразность держащей наши судьбы в руках бюрократической „своя своих не познаша!“ Даже на китайские воды наш чиновник сует свой нос, где ему нюхать-то, казалось бы, нечего. Впрочем, все это к лучшему: чем обширнее область действия, тем труднее „воздействие“»⁶⁵⁸.

Стасюлевич в переписке со Слонимским часто иронизировал над необходимостью просчитывать риски при освещении внешнеполитических сюжетов. В 1895 г. он писал: «Нашей публицистике, конечно, приходится думать не от том, что сказать, но чего не сказать, – впрочем, это относится к весьма немногим, а громадное большинство если и затруднится, то французские газеты доставят готовые образцы»⁶⁵⁹. После смерти Бисмарка главный редактор «Вестника Европы» шутил над «аккуратностью» Слонимского, прося опубликовать хоть какую-то информацию и не замалчивать это событие⁶⁶⁰. Интересно упоминание Стасюлевича об ограничении допуска тиража журнала в США и на Кубу в июле 1898 г. в разгар испано-американской войны⁶⁶¹.

Активность Муравьева в цензурных вопросах негативно оценивалась и консервативными журналистами. В октябре 1899 г. Тихомиров писал в дневнике: «Рассказывали мне, что Муравьев (иностранных дел) требовал подчинить цензуре все статьи газет по иностранной политике, ибо дескать доставляют затруднения. Это дикое требование отклонили, как незаконное, но оно печально характеризует наше министерство иностр[анных] дел»⁶⁶².

Подобный контекст отношений редакторов ведущих периодических изданий с МИД России позволяет лучше понять особенности информационных кампаний по освещению перемен в управлении внешнеполитическим ведомством в 1896–1897 гг. (смерти А.Б. Лобанова-Ростовского и назначения М.Н. Муравьева). В этих

⁶⁵⁸ М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. V. С. 461.

⁶⁵⁹ РО ИРЛИ РАН. Ф. 293. Оп. 1. Д. 98. Л. 43.

⁶⁶⁰ Там же. Л. 102–102 об.

⁶⁶¹ Там же. Л. 101 об.

⁶⁶² ГАРФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 7. Л. 72 об.

кампаниях наглядно проявились идеологические установки редакций и их стремление сгладить острые углы, чтобы избежать проблем в отношениях с МИД и ГУДП. Темы кадровых изменений в одном из функциональных и несамостоятельных по своей сути министерств, руководитель которого в неформальной иерархии комитета министров занимал не самое влиятельное место, тем не менее выступают катализатором обширных, ярких и разносторонних информационных кампаний, являющихся отражением традиционного для России повышенного интереса к внешней политике и международной обстановке. При освещении разбираемых в настоящей работе изменений в управлении МИД консервативные и либеральные издания использовали эти сюжеты как повод для артикуляции собственных идейно-политических позиций, выходящих далеко за рамки различных внешнеполитических концепций.

Так, консервативные издания (в большей степени «Гражданин» и в меньшей «Московские ведомости» и «Новое время») стремились практически в каждом материале сделать акцент на личной роли российских самодержцев в проведении внешней политики страны. В материалах этих изданий заслугой сменяющих друг друга министров иностранных дел становилась их лояльность государю и твердое следование его решениям. Руководители МИД теряли личные черты, сливаясь в информационном потоке в единого идеального государственного деятеля – исполнителя монаршей воли, преданного царю и его видению «национальной русской политики». «Биржевые ведомости», «Русские ведомости» и «Вестник Европы» разделяли эти представления, однако без присущего консервативным изданиям нарочитого восхищения такой системой ручного управления. В либеральных изданиях подобная оценка являлась скорее констатацией реальности, а акценты делались именно на личностях министров, например, критикой Гирса, положительной оценкой Муравьева и Лобанова-Ростовского, а также публикациями личных воспоминаний о них.

Немаловажным для редакций являлась и фиксация в информационных кампаниях собственных внешнеполитических установок. Интересно, что

консервативные издания, разделявшие различные подходы к определению внешнеполитического курса, использовали одну и ту же аргументацию – апологетику политики Александра III – политики «национальной», «русской» и «миролюбивой» (последнее определение внешнеполитического курса России встречается чаще всего). В материалах «Московских ведомостей» и «Нового времени» прослеживались идейные установки «экспансионистской» школы внешней политики, активно выступавшей за интенсификацию русско-французских связей, и сдержанно относившейся к вопросу сближения с Германией, Австро-Венгрией и Италией. В некоторых материалах можно было увидеть намеки на возрастающие амбиции Российской империи на Дальнем Востоке. В отличие от консервативных изданий, в либеральной периодике акцент делался в основном на необходимости сохранения «миролюбия» российской внешней политики. Подчеркивалось решение всех территориальных споров в Европе и стремление к партнерским отношениям с европейскими державами, включая страны Тройственного союза. Близким к негативному являлось и отношение всех изданий к русско-английским отношениям, переходя в активную антианглийскую кампанию у «Нового времени». Позиция газеты «Гражданин», изящно опускавшей тему русско-французских отношений и территориальных претензий в Маньчжурии, в этом плане удивительна и показывала способность князя Мещерского уходить от обсуждения острых вопросов, оставаясь при своей, все менее популярной в обществе позиции. Представляется обоснованным утверждение Карцова о том, что князь Мещерский в своих внешнеполитических воззрениях к 1890-м гг. приблизился к изоляционистскому направлению внешнеполитической мысли⁶⁶³. Как писал академик Е.В. Тарле, те круги политической элиты, которые выступали против активной внешней политики, «чуяли многочисленные язвы» внутренней жизни страны, «знали, что народ в своей массе воевать не хочет» и были уверены в том, что внешнеполитические авантюры приведут к «финансовому истощению, экономическому изнурению и

⁶⁶³ Карцов А.С. Указ. соч. С. 267.

политическому катаклизму»⁶⁶⁴. Князь Мещерский, пройдя длительный путь эволюции своих взглядов, ко второй половине своей жизни выступал не только против занятия Россией отдельных районов Манчжурии и Кореи, но и критиковал неоспоримую в консервативных кругах политику вмешательства в балканские дела, которая, по мнению князя, могла легко поставить под угрозу не только жизни русских людей, но и выживание Российской империи в целом⁶⁶⁵. Если Карцов отдельно выделял полемику «Гражданина» с «Московскими ведомостями», активно с 1890-х гг. продвигавших идею необходимости франко-русского союза⁶⁶⁶, то Ливен основным идеологическим оппонентом по вопросам внешней политики видел «Новое время». По мнению историка, издание Суворина претендовало на мобилизацию народного патриотизма и воинственного национализма, выступая в роли «самозванных глашатаев общественного мнения, ложно утверждающих, что они говорят от имени русского народа», в то время как Мещерский продолжал верить в то, что внешней политикой должны заниматься профессиональные и опытные дипломаты, исполняющие волю самодержца⁶⁶⁷. Парадоксально, но даже в период холодного отношения МИД России к Суворину при графе Муравьеве, передовые статьи Мещерского оставались без внимания зарубежных дипломатических представительств, переводивших ежедневно на иностранные языки статьи именно «Нового времени», формируя на Западе представление о внешней политике России в духе «экспансионистской» школы⁶⁶⁸.

Отдельно необходимо обратить внимание на характер публикуемых материалов. Большим количеством редакционных и аналитических статей отличались «Биржевые ведомости» и «Новое время». У «Московских ведомостей» основной массив информации был размещен в виде коротких телеграфных сообщений, однако присутствовало и большое количество самостоятельных

⁶⁶⁴ Тарле Е.В. Указ. соч. С. 504–505.

⁶⁶⁵ Lieven D.C.B. Op. cit. P. 106.

⁶⁶⁶ Карцов А.С. Указ. соч. С. 271.

⁶⁶⁷ Lieven D.C.B. Op. cit. P. 106

⁶⁶⁸ Карцов А.С. Указ. соч. С. 283.

материалов. Самое важное место занимали обзоры заграничной печати, через которые газеты проводили свои идейные линии даже чаще, чем в собственных редакционных статьях. В эти обзоры очень часто попадали материалы, в которых иностранные журналисты писали о важной роли самодержавного правителя, неизменности российского внешнеполитического курса или анализировали деятельность каждого министра. Стоит отметить, что издания тщательно отбирали публикуемые сообщения иностранной прессы. Из французской брались только положительные статьи, с намеком на существование другой точки зрения только у «Нового времени». Из немецкой по большей части также цитировались положительные материалы, но упоминалась полемика с критично настроенными по отношению к России изданиями. Из австро-венгерской печати брались положительные материалы условно «прорусского» характера, но публиковались и критические материалы, в том числе показывающие наличие неких конфликтов внутри Тройственного союза. Из английской печати в основном цитировалась вся палитра антироссийской критики, Англия явно выделялась из относительно стройного хора материковых положительно-нейтральных публикаций. Стоит отметить, что сообщения телеграфных агентств нередко повторялись из газеты в газету, тем не менее, отличался порядок их публикации и местами отдельные фактологические моменты. Наиболее яркими и сближающими крайние позиции являлись кампании «Нового времени», широко сочетающего собственные статьи и обзоры с непосредственным цитированием иностранных источников и предположениями о возможных кандидатурах на пост министра иностранных дел. «Вестник Европы», всегда выступающий последним, использовал это для критики уже опубликованного к этому времени и в своих материалах стремился дать всесторонний и взвешенный анализ произошедшего события. Тем не менее, несмотря на различия в частных вопросах, стоит отметить отсутствие серьезных противоречий между консервативными и либеральными изданиями в освещении перемен в Министерстве иностранных дел и анализе внешнеполитического курса Российской империи.

3.2. Смерть Н.К. Гирса и назначение А.Б. Лобанова-Ростовского

14 января 1895 г. скончался министр иностранных дел России Н.К. Гирс. По свидетельствам современников, последние годы жизни он тяжело болел. Половцов писал, что министр был более похож «на разлагающийся труп, чем на живого человека»⁶⁶⁹. Директор канцелярии МИД граф В.Н. Ламздорф характеризовал общее состояние Министерства иностранных дел как «режим подлинной анархии»⁶⁷⁰.

Среди различных придворных и бюрократических группировок шла борьба по вопросу преемственности в управлении министерством. На пост министра иностранных дел претендовали посол в Австро-Венгрии А.Б. Лобанов-Ростовский, товарищ министра Н.П. Шишкин, посол в Великобритании Е.Е. Стааль и директор Канцелярии МИД В.Н. Ламздорф⁶⁷¹. Борьба началась еще при жизни Гирса и при его собственном участии. Еще живой глава МИД, его сыновья, вдовствующая императрица Мария Феодоровна, Ламздорф и Шишкин принадлежали к «антилобановскому» лагерю, к поддерживающим Лобанова можно было отнести А.А. Половцова и великих князей Михаила Николаевича и Владимира Александровича⁶⁷². Широкий комплекс факторов, включавший неоднозначную репутацию Лобанова-Ростовского как «либерала-западника», его близость к Половцову и нерасположение С.Ю. Витте, предопределили долгое решение вопроса о замещении вакантного поста и сложные конфигурации с попытками отправить Лобанова послом в Берлин, лишив его шансов на занятие министерского поста.

Всю первую половину января 1895 г. журналисты следили за ухудшавшимся здоровьем Гирса практически ежедневно. 14 января «Гражданин» опубликовал последнюю короткую заметку такого характера – «по сведениям от 13 января,

⁶⁶⁹ Половцов А.А. Указ. соч. С. 97.

⁶⁷⁰ Ламздорф В.Н. Указ. соч. С. 100.

⁶⁷¹ Голечкова О.Ю. Указ. соч. С. 71.

⁶⁷² Там же. С. 72.

здоровье министра иностранных дел д.т.с. Гирса остается в том же положении»⁶⁷³. Вечером того же дня министр скончался.

15 января в траурных рамках на первых страницах «Гражданина» и «Нового времени» появились сообщения о смерти и первые краткие некрологи. «Гражданин» акцентировал внимание на внутривполитическом аспекте, оценивал Гирса как человека, верно служившего «миролюбивой» политике Александра III и рассматривал деятельность министра лишь как одно из проявлений самодержавной власти. Князь Мещерский критиковал предыдущих руководителей Министерства иностранных дел. «Гражданин» писал: «Это был вернейший и драгоценнейший из слуг почившего Государя, не перестававший ни на одну минуту его царствования быть настолько же неслышным и незаметным, насколько он был нужнейшим своему монарху, помощником в его трудах, доверенным в его намерениях и мыслях и исполнителем его воли»⁶⁷⁴. «Гражданин» характеризовал деятельность предшественников Гирса как «поблекший цветок», «ослабевший когда-то громкозвучный голос», метафорически отмечал спокойный стиль работы министра, после прихода которого в «доме прежней суеты и треволнений» «задышало тишиною и миром спокойной, рассудительной и прозорливой мысли». Князь Мещерский свел некролог к идее о том, что именно Гирс «узрел и уразумел» то, что хотел видеть самодержец, тот «величественный и внушительный для Европы образ государевой инициативы в европейской политике». Газета никак не отметила конкретные успехи Н.К. Гирса на посту министра, не остановилась на достижениях «государевой» политики, кратко отметив, что Гирс был «незаменимым спутником-сателлитом яркой звезды своего монарха».

«Новое время», развивая эту мысль, тем не менее, сосредоточило внимание на вопросах внешней политики, называя Гирса германофилом, вынужденно согласившимся на союз с Францией. Газета на первой странице поместила короткое сообщение о смерти и дату первой панихиды. На третьей был

⁶⁷³ Вести пятницы // Гражданин. 14 января 1895 г.

⁶⁷⁴ Николай Карлович Гирс // Гражданин. 15 января 1895 г.

опубликован пространный некролог «Н.К. Гирс»⁶⁷⁵. Отмечая важнейшие вехи биографии покойного, «Новое время» подчеркнуло, что Гирс «неустанно работал» над сохранением дружеских отношений с Германией и Австрией, однако, несмотря на «свои личные симпатии, повинувшись воле покойного государя и сильно выраженному общественному мнению», сделал решительные шаги к сближению России и Франции. Тем не менее, газета отметила, что Гирс невзирая на болезни, до последнего дня самостоятельно руководил министерством, «сглаживал всякие недоразумения» с Германией и Австрией и заключил с ними торговые трактаты, ставшие «заключением его германофильской деятельности».

16 января «Московские ведомости» предельно лаконично осветили итоги более чем тринадцатилетней деятельности Гирса на посту формального руководителя внешнеполитическим курсом Российской империи. Газета акцентировала внимание на центральноевропейском направлении внешней политики, явно заняв мягкую антигерманскую и антиавстрийскую позицию. Это можно связать с происходившими непосредственно в последние месяцы жизни Гирса стремительными кадровыми перестановками в российских дипломатических миссиях в Германии и Австро-Венгрии: 13 декабря 1894 г. был отозван посол в Берлине П.А. Шувалов (назначенный затем Варшавским генерал-губернатором), 6 января был отозван посол в Вене А.Б. Лобанов-Ростовский (формально занимавший после этого пост посла в Берлине до своего назначения министром иностранных дел менее чем через два месяца). «Московские ведомости» опубликовали редакционную статью под названием «Статс-секретарь Н.К. Гирс»⁶⁷⁶. Авторы отметили, что покойный был одним из «ближайших слуг» императора Александра III и его отца. Газета подвела некоторый итог деятельности Гирса на посту управляющего Министерством иностранных дел: была отмечена хорошая дипломатическая школа, через которую прошел покойный; «циркуляр о миролюбивой политике» после Берлинского конгресса вместе с самой политикой

⁶⁷⁵ Н.К. Гирс (Некролог) // Новое время. 15 января 1895 г.

⁶⁷⁶ Статс-секретарь Н.К. Гирс // Московские ведомости. 16 января 1895 г.

«свободной руки» был признан газетой выдающимся достижением российской дипломатии. Основной задачей Гирса на посту главы МИД, с которой он справился, было, как писали «Московские ведомости», прекращение политики «преклонения перед Германией и Австро-Венгрией» и продолжение русско-французского сближения, основанного на «общности интересов» двух государств. «Московские ведомости» не забыли упомянуть, что данный внешнеполитический курс стал возможным только благодаря «твердой поддержке» со стороны Александра III («с такой поддержкой всякое дело становится легким»), а при Николае II данный курс лишь продолжился. В том же номере была размещена телеграмма из Петербурга от 15 января⁶⁷⁷. В ней кратко сообщалось о панихиде «по скончавшемся» министре, на которой присутствовали государь император и высшие придворные, военные и гражданские чины.

«Гражданин» продолжил линию апологетики «миролюбия» российской внешней политики и критики стиля российской дипломатии до Александра III, подчеркнул, что в условиях нестабильной международной обстановки руководить министерством иностранных дел может лишь «царский слуга» наподобие Гирса, спокойный исполнитель воли своего монарха. В редакционной статье «Преемник Гирса»⁶⁷⁸ газета отметила слабое состояние здоровья министра в последние годы, написала о том, что, будучи «ближе к смерти, чем к жизни», он все равно «давал ... международной политике чувство спокойствия, безопасности и твердой уверенности» в «миролюбии завтрашнего дня». Его политика означала «честное отношение к народам», и от этого несомненную важность для Европы имеет вопрос о преемнике Гирса. Далее «Гражданин» развивал мысль о том, каким должен быть министр иностранных дел Российской империи. Газета подчеркивала, что «во дни оны» для проведения внешней политики «искали блестящие умы, смелые характеры, остроумных говорунов и охотников до предприимчивости». Однако «теперешнее время» требовало от «царского слуги» только одного, «такта»,

⁶⁷⁷ Телеграммы // Московские ведомости. 16 января 1895 г.

⁶⁷⁸ Преемник Гирса // Гражданин. 16 января 1895 г.

который из политики «миролюбия» может создать «средство и завет возвышения своего государства». Именно это качество было присуще Гирсу и именно человека с таким качеством «Гражданин» видел его преемником. В условиях международной напряженности, связанной с внутривосточными событиями во Франции, Болгарии и Германии, проблемными вопросами на Дальнем Востоке, будущее для преемника Гирса представлялось авторам статьи «в виде погоды гораздо менее ясной и прочной, чем она была в его время». В том же номере в небольшой заметке рубрики «Вести воскресенья» «Гражданин» подробно описал церемонию прощания и панихиду по Н.К. Гирсу, состоявшиеся накануне⁶⁷⁹.

«Биржевые ведомости», начиная свою кампанию, вступили в противоречие с «Гражданином», показав Гирса представителем именно старой школы дипломатии, к которой принадлежал и Горчаков. Однако между строк газета давала понять читателю, что самостоятельную внешнеполитическую деятельность Гирс практически не осуществлял; проводя сдержанную и осторожную политику, он стал не более, чем докладчиком и исполнителем воли царя. Тем не менее, газета подчеркнула, что он до самой смерти лично управлял министерством. Неожиданно перекликается с «Новым временем» идея «Биржевых ведомостей» о германофильстве Гирса и союзе с Францией как о явлении, противоречащем его личным взглядам. «Биржевые ведомости» впервые сообщили о смерти Гирса в редакционной статье «Кончина министра иностранных дел»⁶⁸⁰. Газета писала, что в лице скончавшегося министра русская дипломатия «потеряла одного из лучших знатоков восточных дел и общеевропейских политических отношений», в том числе и так называемого «восточного вопроса». В статье был отмечен обширный практический опыт, накопленный Гирсом в сфере азиатской политики России, и важность для него этого направления. «Биржевые ведомости» называли Гирса дипломатом «вымершей школы», которая вдохновлялась традициями Тайлера и Меттерниха, Нессельроде и Горчакова. Эта школа, как писала газета, «совершила

⁶⁷⁹ Вести воскресенья // Гражданин. 16 января 1895 г.

⁶⁸⁰ Кончина министра иностранных дел // Биржевые ведомости. 16 января 1895 г.

... немало ошибок», поскольку заботилась о «гармонии в европейском концерте», отождествляла «государственные интересы с дворцовыми», «народным стремлениям» противопоставляла «планы канцелярий». Однако, несмотря на то что такая дипломатия либо «оставалась бесплодной», либо «вызывала события, которые при ином взгляде можно было бы предупредить», она способствовала установлению «правильных» международных отношений и помогла «уменьшению и сокращению кровопролитных и разорительных столкновений». В завершение газета отмечает, что память о Гирсе не будет «обременена ни грехами, ни заслугами этой дипломатической школы», так как в течение своей полувековой служебной карьеры он «имел возможность действовать самостоятельно только в течение последних двух-трех лет царствования императора Александра II». Однако именно тогда, из-за расстройств финансов и недостатков военной организации, «сдержанность и осторожность» были необходимыми для российской внешней политики. В завершение «Биржевые ведомости» отметили, что со вступлением на престол Александра III, Гирс стал «не более как докладчиком верховного вождя русского народа и исполнителем его самодержавной воли». Но, тем не менее, «это был очень добросовестный докладчик, весьма разумный исполнитель». Сразу после редакционной статьи был напечатан некролог «Н.К. Гирс»⁶⁸¹. Россия, писали «Биржевые ведомости», в лице Гирса «потеряла одного из столпов прошлого царствования», «носителя принципов иностранной политики» Александра III. Снова был отмечен его богатый опыт и спокойные черты характера. Газета писала, что, будучи убежденным германофилом, Гирс пошел на сближение с Францией, «проникнутый горячей любовью к своему отечеству». Была приведена биография покойного и подчеркнуто, что до самой смерти, несмотря на болезнь, он продолжал руководить министерством. Затем была приведена краткая информация о панихиде и лицах, присутствовавших на ней. В разделе «Телеграммы» было опубликовано сообщение из Вены: «Известие о смерти статс-секретаря Гирса вызвало здесь не

⁶⁸¹ Н.К. Гирс // Биржевые ведомости. 16 января 1895 г.

только в официальном мире, но во всех политических сферах живейшее чувство соболезнования»⁶⁸².

«Русские ведомости» воздержались от ярких оценок, кратко подведя итог деятельности Гирса и подчеркнув общее спокойствие в международных делах. На первой странице была опубликована телеграмма о состоявшейся панихиде по Н.К. Гирсу⁶⁸³. Далее следовал некролог с описанием биографии министра⁶⁸⁴. «Русские ведомости» отметили, что при Гирсе произошло обострение отношений России с Германией и Австрией с одновременным сближением с Францией, однако эти события «не оказали ощутимого влияния на спокойный правильный ход нашей внешней политики», а последующее заключение торговых договоров с центральными державами нивелировало возможные негативные последствия для отношений этих стран с Россией.

17 января «Московские ведомости», в отличие от «Биржевых ведомостей» днем ранее, подчеркивают болезненное состояние министра Гирса в последние годы его жизни и косвенно подтверждают «анархию» в управлении министерством в этот период. В вопросе оценки внешнеполитического курса газета занимает в целом профранцузскую позицию, отвечающую повестке внешнеполитического курса Николая II, негативно оценивает возможности любого сближения России и Германии. На страницах «Московских ведомостей» была опубликована очередная статья под названием «Статс-секретарь Н.К. Гирс», которая несколько раскрыла недосказанности материала с идентичным названием, напечатанного днем ранее⁶⁸⁵. В статье было отмечено, что Гирс прослужил «верой и правдой» четырем императорам. Отмечалось то, что его болезнь прогрессировала уже давно и что «кончина его ни для кого не была неожиданной». Впервые приводилась краткая биография покойного. «Московские ведомости» написали о противостоянии Гирса намерениям Бисмарка по развитию русско-германских отношений. Газета

⁶⁸² Телеграммы «Биржевых ведомостей» // Биржевые ведомости. 16 января 1895 г.

⁶⁸³ Телеграфические известия // Русские ведомости. 16 января 1895 г.

⁶⁸⁴ Н.К. Гирс (Некролог) // Русские ведомости. 16 января 1895 г.

⁶⁸⁵ Статс-секретарь Н.К. Гирс // Московские ведомости. 17 января 1895 г.

отметила, что болезни уже давно не позволяли Гирсу «заведывать делами» и что управление министерством иностранных дел уже несколько лет фактически находилось в руках товарища министра Н.П. Шишкина. В том же номере в телеграмме из Петербурга было сообщено, что товарищ министра Шишкин «назначен временно управляющим Министерством иностранных дел»⁶⁸⁶. Завершило номер подробное описание панихиды по почившему министру под названием «У гроба Н.К. Гирса»⁶⁸⁷. Подобная публикация содержалась и в номере от 19 января, где снова перечислялся список присутствовавших на панихиде. На этом «Московские ведомости» прекратили публиковать материалы, касающиеся Гирса и его политики на посту министра иностранных дел.

«Гражданин» ограничился сообщениями из стран тройственного союза с высокими оценками внешней политики России и личности покойного министра. На первой странице были опубликованы телеграммы из Берлина и Вены⁶⁸⁸. В Берлине, по сообщениям телеграфного агентства, «все газеты единодушно отзывались похвалами в память» Гирса, «приписывая ему не малую долю участия в сохранении европейского мира». В Вене все газеты поместили «глубоко прочувствованные статьи по случаю кончины», кроме того, указали на трудность «заменить» русского министра.

«Биржевые ведомости», «Новое время» и «Русские ведомости» опубликовали практически идентичные телеграфные сообщения, где подробно разобрали международную реакцию на смерть Гирса, охватывая Париж, Лондон, Берлин, Рим и Вену. «Биржевые ведомости» опубликовали высочайший приказ о назначении Н.П. Шишкина временно управляющим министерством иностранных дел⁶⁸⁹. Кроме того, были опубликованы краткие сообщения о панихидах⁶⁹⁰ и информация о времени и месте похорон⁶⁹¹. Подобные сообщения в этот же день

⁶⁸⁶ Телеграммы // Московские ведомости. 17 января 1895 г.

⁶⁸⁷ У гроба Н.К. Гирса // Московские ведомости. 17 января 1895 г.

⁶⁸⁸ Телеграммы // Гражданин. 17 января 1895 г.

⁶⁸⁹ Действия правительства // Биржевые ведомости. 17 января 1895 г.

⁶⁹⁰ Панихиды по Н.К. Гирсе // Биржевые ведомости. 17 января 1895 г.

⁶⁹¹ К похоронам Н.К. Гирса // Биржевые ведомости. 17 января 1895 г.

опубликованы в «Русских ведомостях»⁶⁹² и «Новом времени»⁶⁹³. В разделе «Телеграммы» газета так же, как и «Гражданин», обратилась к обзорам международной реакции на смерть министра иностранных дел России⁶⁹⁴. В сообщении из Парижа говорилось об официальных соболезнованиях от имени президента республики. Приводилось сообщение газеты *Temps*, которая отмечала, что Гирс был «верным орудием, честным и умным исполнителем политики своего державного повелителя». *Estafette* подчеркивала опытность дипломата, который «своею осторожностью и отменным тактом» способствовал разрешению конфликтов. *Gaulois* писала, что Гирс «удачно руководил иностранной политикой России». Лондонские газеты отмечали «космополитические симпатии» и стремление Гирса к миру на европейском континенте. Немецкие и итальянские газеты называли Гирса «человеком осмотрительным и уравновешенного ума». Венские официальные лица выразили свои соболезнования.

Телеграммы Российского телеграфного агентства, опубликованные в «Русских ведомостях»⁶⁹⁵ и «Новом времени»⁶⁹⁶, в общих чертах повторяли напечатанное в «Биржевых ведомостях», за исключением ряда пассажей, которые в изложении этих изданий выглядели более полными. Например, сообщение из Берлина в «Русских ведомостях», где говорилось, что Гирс действовал «в высоком духе своего государя» и много «послужил делу мира»; сообщение «Нового времени» из Лондона, где отмечалась заметка в *Times*, в которой говорилось, что «карьера покойного служит явным доказательством, что в России таланты свободно могут проложить себе дорогу к высшим государственным должностям».

18 января, через два дня после назначения Шишкова временным управляющим МИД, в «Новом времени» впервые публично прозвучали имена двух дипломатов, которые были основными претендентами на пост министра

⁶⁹² Телеграфические известия // Русские ведомости. 17 января 1895 г.

⁶⁹³ Хроника // Новое время. 17 января 1895 г.

⁶⁹⁴ Телеграммы «Биржевых ведомостей» // Биржевые ведомости. 17 января 1895 г.

⁶⁹⁵ Телеграфические известия // Русские ведомости. 17 января 1895 г.

⁶⁹⁶ Корреспонденция «Нового времени» (по телеграфу) // Новое время. 17 января 1895 г.

и иностранных дел. Газета напечатала высочайшую грамоту послу в Великобритании Стаалю, в котором Николай II выражал ему «высочайшее благоволение»⁶⁹⁷. Эта грамота и последующие сообщения ряда западных газет дали основания предполагать, что посол будет назначен преемником Н.К. Гирса. В разделе «Телеграммы» сообщение из Вены упомянуло Лобанова-Ростовского, как человека, приглашенного на обед к императору⁶⁹⁸. Кроме того, в тот же день были опубликованы телеграммы из Белграда, описывающие реакцию на смерть Гирса в сербских газетах.

19 января «Биржевые ведомости»⁶⁹⁹ и «Новое время»⁷⁰⁰ опубликовали подробное описание перенесения тела Н.К. Гирса к месту захоронения. На 4 странице «Биржевых ведомостей» в разделе «Внешние известия» была напечатана заметка «„Journal de St.-Petersbourg“ о кончине Н.К. Гирса»⁷⁰¹. В ней приводились краткие выдержки из печатного органа Министерства иностранных дел. Подчеркивалась приверженность покойного установкам Александра III. В том же стиле была выдержана заметка «„Temps“ о кончине Н.К. Гирса», где были представлены выдержки из этой французской газеты⁷⁰². Temps отмечала, что «Гирс никогда не был проникнут чрезвычайными амбициями», был карьерным дипломатом, что для государства «старого режима» является значительным событием. Предположения о преемнике Гирса делались, но имена не назывались, ведь «трудно найти человека, более Гирса преданного своему долгу». «Биржевые ведомости» вновь повторили тезис о Гирсе как исполнителе монаршей воли. От предположений по поводу преемника газета отказалась.

20 января газеты ограничились пересказом публикаций иностранной прессы и краткими информационными сообщениями. «Новое время» в рубрике «Внешние

⁶⁹⁷ Сегодня // Новое время. 18 января 1895 г.

⁶⁹⁸ Корреспонденция «Нового времени» (по телеграфу) // Новое время. 18 января 1895 г.

⁶⁹⁹ Перевезение тела Н.К. Гирса в Сергиевскую пустынь // Биржевые ведомости. 19 января 1895 г.

⁷⁰⁰ Перевезение тела Н.К. Гирса // Новое время. 19 января 1895 г.

⁷⁰¹ «Journal de St.-Petersbourg» о кончине Н.К. Гирса // Биржевые ведомости. 19 января 1895 г.

⁷⁰² «Temps» о кончине Н.К. Гирса // Биржевые ведомости. 19 января 1895 г.

известия» опубликовало заметку «Французские отзывы о покойном Н.К. Гирсе»⁷⁰³, приводились также выдержки из Temps. Кроме того, цитируя Journal des Débats, «Новое время» писало, что Гирс «не оставит ... в истории таких блестящих следов, как оставили по себе Нессельроде и Горчаков», но он останется примером того, как может выглядеть министр иностранных дел в самодержавном государстве «при государе, имеющим свою собственную политику». По поводу преемника французская газета говорила, что перемен это не принесет и любой возможный преемник продолжит политику царя. Следом за обзором французской прессы «Новое время» опубликовали статью о похоронах Гирса⁷⁰⁴. Аналогичный материал вышел в «Биржевых ведомостях»⁷⁰⁵ и днем ранее в «Русских ведомостях»⁷⁰⁶. Завершила публикации о Гирсе телеграмма из Парижа, напечатанная в «Биржевых ведомостях» 20 января⁷⁰⁷. Описывается панихида, на которой присутствовали заместитель президента, заместитель министра-президента и министр иностранных дел.

«Вестник Европы» в февральском номере посвятил Гирсу большую часть «Иностранного обозрения»⁷⁰⁸. Журнал сошелся с другими печатными изданиями в мнении о несамостоятельности Гирса и его прекрасных качествах исполнителя. Косвенно полемизируя с «Биржевыми ведомостями» и «Новым временем», при этом концентрируя критику на более консервативных изданиях, «Вестник Европы» отверг идеи о разных представлениях двора и МИД по поводу внешнеполитического курса России. Журнал заявил о последовательности внешней политики, которая ради сохранения мира в Европе последовательно развивалась от союза с Германией и Австрией к франко-русскому соглашению.

Журнал подчеркнул, что деятельность Гирса «была более известна в западной Европе», в то время как «отечественная публика» знала лишь

⁷⁰³ Французские отзывы о покойном Н.К. Гирсе // Новое время. 20 января 1895 г.

⁷⁰⁴ Погребение Н.К. Гирса // Новое время. 20 января 1895 г.

⁷⁰⁵ Погребение тела Н.К. Гирса // Биржевые ведомости. 20 января 1895 г.

⁷⁰⁶ Телеграфические известия // Русские ведомости. 19 января 1895 г.

⁷⁰⁷ Телеграммы «Биржевых ведомостей» // Биржевые ведомости. 20 января 1895 г.

⁷⁰⁸ Иностранное обозрение // Вестник Европы. Февраль 1895 г., Т. I., С. 876–881.

«официальную сторону его карьеры». С именем Гирса иностранные дипломаты и общественное мнение связывали политику «миролюбия», проводимую российским правительством. Журнал отметил, что в России «глава дипломатического ведомства не есть самостоятельный руководитель международных отношений», поэтому «трудно определить ... ту долю заслуги, которая принадлежит лично министру». Гирс, в отличие от своего предшественника имел мало возможностей проводить «собственную политическую программу», был «отличным исполнителем» той линии, которую определяли российские самодержцы. Журнал описал биографию министра и его глубокую вовлеченность в ключевые вопросы внешней политики, в проблему «восточного вопроса» и азиатского направления.

Далее «Вестник Европы» перешел к заочной полемике с другими периодическими изданиями. Журнал отметил, что «некоторая часть нашей печати» выражала недовольство «миролюбием» Гирса и «приписывала ему какие-то особые симпатии к Пруссии и Австро-Венгрии»; кроме того, что он «против воли» согласился со сменой курса и сближением с Францией, «повинуясь высочайшей воле и „ярко выраженному общественному мнению“» (тут «Вестник Европы» цитировал материал «Нового времени» от 15 января). Называя этих журналистов «нашими храбрыми патриотами», журнал обвинил их в стремлении воевать «поочередно» с ведущими европейскими странами и доказать, что министр иностранных дел в России может действовать в противоречии с «национальными» интересами, которые знает только царь и «патриоты». «Вестник Европы» подробно разобрал публикации «Русского вестника», критикуя на его примере идею о том, что российский МИД старался сохранить тройственный союз любыми способами, но подчинился французскому курсу не по своей воле. «Вестник Европы» отметил, что Гирс не проходил дипломатической практики в центральных державах, не имел такого веса, как Горчаков, и его деятельность по отходу от традиционного для России союза руководствовались лишь «желанием избежать столкновений» и перейти к политике «свободы действий». «Миролюбивый и чисто оборонительный характер» русско-французского союза журнал назвал заслугой Гирса и

официальной дипломатии. Вспомнил «Вестник Европы» и неудачную кампанию консервативных изданий, в том числе и «Московских ведомостей»⁷⁰⁹, против Гирса, из-за которой министр «решился подать в отставку», которая не случилась лишь благодаря вмешательству царя. Журнал пришел к выводу, что деятельность Гирса, начавшаяся со свиданий трех императоров, а закончившаяся русско-французскими торжествами, на протяжении всех этих лет руководствовалась единой логикой развития, в полном согласии с верховной властью, ради «борьбы за интересы мира». Воспользовавшись благоприятной внешнеполитической обстановкой, после смерти Бисмарка в 1890 г., Россия перешла к выгодному для себя союзу, и, «какова бы ни была доля участия и заслуги» Н.К. Гирса, он всю свою деятельность посвятил делу «поддержания и сохранения мира для России и косвенно для Европы».

Буквально через несколько недель тема МИД стала вновь актуальной в связи со слухами о готовящемся в ближайшее время назначении нового министра.

5 февраля 1895 г. в разделе «Факты и слухи» газеты «Московские ведомости» впервые появилось имя князя А.Б. Лобанова-Ростовского как потенциального преемника управляющего МИД. Как было видно из новостной подборки «Придворные известия», опубликованной 9 февраля, причиной слухов стала встреча Николая II и князя Лобанова-Ростовского, на тот момент чрезвычайного и полномочного посла «при его величестве императоре германском»⁷¹⁰. Встреча состоялась, по сообщению «Правительственного вестника», 4 февраля, за день до первой публикации, связывающей управление министерством с именем князя.

Интересно, что в отличие от сведений, опубликованных «Московскими ведомостями», данную встречу царя с Лобановым-Ростовским некоторые современники рассматривали как окончательное поражение последнего в борьбе за пост министра иностранных дел – сразу после встречи Лобанов-Ростовский отбыл

⁷⁰⁹ Управленческая элита Российской Империи (1802–1917). СПб., 2008. С. 100–101.

⁷¹⁰ Придворные известия // Московские ведомости. 5 февраля 1895 г.

за границу для вручения отзывных грамот в Вене и переезда в российское посольство в Берлине⁷¹¹.

Однако после этих публикаций «Московские ведомости», равно как и другие издания, не стали спекулировать прогнозами и обратились к теме МИД лишь накануне самого назначения.

21 февраля в разделе «Факты и слухи» была напечатана заметка «Толки о будущем русском министре иностранных дел»⁷¹². В ней говорится о том, что газета The Times и агентство Reuters «приветствуют назначение нового русского министра иностранных дел», но называют имя посла России в Лондоне Е.Е. Стааля. «Московские ведомости» считали эту информацию недостоверной, но отмечали влияние этих сведений на печать Тройственного союза. Последняя писала о том, что назначение Стааля свидетельствовало о «дружественных отношениях России к Англии и среднеевропейским державам». В других иностранных газетах сведения о назначении Стааля опровергались, а в «Московских ведомостях» было опубликовано сообщение европейских корреспондентов Российского телеграфного агентства о том, что «министром иностранных дел назначен князь Лобанов-Ростовский». «Московские ведомости» никак более не комментировали появившуюся в заграничной печати информацию.

Имя Стааля появилось на страницах газет неслучайно. Его кандидатура действительно рассматривалась в качестве потенциального преемника Гирса. Как сообщал А.А. Половцов в своем дневнике, на его назначении особо настаивала вдовствующая императрица Мария Феодоровна, даже написавшая ему личное письмо⁷¹³. Ламсдорф упоминает полученный 12 февраля категорический отказ Стааля от министерской должности⁷¹⁴. Появление в иностранной печати сведений

⁷¹¹ Голечкова О.Ю. Указ. соч. С. 84.

⁷¹² Толки о будущем русском министре иностранных дел // Московские ведомости. 21 февраля 1895 г.

⁷¹³ Половцов А.А. Указ. соч. С. 135–136.

⁷¹⁴ Ламсдорф В.Н. Указ. соч. С. 148.

о назначении Стааля министром иностранных дел скорее всего обусловлено утечкой информации о предложении российского правительства.

После отказа Стааля Николаем II было принято окончательное решение назначить министром иностранных дел Лобанова-Ростовского. Однако данное решение далось с трудом; сохранилось письмо великого князя Сергея Александровича великому князю Павлу Александровичу от 19 февраля, где он писал: «Оплакиваю очень отказ Стааля принять Мин[истерство] иностр[анных] д[ел] – для дела и для Ники жаль – Лобанов ни к чему однако...»⁷¹⁵. Информация о предстоящем назначении быстро стала достоянием общественности, в том числе и иностранной.

Столь долгое решение о кандидатуре нового министра иностранных дел в историографии связывалось только с теневой борьбой различных придворных группировок. Вместе с тем, представляется возможным учитывать среди прочих факторов международный контекст неожиданной смерти Гирса, произошедшей в момент завершающего этапа Японо-китайской войны 1894–1895 гг. и окончательного разгрома китайской армии и флота в январе-феврале 1895 г. Давно назревший вопрос улучшения обеспечения безопасности восточных границ России требовал самого пристального внимания к ходу боевых действий на Дальнем Востоке. И.В. Лукоянов в своей монографии, посвященной дальневосточной политике России, указывал, что, когда разгром Китая стал очевиден, перед Россией встал вопрос о признании независимости Кореи или о выдвижении территориальных требований к Китаю. Вопрос обсуждался на Особых совещаниях 20 января (с участием Шишкина) и 30 марта (уже с участием Лобанова-Ростовского). Лукоянов отмечает, что окончательные цели России были сформулированы именно Лобановым-Ростовским⁷¹⁶. Николаю II был нужен министр, способный начать осуществление давних замыслов в Манчжурии и Корее

⁷¹⁵ ГАРФ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 202. Л. 35–38 об. // Цит. по: Великая княгиня Елисавета Феодоровна и император Николай II. Документы и материалы (1884–1909 гг.). С. 278.

⁷¹⁶ Лукоянов И.В. «Не отстать от держав...» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. СПб., 2008. С. 236–237.

после неизбежного изменения баланса сил по итогам поражения Китая в войне. О важности именно восточного направления в деятельности главы МИД говорит большое количество докладных записок Лобанова-Ростовского Николаю II, подготовленных уже в первый месяц управления министерством. Министр обеспечил информирование царя о позиции ведущих европейских держав по поводу территориальных претензий России⁷¹⁷, выступил с предложением «посредством наступательных действий» приобрести незамерзающий порт на Тихом океане и присоединить «некоторую часть Манчжурии, необходимую для более удобного проведения Сибирской железной дороги»⁷¹⁸. Именно Лобанов-Ростовский в апреле 1895 г. добился пересмотра в выгодном для России ключе Симоносекского договора Японии и Китая – Порт-Артур был передан России. Такой итог менее чем двухмесячной работы нового министра стал поводом для личного письма Николая II Лобанову-Ростовскому 23 апреля 1895 г.: «Большая гора свалилась у меня с плеч, по получении вашей телеграммы о том, что Япония отказывается вовсе от Ляодунского полуострова. Сколько жизней и жертв спасено? Сердечно благодарю вас, любезный князь Алексей Борисович, за вашу твердость и решительность, проявленную вами с самого возникновения этого вопроса. Меня несказанно радует это полюбовное окончание нашего вмешательства в японо-китайское столкновение»⁷¹⁹. Подробно роль Лобанова-Ростовского в определении дальнейшего вектора российской политики на Дальнем Востоке разобрана в работе И.С. Кушнарера⁷²⁰. Стоит отметить, что и современники отмечали роль Лобанова-Ростовского в определении обновленной дальневосточной стратегии России. В своих дневниках Б.В. Никольский писал, что «политика Дальнего Востока создана

⁷¹⁷ РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 112. Л. 1–2.

⁷¹⁸ Там же. Д. 113. Л. 1–1 об.

⁷¹⁹ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1117. Л. 1–1 об.

⁷²⁰ *Кушнарев И.С. Жизнь и государственная деятельность А.Б. Лобанова-Ростовского (1844–1896) // Князь Алексей Борисович Лобанов-Ростовский – кузнец внешней политики. Дипломат, министр МИД, генеалог, историк, коллекционер / Сост.: Е.С. Федорова, Н.Д. Лобанов-Ростовский. М., 2022. С. 313–368.*

покойником Лобановым», Витте «зря вертелся у него между ног», а министр «глядел в историю глубоким взором истинного Рюриковича»⁷²¹.

«Московские ведомости» и, в большей степени, «Биржевые ведомости» накануне назначения Лобанова-Ростовского создали положительный информационный фон, выбирая для публикации комплементарные отзывы зарубежных изданий о личности предполагаемого министра.

22 февраля в «Биржевых ведомостях» вышла статья под названием «Толки о назначении нового русского министра иностранных дел»⁷²². В ней был дан краткий обзор вышедшей накануне иностранной прессы. Цитировалось сообщение из Вены для берлинской газеты *Berliner Tageblatt*, в котором говорилось о том, что «Лобанов-Ростовский займет свой новый пост министра иностранных дел в течение этой недели». Наличие высших наград Австро-Венгрии называлось «доказательством того, как ценили в Вене князя». Такие же сообщения приходили и из Парижа, где газета *Temps* в передовой статье выражала удовлетворение назначением «сановника чисто русского происхождения» на пост министра иностранных дел вместо человека, «носящего германское имя», «усматривала в этом залог возвращения к традициям ... князя Горчакова». Газета *Journal des Debats* указывала на продолжение миролюбивой политики России в случае назначения Лобанова-Ростовского. Кроме того, иностранная печать делала предположения о новом посланнике в Берлине, но в этом не шла «дальше одних предположений».

23 февраля «Биржевые ведомости» опубликовали статью «Венский официальный орган о князе Лобанове-Ростовском»⁷²³. В ней цитировались основные положения «руководящей статьи» в венской газете *Fremdenblatt*. Газета писала, что назначение Лобанова-Ростовского министром являлось «отрадным доказательством» «мирной тенденции русской политики». Газета выражала

⁷²¹ Никольский Б.В. Указ. соч. С. 104.

⁷²² Толки о назначении нового русского министра иностранных дел // Биржевые ведомости. 22 февраля 1895 г.

⁷²³ Венский официальный орган о князе Лобанове-Ростовском // Биржевые ведомости. 23 февраля 1895 г.

надежду, что, знакомый с реалиями венской политической жизни и вхожий к австрийскому императору, князь сможет «ознакомить своего государя» с идеями венских «политических кружков» и положениями австрийской политики, «способствовать сохранению дружественных отношений между обоими государствами». «Примиряющий образ мыслей» Лобанова-Ростовского являлся необходимым качеством, когда «повсюду господствует потребность в мире».

25 февраля в «Московских ведомостях» была опубликована статья «Отзывы о князе Лобанове-Ростовском»⁷²⁴. Материал представлял собой краткие выдержки из заграничной прессы. Сообщалось, что французские газеты «относятся с единодушным сочувствием к ожидаемому назначению» Лобанова. Ведущие издания отмечали приверженность Лобанова идеям европейского мира и сдержанность его характера. Британская *The Times* «удовлетворена» подобным назначением, видя в нем «гарантию» продолжения «миролюбивой политики» Гирса.

В отобранных «Биржевыми ведомостями» и «Московскими ведомостями» накануне назначения Лобанова-Ростовского материалах иностранной прессы выделялись два смысловых момента: продолжение традиционной линии на союз с Францией и предположения о возможном сближении с Австро-Венгрией, вызванные опытом Лобанова-Ростовского по взаимодействию с венским двором.

26 февраля Лобанов-Ростовский был назначен управляющим Министерством иностранных дел. Не успев вступить в должность российского посла в Германии, он срочно вернулся из Вены в Петербург.

27 февраля газеты посвятили большое количество материалов новоназначенному управляющему Министерством иностранных дел. В разделе «Телеграммы» «Московских ведомостей» друг за другом было опубликовано два сообщения от 26 февраля — «вчера из-за границы прибыл в Петербург князь Лобанов-Ростовский»; «князь Лобанов-Ростовский назначен управляющим

⁷²⁴ Отзывы о князе Лобанове-Ростовском // Московские ведомости. 25 февраля 1895 г.

Министерством иностранных дел»⁷²⁵. «Биржевые ведомости» поместили короткое сообщение: «Нам сообщают, что слухи о назначении князя Лобанова-Ростовского управляющим министерством иностранных дел официально подтверждаются»⁷²⁶.

28 февраля «Московские ведомости» в сравнении с другими газетами опубликовали самую большую серию материалов, связанных с новым управляющим Министерством иностранных дел. Назначение Лобанова-Ростовского освещалось как со стороны внутреннего наблюдателя (позиция редакции), так и со стороны внешнего (выдержки из европейских периодических изданий). В первом случае отмечался продолжительный срок государственной службы шестидесятилетнего министра, приобретенный им опыт, знакомство с внутренним положением России и ее «врагов» (под которыми понимались центральноевропейские державы и Османская империя). Анализ зарубежной прессы был достаточно поверхностным, приводились лишь в целом положительные отзывы без уточняющей конкретики. Общим для материалов являлась линия, показывающая непрерывность внешнеполитического курса России и верность Министерства иностранных дел задачам, поставленным перед страной еще императором Александром III. На первой полосе «Московских ведомостей» была опубликована обширная статья «Новый управляющий Министерством иностранных дел», посвященная личности князя Лобанова-Ростовского⁷²⁷. Газета назвала состоявшееся назначение «концом временному положению», в котором находилось Министерство иностранных дел после смерти Н.К. Гирса – «международные дела государства переданы в руки государственного деятеля, более полувека работавшего на пользу России». Лобанов-Ростовский назывался «одним из самых опытных русских дипломатов», газета отмечала его возможности «близко и подробно изучить вопросы международных отношений» и «глубже заглянуть в планы врагов России» благодаря прохождению службы в

⁷²⁵ Телеграммы // Московские ведомости. 27 февраля 1895 г.

⁷²⁶ Телеграммы «Биржевых ведомостей» // Биржевые ведомости. 27 февраля 1895 г.

⁷²⁷ Новый управляющий Министерством иностранных дел // Московские ведомости. 28 февраля 1895 г.

таких «важных политических центрах», как Константинополь и Вена. Особо отмечалось знакомство князя с политикой Германии и Австро-Венгрии. «Московские ведомости» обращали внимание, что в отличие от других представителей дипломатического корпуса, князь Лобанов был хорошо знаком и с внутренним положением России, так как он исполнял обязанности орловского губернатора и был товарищем министра внутренних дел. Газета подчеркнула, что несмотря на личные качества и таланты нового министра иностранных дел, политика России не должна измениться, так как «внешние отношения России уже давно твердо установлены и неуклонно идут по пути, указанному верховным вождем России», то есть императором Александром III. В том же номере в разделе «Иностранные известия» появилась статья «Иностранная печать о князе А.Б. Лобанове-Ростовском»⁷²⁸. Публикация такого рода материала стала возможной, по словам «Московских ведомостей», из-за того, что «западно-европейская печать успела ... заблаговременно высказаться» по поводу назначения нового управляющего МИД. «Московские ведомости» отметили, что в целом практически все органы зарубежной печати сочли нужным напомнить своим читателям, что внешняя политика России, «как и все государственное управление ее», «всецело покоится в руках самодержавного царя», а министры не представляли из себя самостоятельных фигур и являлись точными исполнителями «воли и начертаний» монарха. Однако данный факт не помешал «радостному одобрению» и признанию заслуг и способностей князя Лобанова почти во всех иностранных государствах. «Московские ведомости» привели первую реакцию прессы стран Тройственного союза. Так, берлинское издание *Berliner Tageblatt* отметило «великое напряжение» Европы в ожидании нового министра иностранных дел России и назначение Лобанова признали «знаменательным фактом» в деле укрепления европейского мира. Венская *Presse* назвала Лобанова-Ростовского одним из «выдающихся и искуснейших» представителей русской дипломатии. Газета отметила, что

⁷²⁸ Иностранная печать о князе А.Б. Лобанове-Ростовском // Московские ведомости. 28 февраля 1895 г.

новоназначенный глава МИД России всегда пользовался «высокомилостивым расположением» императора Александра III, «считавшего его истинно русским» и настоящим государственным человеком.

«Гражданин»⁷²⁹ и «Новое время»⁷³⁰ в этот же день опубликовали Высочайший приказ о назначении Лобанова-Ростовского. Однако «Гражданин» на протяжении последующих дней воздержался от какого-либо освещения событий, связанных с Министерством иностранных дел.

«Биржевые ведомости» опубликовали заметку под заглавием «Новый глава дипломатического ведомства»⁷³¹. В ней приводилась краткая биография «потомка древнейшей на Руси боярской фамилии». Газета отметила «замечательный такт, выдающиеся способности, богатые познания, спокойные суждения» как основные качества нового министра. «Русские ведомости» в этот день ограничились короткой телеграммой: «Опубликовано назначение посла при императоре германском Лобанова-Ростовского управляющим министерством иностранных дел»⁷³².

1 марта «Новое время» опубликовало короткую заметку «За границей о России», в которой привело выдержки из статьи венского корреспондента газеты Times⁷³³. Так, отмечалось, что хотя назначение князя министром «встречено сочувственно», имелось беспокойство по поводу кандидатуры будущего заместителя Лобанова-Ростовского. Кроме того, газета передала настроения венского двора, в котором признается большая заслуга князя в поддержании хороших отношений между Россией и Австро-Венгрией даже в самые тяжелые для двусторонних связей годы.

«Биржевые ведомости» в этот день опубликовали именной высочайший указ Правительствующему сенату на имя Лобанова-Ростовского⁷³⁴. В указе от

⁷²⁹ Правительственные известия // Гражданин. 28 февраля 1895 г.

⁷³⁰ Правительственные распоряжения // Новое время. 28 февраля 1895 г.

⁷³¹ Новый глава дипломатического ведомства // Биржевые ведомости. 28 февраля 1895 г.

⁷³² Телеграфические известия // Русские ведомости. 28 февраля 1895 г.

⁷³³ За границей о России // Новое время. 1 марта 1895 г.

⁷³⁴ Действия правительства // Биржевые ведомости. 1 марта 1895 г.

26 февраля сообщалось официально о назначении князя Лобанова-Ростовского «управляющим Министерством иностранных дел, с оставлением в званиях статс-секретаря и сенатора». 2 марта этот указ появился в «Московских ведомостях»⁷³⁵ и «Русских ведомостях»⁷³⁶.

3 марта в разделе «Внешние известия» «Новое время» опубликовало сообщения из Берлина, где в политических кругах выражалось сожаление, что Лобанов-Ростовский не задержался здесь на посту посла, и что недостаток времени не позволил «завязать *fühlung*» с будущим министром иностранных дел Российской империи⁷³⁷. Последние публикации «Нового времени» были посвящены реакциям Германии и Австро-Венгрии на назначение Лобанова-Ростовского. Представляется вероятным, что в них нашли отражение предположения о возможном ситуативном сближении России и центральных держав при новом министре иностранных дел.

«Вестник Европы» в очередных номерах за март и апрель никак не отреагировал на перемены в управлении МИД. В феврале Стасюлевич писал Соболевскому, очевидно имея в виду слухи о будущем главе внешнеполитического ведомства: «Нового у нас ничего нет; до сих пор новое было чистейшим враньем, а теперь, видно, даже и врать устали, так что и не врут больше, а слегка повторяют старое вранье: такого-то через две недели прогонят, такого-то на его место водрузят и т.п.»⁷³⁸.

3.3. Смерть А.Б. Лобанова-Ростовского

Смерть князя Лобанова-Ростовского 18 августа 1896 г. вызвала намного большее количество публикаций в большинстве периодических изданий, чем смерть Гирса или назначение самого Лобанова. Этот факт представляется интересным, так как в сообщениях современников не сохранилось информации о

⁷³⁵ Постановления и распоряжения Правительства // Московские ведомости. 2 марта 1895 г.

⁷³⁶ Официальный отдел // Русские ведомости. 2 марта 1895 г.

⁷³⁷ Внешние известия // Новое время. 3 марта 1895 г.

⁷³⁸ М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. V. С. 452.

сколько-нибудь серьезной борьбе за пост министра иностранных дел в 1896–1897 гг. Возможно, исключительное внимание некоторой части отечественной, так и зарубежной прессы к смерти Лобанова-Ростовского стоит объяснить обстоятельствами смерти министра иностранных дел. Руководитель внешней политики России скончался в ходе официального визита Николая II в Вену и накануне большого европейского путешествия русского царя в Германию, Данию, Великобританию и Францию. Это не могло остаться незамеченным, учитывая высокую степень освещения мероприятий, связанных с зарубежной поездкой Николая II. Б.В. Никольский писал: «Смерть Лобанова – прекрасна, так прекрасна и величественна, что благоговение перевешивает боль утраты»⁷³⁹. Также не стоит обходить стороной тот факт, что из-за короткого пребывания в должности князь Лобанов-Ростовский не успел заработать негативную репутацию в глазах как высшей бюрократии, так и общественности. Так, даже открыто называвший Лобанова «легкомысленным» С.Ю. Витте признавал, что министр был «опытный и культурный человек», который «не допустил бы многих событий в нашей политике, которые так плачевно окончились»⁷⁴⁰. Довольно критично настроенный к общему уровню петербургского политикума Б.В. Никольский в своих дневниках несколько раз возвращался к теме сравнения различных государственных деятелей первого периода николаевского царствования и приходил к выводу, что фигур, равных Лобанову-Ростовскому, не было. Он видел в министре истинное воплощение идеалов Александра III: «Это все завоевания Александра III и мудрая политика Лобанова. Япония, Китай, Турция, Абиссиния, Италия, Австрия, Англия: вот его кругозор, вот полукруг, связанный его нитями. Александр дал тон, Лобанов – исполнил»⁷⁴¹. В русской и зарубежной историографии также сложилось представление о Лобанове-Ростовском как опытном и искусном дипломате⁷⁴².

⁷³⁹ Никольский Б.В. Указ. соч. С. 116.

⁷⁴⁰ Витте С.Ю. Указ. соч. С. 409.

⁷⁴¹ Никольский Б.В. Указ. соч. С. 116.

⁷⁴² Lieven D.C.B. Op. cit. P. 69–70.

20 августа 1896 г., через два дня после смерти Лобанова-Ростовского, периодические издания начали одни из самых масштабных информационных кампаний по освещению внутривосточных событий 1894–1899 гг.

В контексте предстоящего европейского путешествия Николая II позиция всех рассматриваемых периодических изданий выглядела предельно ясной и, по всей видимости, направленной как на внутреннюю, так и на внешнюю аудиторию: задачей российской политики в Европе являлось поддержание европейского согласия и статус-кво, подчеркивалось значение Франции для российского внешнеполитического курса в ближайшее время. «Московские ведомости» отметили роль Лобанова-Ростовского в т.н. Тройственной интервенции 11 апреля 1895 г.⁷⁴³, решении армянского вопроса и критского кризиса 1896–1897 гг. – то есть роль министра в совместных с европейскими державами международных мероприятиях. На первой странице «Московских ведомостей» были опубликованы сообщение о смерти «статс-секретаря, министра иностранных дел» и даты панихид по покойному. За ними следовала редакционная статья под названием «Князь А.Б. Лобанов-Ростовский»⁷⁴⁴. В статье сообщались краткие обстоятельства смерти министра: «на пути из Вены в Киев, около Казатина, скончался неожиданно в поезде». Далее газета подробно остановилась на анализе деятельности князя Лобанова на посту управляющего МИД. «Московские ведомости» особо отметили знание министром «дипломатической истории и европейских дворов». Газета писала, что в основу своей деятельности Лобанов-Ростовский положил «стремление к сохранению европейского мира». Лучшим залогом мира, как сообщала статья, стало развитие отношений с Францией «согласно заветам императора Александра III». В то же время союз с Францией не означал «препятствия для поддержания общеевропейского согласия». «Памятником миролюбивой политики» назвали «Московские ведомости» отношение России к

⁷⁴³ Заявления России, Франции и Германии с требованием пересмотра Симоносекского договора Японии и Китая, заключенного по итогам японо-китайской войны 1894–1895 гг.

⁷⁴⁴ Князь А.Б. Лобанов-Ростовский // Московские ведомости. 20 августа 1896 г.

японо-китайской войне, «армянским и критским делам». В отличие от статей после смерти Н.К. Гирса, в данном материале отмечалось хорошее здоровье умершего министра. Была приведена краткая биография и послужной список покойного, а также отмечен вклад Лобанова в российскую историческую науку – собрание книг и документов по отечественной истории XVIII в. Завершило статью утверждение о том, что несмотря на полтора года управления МИД, память о князе Лобанове-Ростовском «останется навсегда в истории нашей иностранной политики». Раздел «Телеграммы» был посвящен международной реакции на смерть российского министра иностранных дел⁷⁴⁵. В сообщении из Парижа говорилось о «выражении соболезнования», которое отправил Николаю II президент Франции Феликс-Франсуа Фор. Вторая телеграмма из французской столицы кратко сообщала о реакции парижского общества на смерть князя Лобанова: публикация утром «особых выпусков» газет, которые «раскупались публикой нарасхват», публикация вечерних статей, полных «похвал и выражений симпатии» управляющему российского МИД. Корреспондент «Московских ведомостей» особо отметил реакцию *Journal*, где говорилось о неизбежности продолжения политики Лобанова-Ростовского его преемником. Стоит отметить, что реакцию французских политиков, общества и прессы «Московские ведомости» опубликовали перед сообщениями из других стран. За французскими телеграммами были напечатаны германские. В первом коротком сообщении из Берлина говорилось о дате панихиды в церкви русского посольства. Второе сообщение из Берлина было посвящено реакции «Северо-Германской всеобщей газеты». В материалах немецкой газеты Россия называлась «дружественным» государством, а Лобанов-Ростовский – «опытным руководителем иностранной политики». Высоко оценивала газета результаты внешнеполитических действий российского министра, отмечала доверие, оказываемое ему в Берлине и Вене. Немецкое издание выразило уверенность, что преемнику Лобанова удастся продолжить «миролюбивую» политику России и укрепить российско-германские отношения.

⁷⁴⁵ Телеграммы // Московские ведомости. 20 августа 1896 г.

Не особо отличалась от немецкой реакция австро-венгерской прессы. *Fremdenblatt* назвала Лобанова «миролюбивым государственным мужем», а *Neue-Freie Presse* охарактеризовала смерть министра как «тяжелую потерю для русского царя» и государства, и отметила, что значение России в Европе при Лобанове «сильно возвысилось». С большим сожалением газета написала о возможном срыве переговоров российского МИД с министром иностранных дел Австро-Венгрии графом Агенором Голуховским (Младшим). Из-за смерти Лобанова-Ростовского *Neue-Freie Presse* выразила сомнение в возможности его преемника «содействовать соглашению противоположных интересов и сохранению мира».

«Новое время» практически всю редакционную статью посвятило апологетике российской «миролюбивой» политики и категорически отвергло предположения о какой-либо самостоятельной роли царского министра в ее проведении⁷⁴⁶. В отличие от «Биржевых ведомостей» «Новое время» сравнило Лобанова-Ростовского не с Горчаковым, а с дипломатами XVII–XVIII вв. Как писала газета, неожиданная кончина князя «вызовет неизбежно в иностранной печати множество толков» о возможных последствиях для международной политики этого печального события. С именем министра связывался «целый цикл представлений, стремившихся объяснить причины поразительных успехов этой политики за два последние года». «Кривотолками» и «нелепостями» назвало «Новое время» предположения в западной прессе о возможном изменении русской внешней политики из-за смерти Лобанова-Ростовского. Западноевропейской публике «понадобится некоторое время», чтобы понять, что эта тяжелая потеря никак не повлияет на международные отношения и продолжение проводимой Россией «политики мира». Газета отметила, что внешняя политика империи проводилась «державной волею верховного вождя русского народа», и как бы ни был талантлив почивший министр, с его «исчезновением с политической арены» ничего не изменится. Далее «Новое время» разместило большой некролог⁷⁴⁷, в

⁷⁴⁶ С.-Петербург, 19-го августа // Новое время. 20 августа 1896 г.

⁷⁴⁷ Князь А.Б. Лобанов-Ростовский. Некролог // Новое время. 20 августа 1896 г.

котором отмечало, что покойный принадлежал к «школе старых бояр-дипломатов», которые «с екатерининского времени сделались у нас довольно редкими», тем, кто не боялись того, «что о нас скажет Европа» и осознавали, что «великой стране должны неотъемлемо принадлежать великие задачи и право на великое существование в среде других европейских держав». Газета отметила, что Лобанов способствовал «изолированию Японии, привлечению Германии к совместным действиям с Россией и Францией и сохранению неприкосновенности Китая». Кроме того, было подчеркнуто решение проблемы отношений с Болгарией, восточный вопрос и укрепление дружбы с Францией. Задачей преемника министра газета назвала обязанность «продолжать ... мирные политические задачи России». Затем была приведена подробная биография покойного. В разделе телеграмм «Новое время» опубликовало подробные сообщения о смерти министра под Киевом («скончался от разрыва сердца»), и о панихиде, на которой присутствовали члены императорской фамилии⁷⁴⁸. Телеграмма из Вены передавала сообщения австрийской прессы. *Fremdenblatt* писала, что Лобанов-Ростовский чувствовал себя нездоровым уже в Вене. *Neur Freie Presse* сожалела о преждевременной кончине князя, т.к. его переговоры с Голуховским привели к полному соглашению по восточному вопросу, газета не выражала оптимизма по поводу продолжения переговоров в том же ключе при преемнике Лобанова-Ростовского. Сообщение из Парижа говорило о том, что президент Франции немедленно отправил Николаю II телеграмму с выражением искреннего соболезнования, министр иностранных дел республики лично выразил сожаление русскому послу, а французский посол в Петербурге – семье Лобанова-Ростовского. Газета *Temps* отмечала, что политика Лобанова была политикой царя, и от смерти министра эта политика «не исчезнет из преданий России». Кроме того, так же, как и в «Московских ведомостях», были опубликованы сообщения о общей реакции в Париже и Берлине на смерть министра.

⁷⁴⁸ Корреспонденция «Нового времени» (по телеграфу) // Новое время. 20 августа 1896 г.

«Биржевые ведомости» так же начинают освещение смерти Лобанова-Ростовского с редакционной статьи на первой полосе под названием «События дня»⁷⁴⁹. Газета подчеркнула возвращение престижа русской дипломатии к тому положению, что было при Горчакове, кроме того, расширяя список заслуг покойного, отметила практически все ключевые международные конфликты последнего года. Было подчеркнуто всеобщее «глубочайшее сожаление», охватившее Россию и дипломатические сферы иностранных государств. Замечено, что Лобанов принадлежал к «числу тех новых людей, которых выдвинуло нынешнее царствование». Кроме того, под руководством министра сохранился «прежний миролюбивый характер» русской внешней политики и, более того, эта политика получила «руководящее значение и общее уважение», которые были ей присущи «в лучшие годы канцлерства князя Горчакова». «Биржевые ведомости» напомнили читателям два важных международных процесса, в которые прямо или косвенно был включен покойный: «чрезмерные притязания победоносной Японии, угрожавшие независимости Кореи и Китая», а также «волнения, беспорядки и восстания в Турции». В результате деятельности русской дипломатии два кризиса были урегулированы без стратегических потерь для России. «Биржевые ведомости» отметили, что франко-русский союз при Лобанове-Ростовском «приобрел новую устойчивость», остальные проблемы, связанные с «примирением с Болгарией», позицией по итало-абиссинскому конфликту и египетскому вопросу, были решены в духе «истинных интересов русской внешней политики». В заключение «Биржевые ведомости» написали, что князь «оставил прекрасное наследство своему будущему преемнику», т.к. «внешние дела России давно не находились в таком благоприятном положении». Было отмечено, что «благие намерения и любовь к родине» дадут Николаю II возможность «найти нового достойного исполнителя своих предначертаний» и дальнейшее развитие миролюбивой политики «обеспечит России тот мир, в котором она нуждается для нового прироста своих умственных и материальных богатств». Следом за этой

⁷⁴⁹ События дня // Биржевые ведомости. 20 августа 1896 г.

статьей был напечатан обширный некролог под названием «Князь Алексей Борисович Лобанов-Ростовский»⁷⁵⁰. Приведена подробная биография покойного, отмечены положительные качества его характера. В разделе «Общественная жизнь» было опубликовано сообщение об отъезде в Киев управляющего министерством иностранных дел Шишкина и о поручении управления советнику графу Ламсдорфу⁷⁵¹. Телеграммы «Биржевых ведомостей»⁷⁵² повторяли в точности сообщения, размещенные в «Новом времени», отличаясь лишь порядком: сначала шли сообщения из Вены, затем из Берлина и Парижа.

«Русские ведомости» опубликовали телеграмму с кратким сообщением о смерти Лобанова-Ростовского⁷⁵³. Далее был напечатан краткий некролог с перечислением дипломатических и исторических заслуг покойного⁷⁵⁴.

Все газеты тщательно формировали первые сообщения по смысловым категориям. Говоря о Франции, издания подчеркивали эмоциональную сторону реакции общества и официальных лиц, сообщения способствовали формированию симпатии к Франции и французам среди читателей. Сообщения из Германии были представлены в исключительно деловом и сухом ключе. Австро-Венгрия представлялась без особой индивидуальности, но затрагивались потенциальные проблемы в отношениях с Россией, связанные с переговорами о возможном русско-австрийском соглашении по сохранению статус-кво на Балканах⁷⁵⁵. Стоит отметить, что, если «Московские ведомости» традиционно первыми печатали сообщения из Парижа, «Биржевые ведомости» и «Новое время» больше внимания уделяли реакции центральных держав.

21 августа газеты сконцентрировались на передаче и анализе иностранных сообщений, посвященных смерти Лобанова-Ростовского. Иностранные телеграммы более подчеркивали стабильность внешнеполитического курса

⁷⁵⁰ Князь Алексей Борисович Лобанов-Ростовский // Биржевые ведомости. 20 августа 1896 г.

⁷⁵¹ Общественная жизнь // Биржевые ведомости. 20 августа 1896 г.

⁷⁵² Телеграммы «Биржевых ведомостей» // Биржевые ведомости. 20 августа 1896 г.

⁷⁵³ Телеграфические известия // Русские ведомости. 20 августа 1896 г.

⁷⁵⁴ Кн. А.Б. Лобанов-Ростовский (Некролог) // Русские ведомости. 20 августа 1896 г.

⁷⁵⁵ История внешней политики России. Т. 5. С. 110–111.

России, чем формировали образ той или иной европейской страны; создавали представление об устойчивости европейского баланса сил и международной солидарности. В то же время прослеживалась тема сохранения и укрепления русско-французских отношений, а также продолжающиеся переговоры с Австро-Венгрией. Раздел «Телеграммы» номера «Московских ведомостей» содержал большое количество материалов касательно реакции на смерть Лобанова-Ростовского⁷⁵⁶. Согласно сообщению из Петербурга, дипломатические представители Франции, Германии, Австрии, Турции и Китая выразили «управляющему МИД графу Ламздорфу» соболезнование по случаю кончины министра иностранных дел князя Лобанова-Ростовского. В порядке перечисления стран можно увидеть некую иерархию внешнеполитических интересов России в данный период. Российское телеграфное агентство сообщило из Киева более подробные сведения о кончине князя Лобанова, скончавшегося во время остановки царского поезда; отметило, что «по случаю кончины» министра Николай II повелел отменить иллюминацию Киева. Снова политике, только на этот раз внутренней, придаются человеческие черты, призванные отметить особое отношение царя к внешней политике страны и своим министрам. Из Вены были опубликованы телеграммы, сообщающие о соболезнованиях австро-венгерского дипломатического корпуса, посещении графом Глуховским русского посла и панихиде в русской церкви. «Московские ведомости» напечатали выдержки из статьи венской газеты *Fremdenblatt*, которая назвала «бесспорное миролюбие» выдающейся чертой политики князя Лобанова и подчеркнула, что Россия «стояла непоколебимо рядом» с теми державами, которые «отклоняли крупные территориальные или политические перемены на востоке». Газета выразила уверенность, что будущий русский министр иностранных дел не изменит «испытанную политику» князя Лобанова. Данной публикацией «Московские ведомости» отметили стремление России к продолжению политики мирного урегулирования восточного вопроса и ситуации на Дальнем Востоке.

⁷⁵⁶ Телеграммы // Московские ведомости. 21 августа 1896 г.

Продолжилось подчеркивание важности русско-французского сближения. Парижский корреспондент привел сообщение газеты *Temps*, которая назвала политику министра иностранных дел «политикой самого царя» и предположила, что эта политика «не погибнет со смертью одного человека». Уверенность в неизменности русского внешнеполитического курса выразил и *Journal des Débats*. Берлинский корреспондент передал в общих чертах настроения немецкого общества, выраженные на страницах *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, *National-Zeitung*, *Vossische-Zeitung*, *Kreuzzeitung* и *Tageblatt* – сожаление и подчеркивание стремлений Лобанова-Ростовского «к поддержанию мира». Также было напечатано сообщение о «соболезнованиях русскому правительству от германского» через германского поверенного по делам в Петербурге. Корреспондент из Лондона сообщил о панихиде в русской церкви и реакции *The Times* на смерть Лобанова-Ростовского. Лондонский печатный орган указал на «необыкновенный успех» стремлений князя Лобанова «согласить политику Гирса с политикой графа Игнатьева». Также, как и другая иностранная пресса, *The Times* не увидела предпосылок для перемен в русской политике. Газета заявила, что Россия при Лобанове не стремилась к расширению территорий, «могущему повлечь к войне». Телеграммы из Рима сообщили о соболезнованиях короля Италии и министров, а также о реакции газет, написавших о «миролюбивом государственном деятеле». В последнем сообщении из Софии говорилось о панихиде, устроенной «по указанию князя Фердинанда». В том же номере в разделе «Московская жизнь» была опубликована небольшая заметка о панихиде, которая состоялась днем ранее в здании Главного архива Министерства иностранных дел⁷⁵⁷. Завершила номер большая биография «Князь Лобанов-Ростовский», представляющая собой весьма подробный некролог⁷⁵⁸. Газета вновь перечислила все заслуги покойного на государственной службе.

⁷⁵⁷ *Московская жизнь* // *Московские ведомости*. 21 августа 1896 г.

⁷⁵⁸ *Князь Лобанов-Ростовский* // *Московские ведомости*. 21 августа 1896 г.

Стоит отметить, что «Биржевые ведомости» и «Новое время» снова уделили большое внимание прессе Германии и Австро-Венгрии, особенно реакциям, связанным с русско-австрийскими переговорами. «Новое время», подчеркивая позитивную оценку отношений с Россией центральными державами, отметило идейное единство в публикациях всех европейских стран, кроме Великобритании. Кроме того, «Новое время» впервые обратилось к обзору реакций петербургской печати. В небольшой аналитической статье⁷⁵⁹ редакторы «Нового времени» писали о том, что все известные отзывы иностранной печати о внезапной кончине Лобанова-Ростовского «отличались полным согласием взглядов» не только на заслуги министра, но и на возможные последствия этого события, т.е. сохранение внешнеполитического курса России, «примиряющего и авторитетного», неизменным. Газета не видела в этом «ничего неожиданного» и отмечала, что даже центральные державы при Лобанове поняли, что русско-французский союз не грозит им, а напротив, «может принести существенные выгоды». «Новое время» подчеркнуло, что лишь в Англии надеялись на «перемену направления в международной политике России» и, возможно, не присоединятся к стройному хору европейских соболезнований и сожалений. Под названием «Среди газет и журналов» в «Новом времени» вышел небольшой обзор материалов петербургской печати, посвященных смерти Лобанова-Ростовского⁷⁶⁰. Был перепечатан официальный некролог «Правительственного вестника». Газета «Свет» писала о том, что Лобанов был «убежденным сторонником франко-русского союза» и идеи сближения славянских народов. «Новости» были убеждены, что идеал Лобанова, «Россия миролюбивая и сильная», сохранится таким и для его преемника. Было приведено сообщение из редакционной статьи «Биржевых ведомостей», разобранные ниже. «Сын отечества» отметил роль Лобанова в оформлении союза с Францией и в примирении последней с Германией. В том же номере вышла

⁷⁵⁹ С.-Петербург, 20-го августа // Новое время. 21 августа 1896 г.

⁷⁶⁰ Среди газет и журналов // Новое время. 21 августа 1896 г.

обширная статья под названием «Исторические труды князя А.Б. Лобанова-Ростовского»⁷⁶¹.

«Биржевые ведомости» в очередной раз постулировали тезис о неизменности политики при преемнике Лобанова-Ростовского, однако отметили, что личность министра все же имела значение, особенно если сравнивать покойного и его «мало даровитых» предшественников (вероятно, газета таким образом критиковала Гирса)⁷⁶². Газета согласилась с мнением о том, что «руководящие нити русской политики» не изменятся с приходом преемника Лобанова. «Биржевые ведомости» сравнили его значение для международной политики со значением Меттерниха или Бисмарка. Газета отметила, что на таком посту талантливый человек имел далеко идущее влияние, распространяющееся за пределы международных отношений. В разделе «Телеграммы» были приведены краткие выдержки из венской газеты *Fremdenblatt*⁷⁶³. Так, газета отметила «миролюбие» князя, единодушие с Россией в деле решения восточного вопроса. Россия, писала газета, в лице Лобанова-Ростовского «потеряла государственного деятеля, которого не легко будет заменить, а Австро-Венгрия – точного знатока ее положения и горячего друга». Были приведены краткие сообщения из Рима и Парижа, Берлина, Лондона и Софии, повторяющие опубликованное в «Московских ведомостях». Стоит отметить, что «Новое время» опубликовало те же телеграммы: из Вены, Берлина, Софии, Лондона; но парижские телеграммы в этом издании отсутствовали⁷⁶⁴.

«Русские ведомости» напечатали короткие международные телеграммы с описанием реакций официальных лиц иностранных государств на смерть Лобанова⁷⁶⁵.

22 августа «Московские ведомости» четко обозначили, что курс на русско-французское сближение, поддержание статус-кво в Европе и продвижение России

⁷⁶¹ Исторические труды князя А.Б. Лобанова-Ростовского // Новое время. 21 августа 1896 г.

⁷⁶² События дня // Биржевые ведомости. 21 августа 1896 г.

⁷⁶³ Телеграммы «Биржевых ведомостей» // Биржевые ведомости. 21 августа 1896 г.

⁷⁶⁴ Корреспонденция «Нового времени» (по телеграфу) // Новое время. 21 августа 1896 г.

⁷⁶⁵ Телеграфические известия // Русские ведомости. 21 августа 1896 г.

в дальневосточном регионе являлся национальным курсом России. Газета напомнила о неизменности внешнеполитического курса и исключительной роли царя в его формировании. «Московские ведомости» обратились к российской периодике: в рубрике «Дневник печати» была опубликована статья «Еще о князе А.Б. Лобанове-Ростовском», в которой давались некоторые выдержки из материалов «Правительственного вестника»⁷⁶⁶. Официальный орган печати называл покойного министра «высокопросвещенным государевым сотрудником», писал о том, что его труды «находили высочайшую оценку со стороны престола». Были приведены цитаты из рескрипта, опубликованного по случаю награждения покойного орденом Андрея Первозванного, в котором царь выражал уверенность, что Лобанов «будет продолжать» его собственный национальный курс, то есть, по словам газеты, «разделять царственные труды в деле служения интересам России в области внешней политики».

«Гражданин» на 5-й странице начал подробное освещение путешествия императорской семьи в Европе, на 15-й странице сообщил об отъезде Шишкина в Киев и только на 19-й наконец сообщил о смерти Лобанова-Ростовского⁷⁶⁷. Автор небольшой заметки увидел «что-то символическое» в неожиданной смерти министра в разгар путешествия по Европе, смерти, которая «оставила монарха одного перед европейскими кабинетами». «Гражданин» подчеркнул, что Россия «стала высоко над другими государствами Европы» лишь когда Александр III принял иностранную политику в свои руки и министр стал только «исполнителем его предначертаний». «Намеки на собственную роль» министра иностранных дел «Гражданин» назвал «попытками покушаться на дело премудрости покойного государя». Смерть министра показала всей Европе, что внешняя политика России находится всецело в руках царя, а появление Николая в европейских столицах без министра будет свидетельством «единовластного царского разума».

⁷⁶⁶ Еще о князе А.Б. Лобанове-Ростовском // Московские ведомости. 22 августа 1896 г.

⁷⁶⁷ Дневники // Гражданин. 22 августа 1896 г. С.19–20.

«Биржевые ведомости»⁷⁶⁸ и «Русские ведомости»⁷⁶⁹ опубликовали телеграммы из Берлина и Парижа с сообщениями о панихидах по Лобанову-Ростовскому. «Новое время» в этот день никаких публикаций не делало.

23 августа наблюдалось некоторое затухание информационных кампаний. В «Московских ведомостях» была опубликована статья «Болезнь князя Лобанова-Ростовского»⁷⁷⁰. В ней приводились выдержки из материала венской газеты *Fremdenblatt*, которая утверждала, что министр иностранных дел России уже в Вене «чувствовал себя не вполне здоровым» и есть все основания полагать, что он «простудился в Вене». Однако данный сюжет не получил развития в дальнейших публикациях «Московских ведомостей», несмотря на продолжившееся своеобразное освещение Австро-Венгрии.

«Гражданин» и «Биржевые ведомости» в это день не опубликовали никаких материалов, относящихся к Министерству иностранных дел. «Новое время» проанализировало реакцию иностранной прессы, сравнив французскую и английскую⁷⁷¹. Впервые появилось детальное изложение английской позиции, явно выбивавшееся из остальных сочувственных реакций. Так, французская газета *Temps* писала о поразительном моменте «торжества» внешней политики России, в разгар которого скончался князь Лобанов. Газета отмечала, что политика России не изменится, а «дипломатической революции» ждать не стоит, т.к. Лобанов не Ришелье, а Николай II не Людовик XIII. Кроме того, несмотря на то, что политика России основывалась на «державной воле», газета указывала на исключительные заслуги министра в деле русско-французского сближения. Далее «Новое время» цитировало «менее симпатичные» отзывы прессы английской, которые объяснялись «рядом дипломатических неудач», которые постигли Великобританию в последние годы. *The Times* писала о том, что политика Лобанова была «активной и захватывающей», а сам он обращался к Англии «в

⁷⁶⁸ Телеграммы «Биржевых ведомостей» // Биржевые ведомости. 22 августа 1896 г.

⁷⁶⁹ Телеграфические известия // Русские ведомости. 22 августа 1896 г.

⁷⁷⁰ Болезнь князя Лобанова-Ростовского // Московские ведомости. 23 августа 1896 г.

⁷⁷¹ Внешние известия // Новое время. 23 августа 1896 г.

резком тоне». В другой статье ведущая английская газета писала, что политика России вряд ли изменится. С этим мнением согласилась *Daily Telegraph*. *Daily News* «не прощала князю Лобанову его враждебного Англии образа действия в армянском вопросе» и желала смены русской политики при его преемнике. Критикой армянской политики России ей вторила *Westminster Gazette*. *Daily Chronicle* называла Лобанова «великим, но дурно инспирированным советником», который «усилил влияние России на Западе, но зато ослабил его на Востоке». Английская газета выразила удовольствие, что смерть произошла во время путешествия Николая II по Европе и выразила надежду, что Великобритании удастся достигнуть с русским царем соглашения о «ликвидации восточного вопроса». В следующей короткой заметке «Новое время» писало о гипотезах, высказанных в иностранной печати касательно возможного преемника князя Лобанова. Кроме того, впервые были высказаны предположения о возможных преемниках Лобанова-Ростовского. Газета отметила, что эта печать руководствовалась при этих предположениях «преимущественно своими симпатиями и надеждами». Так, германская пресса видела новым министром П.А. Шувалова, английская – Е.Е. Стааля, а французская – А.П. Моренгейма или А.И. Нелидова. В одном духе с «Биржевыми ведомостями» была выдержана мысль о том, что личные заслуги министра в деле укрепления русско-французского союза имели значение, несмотря на руководство этой политикой лично царя.

«Русские ведомости» опубликовали короткую телеграмму из Софии, описали реакцию болгарских газет «по поводу великой утраты», которую представляла собой кончина Лобанова-Ростовского для Болгарии⁷⁷². На этом «Русские ведомости» прекратили публиковать материалы, связанные с этим сюжетом.

24 августа центральной темой публикаций периодических изданий стала английская печать и ее реакция на смерть Лобанова-Ростовского. В целом, через публикацию данных сообщений еще раз подчеркивались сильные с точки зрения

⁷⁷² Телеграфические известия // Русские ведомости. 23 августа 1896 г.

редакций стороны российского внешнеполитического курса. Интересен допуск в печать в «Московских ведомостях» сообщения о «преступлениях относительно турецких христиан», под которыми, очевидно, имелась в виду политика России (совместная с Великобританией и другими европейскими державами) по подавлению критских освободительных движений. В «Московских ведомостях» появилась большая статья с обзором публикаций заграничной прессы под названием «Иностранная печать о князе Лобанове-Ростовском»⁷⁷³. Интересны выдержки (уже публиковавшиеся в «Биржевых ведомостях» 21 августа) из австрийской газеты *Fremdenblatt*, которая в передовой статье написала о том, что князь Лобанов вполне оправдал надежды, «которые возлагались на его деятельность при самом его вступлении на пост министра», подчеркнула «миролюбие» его политики и твердое следование «пути своего предшественника». Издание отметило, что Россия «потеряла в покойном князе нелегко заменимого выдающегося государственного деятеля», а Австро-Венгрия – «точного знатока ее дел и искреннего друга». Остается непонятным, чьи надежды оправдал Лобанов-Ростовский, Австро-Венгрии (которую в других материалах косвенно называли «врагом» России) или российской общественности. Остальная часть статьи была посвящена обзору английской прессы. «Московские ведомости» отметили, что все английские газеты «поместили пространные биографии покойного», но в передовых статьях содержалась одна общая черта – «недружелюбие, даже ненависть к покойному». Особенное «недружелюбие», по утверждению редакции, «проявила либеральная и радикальная печать». Так, *Daily News* писала о том, что «дипломату не место во главе министерства» и утверждала, что «эгоистичная политика» покойного была безуспешной и все «здание, которое он строил, распалось как карточный домик». *Daily Chronicle* назвала внезапную кончину покойного «наказанием за его преступления относительно турецких христиан». *Westminster Gazette* признала, что князь Лобанов в течение двенадцати месяцев до своей смерти

⁷⁷³ Иностранная печать о князе Лобанове-Ростовском // Московские ведомости. 24 августа 1896 г.

был «самою выдающейся личностью в политике как Дальнего, так и Ближнего Востока», но это стало возможным (как и миролюбивая политика России) только благодаря «попустительству» великих держав. На фоне этих публикаций «Московские ведомости» особо выделили The Times, которая отметила все заслуги князя для русской политики и написала о неизменности российского внешнеполитического курса при преемнике князя Лобанова. Газета Standart написала о перемене русской политики «из медленной в быструю, из нерешительной в решительную, из боязливо-осторожной в твердую», но, в то же время, обвинила Лобанова в том, что он «пользовался страхом перед войной» как удобным «щитом» и «могучим помощником» для расширения Российской империи. В завершение газета отметила, что «английский народ слишком великодушен и слишком уверен в себе», чтобы «рассчитывать получить выгоду от кончины неусыпного противника». Последняя фраза не оставила редакцию «Московских ведомостей» равнодушной, и она отметила, что «великодушные англичан» вполне может быть понятно, так как Россия вступила «на истинно национальный путь в иностранной политике» и с него уже «не сойдет».

«Новое время» отдельно сравнило позиции Германии и Великобритании, положительно оценив конструктивное русло русско-германских отношений. В преддверии государственного визита Николая II в Великобританию интересным видится ухудшение медийного образа последней на страницах «Московских ведомостей» и «Нового времени» вместе с подробным изложением британской критики внешнеполитического курса России, включая неприятное для российского общественного мнения обвинение в преследовании христиан. «Новое время» опубликовало аналитическую статью с обзором публикаций английской прессы и некоторыми соображениями насчет русской внешней политики⁷⁷⁴. Так, «Новое время» писало, что английская печать оказалась «в диссонансе» с печатью континентальной Европы, была сдержана «в оценке заслуг, оказанных делу европейского мира», и громко признала, что покойный русский министр «играл не

⁷⁷⁴ С.-Петербург, 23-го августа // Новое время. 24 августа 1896 г.

только видную, но и преобладающую роль» в дипломатических неудачах Великобритании. Единственное, в чем британская пресса была солидарна с остальной, так это в отсутствии надежд на перемену российского внешнеполитического курса. «Верховная воля, опирающаяся на зрело обдуманную политическую цель», пишет газета, будет и дальше вести политику России тем курсом, который она избрала. Германия, в отличие от Великобритании, «поступила как нельзя более целесообразно», учитывая в своих действиях интересы Франции и России. Продолжающееся заграничное путешествие Николая II, согласно позиции «Нового времени», лишь укрепит мир в Европе и Великобритании следовало бы смириться с этим. В рубрике «Среди газет и журналов»⁷⁷⁵ «Новое время» привело выдержки из «Варшавского курьера» по поводу смерти Лобанова-Ростовского, где ведущая польская газета «воздаст должное» внешнеполитическим успехам покойного министра. Столь же «сочувственный» материал был опубликован и варшавским «Утренним курьером».

«Биржевые ведомости» в этот день основной акцент сделали на личных воспоминаниях о покойном министре. В разделе «О чем говорят и пишут»⁷⁷⁶ появился ряд выдержек из заграничной прессы, «рисующих отдельные черты характера покойного министра». По большей части эти выдержки представляли собой воспоминания, опубликованные в газетах Nord, Gaulois и Neue Feire Presse. В них затрагивалась страсть покойного к коллекционированию антиквариата.

25 августа «Новое время» стремились показать негативную реакцию всех европейских стран на политику Великобритании и их солидарность с Россией по ключевым вопросам. Кроме того, снова делались предположения о возможных преемниках министра. «Новое время» опубликовало письмо некоего Л.Г. из Вены под названием «Смерть князя Лобанова-Ростовского»⁷⁷⁷. В нем приводились впечатления этого человека от общения с разными людьми по поводу кончины

⁷⁷⁵ Среди газет и журналов // Новое время. 24 августа 1896 г.

⁷⁷⁶ О чем говорят и пишут // Биржевые ведомости. 24 августа 1896 г.

⁷⁷⁷ Смерть князя Лобанова-Ростовского // Новое время. 25 августа 1896 г.

русского министра, описывалась реакция простых людей и сотрудников австрийского министерства иностранных дел. Все отмечали исключительный характер, который приобрели отношения России и Австро-Венгрии при Лобанове, особенно по восточному вопросу. Кроме того, были отмечены проблемы со здоровьем, которые проявились у Лобанова в Вене накануне его смерти. Выдержка из *Journal de St.-Petersbourg* говорила о том, что имя Лобанова «будет сиять ярким блеском» среди всех людей, когда-либо управлявших Министерством иностранных дел Российской империи⁷⁷⁸. Далее «Новое время» писало о том, что публикации лондонских газет вызвали негативную реакцию во всей Европе и в глазах прессы стали лучшим доказательством успехов русской политики в противостоянии с Англией. «Новое время» жестко раскритиковало публикацию английской газеты *Standart* и ее идею о том, что смертью Лобанова «Божественный промысел покровительствует Англии и карает ее врагов». Английская газета негативно оценила деятельность Лобанова-Ростовского в армянском вопросе и едко заметила, что России будет сложно подыскать такого же министра, который бы так же негативно относился к Англии. Газета выразила надежду, что «политика, которой следовал князь Лобанов, не переживет своего виновника». В этом же, как парировало «Новое время», *Standart* «жестко ошибалась». Далее «Новое время» вернулось к теме заграничных догадок о преемнике министра. Помимо уже называвшихся имен, газета отметила Д.А. Капниста, директора азиатского департамента МИД и П.А. Капниста, российского посла в Вене.

«Биржевые ведомости» подчеркнули единение, охватившее печать континентальной Европы в преддверии визитов Николая II в европейские столицы. В короткой статье «Известие о кончине князя Лобанова-Ростовского за границей»⁷⁷⁹ газета писала, что «наиболее сильное впечатление» кончина князя произвела во Франции, где в ней «увидели потерю истинного друга». В таком же

⁷⁷⁸ Внешние известия // Новое время. 25 августа 1896 г.

⁷⁷⁹ Известие о кончине князя Лобанова-Ростовского за границей // Биржевые ведомости. 25 августа 1896 г.

духе были выдержаны публикации германской и австрийской печати. Все они, равно как и недружелюбно настроенная английская печать, сходились в том, что внешнеполитический курс России не изменится. «Царь Николай, – писала Temps, – единственный творец и источник своей политики».

26 августа наблюдался миролюбивый настрой «Московских ведомостей» по отношению к Германии, впервые подчеркивалась «человечность» реакции немецкого общества на смерть Лобанова-Ростовского. Присутствовали некоторые намеки на антианглийский характер континентальных отношений, что ясно показывало в своих публикациях за этот день «Новое время». Можно предположить, что столь подробная подборка сообщений немецкой прессы была связана именно с визитом Николая II в Берлин. Кроме того, «Московские ведомости» подчеркнули политическую ангажированность вчерашних обвинений английской прессы в преследованиях греческих христиан, представив участие России в критском вопросе как часть общей линии по противостоянию «вероломной» политике Англии. «Московские ведомости» в разделе «Иностранные известия» напечатали обзор немецкой прессы под названием «Германская печать о князе Лобанове-Ростовском»⁷⁸⁰. Стоит отметить, что публикация вышла одновременно с высочайшим визитом Николая II в Германию. Кончина князя Лобанова-Ростовского, по утверждению «Московских ведомостей», вызвала во всей германской печати «самые сочувственные выражения соболезнования», причем не только в печати, «сочувственно относившейся к России», но и в печати, поддерживающей «вражду к восточному соседу». «Кельнская газета» писала, что за время работы Лобанова-Ростовского на посту министра иностранных дел «укрепилось убеждение», что «Русская империя, занятая на востоке великими планами», в Европе проводит «искренно миролюбивую политику» и не позволяет использовать свои ресурсы для пользы «чужих шовинистских планов». «Гамбургский корреспондент» писал и про личные качества Лобанова-Ростовского, отмечая его любовь к искусству, но утверждал,

⁷⁸⁰ Германская печать о князе Лобанове-Ростовском // Московские ведомости. 26 августа 1896 г.

что покойный «был слишком реальный политик», который думал только о «величии и могуществе России». «Корреспондент» заметил, что Лобанов считал мирную политику и «добрые отношения к тройной лиге» полезными в интересах России и что отношения России и Германии в последние годы «стали заметно дружественнее и теплее». «Силезская газета» единственная из всех европейских газет заметила, что «заметное сплочение европейских держав против вероломной политики Англии» является главным образом итогом деятельности Лобанова-Ростовского, и что лучшим доказательством этому является деятельность российского МИД «при окончании японско-китайской войны» и во время «некоторых беспорядков в Турции». Берлинское издание «Политические новости» (как отметили «Московские ведомости», «орган князя Бисмарка») написало про заслугу Лобанова по укреплению отношений России и Германии.

В публикациях «Нового времени» впервые показаны другие точки зрения, имеющиеся во Франции на будущее русской политики. «Новое время» опубликовало некоторые мысли из «обратившей некоторое внимание» статьи французской газеты Figaro⁷⁸¹. В ней осуждалось «малодушие тех французов», которые из-за смерти Лобанова «пали духом». Газета писала, что необходимо было «доверять собственным силам» и не падать духом, хотя Франция и нуждалась в такой «точке опоры», как русско-французский союз. Также «Новое время» опубликовало материал газеты «Неделя» с характеристикой русской дипломатии. «Неделя» писала, что эта дипломатия всегда руководствовалась «общей идеей» некоей «нравственной миссии». Князь Лобанов стал «закрепителем» этой политики. Силы России за прошедшие годы «изменились немного», но она «приобрела надежную устойчивость», ясную для всего мира, кроме Великобритании.

27 августа «Новое время» сообщило о возможном преемнике Лобанова-Ростовского⁷⁸² и процитировало информацию газеты Gaulois, полученную от

⁷⁸¹ Внешние известия // Новое время. 26 августа 1896 г.

⁷⁸² Внешние известия // Новое время. 27 августа 1896 г.

одного «высокопоставленного деятеля русского военного мира», который утверждал, что «наиболее шансов имеет граф Шувалов». Его симпатии к Германии не изменили бы русской политики, т.к. он был «предан своему государю». «Биржевые ведомости» закончили освещение тем, связанных с покойным министром иностранных дел Российской империи, опубликовав короткое сообщение о том, что после смерти Лобанова-Ростовского «остался богатый материал», относящийся к истории России⁷⁸³.

28 августа «Московские ведомости» сместили фокус своих публикаций на отношения с Австро-Венгрией и проблему балканского урегулирования. В подразделе «Австро-Венгрия» блока «Иностранные известия» была напечатана статья «Орган польского клуба в Вене о князе Лобанове-Ростовском»⁷⁸⁴. В данном материале «Московские ведомости» написали о реакции львовской газеты *Przegląd*, представлявшей позицию «польских влиятельных кругов в Вене», на смерть российского министра иностранных дел. Польская газета утверждала, что «неутомимая деятельность» князя Лобанова была направлена «к расстройству тройственного союза», который «связывает руки России, несмотря на ее союз с Францией». Орган польской печати признал, что Лобанов-Ростовский «возвратил влияние в Болгарии России» и «если не уничтожил», то способствовал значительному ослаблению австрийского влияния в Софии. Данной публикацией «Московские ведомости» подчеркнули некоторое изменение баланса сил на Балканском полуострове, скорее всего, статья была направлена и на австрийскую аудиторию. В тот же день в подразделе «Болгария» блока «Иностранные известия» была напечатана статья «Болгарские газеты о князе Лобанове-Ростовском»⁷⁸⁵. «Московские ведомости» написали, что весь болгарский народ считал умершего министра «своим благодетелем». В подтверждение своих слов московская газета привела выдержки из газеты «Прогресс». Болгарский печатный орган отмечал, что

⁷⁸³ По поводу кончины князя Лобанова-Ростовского // Биржевые ведомости. 27 августа 1896 г.

⁷⁸⁴ Орган польского клуба в Вене о князе Лобанове-Ростовском // Московские ведомости. 28 августа 1896 г.

⁷⁸⁵ Болгарские газеты о князе Лобанове-Ростовском // Московские ведомости. 28 августа 1896 г.

князь Лобанов был «искренним другом Болгарии», и его внешнеполитическая деятельность, особенно в отношениях с Турцией, способствовала «церковной независимости» болгарского православия от «Царьграда». «Прогресс» особо отметил, что «просвещенный и достойный исполнитель» воли Николая II «соединил свое имя с актом примирения России с Болгарией», а «возвышенная» политика утвердила мир между «братскими народами». Газета еще четче подчеркнула изменившийся характер русско-болгарских отношений, увеличившееся влияние России по сравнению с Австро-Венгрией и Османской империей.

«Новое время» опубликовало короткую заметку о «некоторой тревоге», охватившей Францию из-за кончины Лобанова-Ростовского⁷⁸⁶. Газета Nord, чье мнение привело «Новое время», писала, что некоторые публикации французской печати подражали «германской и английской прессе», высказывая опасения из-за смерти русского министра. Nord повторила, что «как внутренняя, так и внешняя политика России» не зависела ни от какого должностного лица и являлась лишь «отражением воли императора».

29 августа в своем очередном еженедельном номере «Гражданин» в разделе «Иностранная хроника» привел отзывы иностранной печати о Лобанове-Ростовском, в целом, повторяющие уже опубликованные в других печатных изданиях материалы⁷⁸⁷.

30 и 31 августа закончилось освещение «Московскими ведомостями» и «Новым временем» вопросов, связанных с кончиной министра иностранных дел России князя А.Б. Лобанова-Ростовского. В последних материалах «Московских ведомостей», посвященных Болгарии и Сербии, можно отметить отголоски продолжающихся переговоров России и Австро-Венгрии о разграничении на Балканах. Подчеркивалась увеличившаяся роль России в регионе. В блоке «Иностранные известия» «Московские ведомости» напечатали статью «Сербские

⁷⁸⁶ Внешние известия // Новое время. 28 августа 1896 г.

⁷⁸⁷ Иностранная хроника // Гражданин. 29 августа 1896 г. С. 11–12.

газеты о князе Лобанове-Ростовском»⁷⁸⁸. «Московские ведомости» особо выделили позицию издания «Сербская застава», которое отмечало, что «в России давно прошло время разных политических экспериментов» и сербский народ верит, что российская политика не изменится сравнительно с той политикой, «какую столь мудро и столь счастливо установил царь Александр III». Издание Odjek заявило, что русская политика «направила к миру» все европейские державы, «оставив в стороне лишь Англию». В целом, в данном материале в кратком виде повторялись основные идеи «Московских ведомостей», публиковавшиеся в течение недели.

«Новое время» опубликовало последнее предположение о будущем преемнике Лобанова, а затем опровергло его. «Новое время» написало о том, что многие французские, германские и австрийские газеты называли графа Капниста возможным преемником Лобанова на посту министра и писали, что он уезжает в Париж вместе с Николаем II⁷⁸⁹. На следующий день, 31 августа, газета поместила уточняющее сообщение, в котором говорилось, что ничего экстраординарного не произошло, Капнист ехал не в Париж, а сведения из иностранной печати являлись ошибочными⁷⁹⁰. На этом «Новое время» также завершило публикацию материалов по смерти Лобанова-Ростовского.

«Вестник Европы» в сентябрьском номере в разделе «Иностранное обозрение» поместил пространный материал о смерти Лобанова-Ростовского⁷⁹¹. Журнал положительно оценил деятельность Лобанова-Ростовского и сравнил его с Гирсом не в пользу последнего. Были отмечены внешнеполитические успехи в ключевых регионах и выражено сожаление о возможном срыве переговоров с Австро-Венгрией по решению восточного вопроса. Как отметил журнал, покойный «был не только знаток своего дела, но и человек с характером и с определенными самостоятельными мнениями, которые он умел проводить и отстаивать». Его дипломатия не была «искусством топтаться на одном месте», когда «бездействие

⁷⁸⁸ Сербские газеты о князе Лобанове-Ростовском // Московские ведомости. 30 августа 1896 г.

⁷⁸⁹ Внешние известия // Новое время. 30 августа 1896 г.

⁷⁹⁰ Внешние известия // Новое время. 31 августа 1896 г.

⁷⁹¹ Иностранное обозрение // Вестник Европы. Сентябрь 1896 г., Т.V. С. 353–359.

выдается за миролюбие», а «активность и энергия смешиваются с воинственностью». За свой непродолжительный срок руководства министерством он успел сделать два важных дела: разрешил японо-китайский конфликт, чем «обеспечил наши интересы на дальнем востоке», а также «покончил с болгарским кризисом». Относительно Турции, писал «Вестник Европы», он «соблюдал понятную осторожность», и безвременная смерть помешала подготовке почвы для «более серьезного дипломатического соглашения».

3.4. Назначение М.Н. Муравьева

Пребывание в должности министра иностранных дел Н.П. Шишкина (с 19 августа 1896 г. по 1 января 1897 г.) и вопросы, связанные с его деятельностью, практически никак не отразились в публикациях периодических изданий по причине переходного характера его фигуры. Министерство иностранных дел вновь возникает на страницах газеты в январе 1897 г. после назначения на эту должность 1 января русского посла в Дании графа М.Н. Муравьева.

Интересно, что первые сообщения о назначении Муравьева в периодической печати не предваряли никакие материалы касательно потенциальных кандидатов на пост главы российского МИД. Возможно, что решение о назначении было принято Николаем II без серьезного обсуждения с кем-либо. Богданович писала об исключительном доверии, которым пользовался Муравьев и его семья у Николая II⁷⁹². Еще 24 декабря 1896 г. Николай сообщил Муравьеву о предстоящем назначении⁷⁹³. Однако и для С.Ю. Витте, и для А.А. Половцова назначение Муравьева стало неожиданностью; вернее, дневниковая запись Половцова о переменах в МИД максимально нейтральна («крупные перемены в личном составе высшего правительства ограничились назначением...»⁷⁹⁴), а Витте в «Воспоминаниях» называет назначение «роковым» и приведшим к «ужасным

⁷⁹² Богданович А.В. Указ. соч. С. 253.

⁷⁹³ Дневники императора Николая II (1894–1918). Т. 1. С. 315.

⁷⁹⁴ Половцов А.А. Указ. соч. С. 186.

последствиям, которые перевернули историю России, навлекли на нее громадные бедствия». Кроме того, Витте допускает влияние императрицы Марии Феодоровны на назначение Муравьева⁷⁹⁵.

Назначение Муравьева, который, в отличие от своего предшественника, выступал за более активную внешнюю политику⁷⁹⁶, ознаменовало собой переход России к следующей стадии стратегических устремлений на Дальнем Востоке, немного сбавивших темп на короткий промежуток времени только при Ламздорфе.

2 января в разделе «Телеграммы» «Московских ведомостей» появилось короткое сообщение из Петербурга о том, что «чрезвычайный посланник ... Муравьев назначен управляющим Министерством иностранных дел»⁷⁹⁷. «Гражданин» в тот же день опубликовал текст высочайшего указа о назначении⁷⁹⁸.

«Биржевые ведомости» напечатали редакционную статью, где отметили важность Дании и ее связи с императорской фамилией как катализаторов карьеры Муравьева. В последующие дни эта идея станет основной практически во всех периодических изданиях. В статье «Новый управляющий министерством иностранных дел»⁷⁹⁹ «Биржевые ведомости» подчеркнули, что «невидный» пост посла в Копенгагене позволял Муравьеву быть в центре «интимных нитей» личной дипломатии европейских монархов. Поэтому он обладал «глубокой подготовкой», необходимой для управляющего Министерством иностранных дел. «Биржевые ведомости» писали, что новый министр являлся «деятельным органом уже ранее ясно намеченной и определившейся политики нашего двора», поэтому существенных изменений во внешнеполитическом курсе, по мнению газеты, ожидать не стоило.

⁷⁹⁵ *Bumme C.Ю.* Указ. соч. С. 433.

⁷⁹⁶ *Harcave S.* Op. cit. P. 79.

⁷⁹⁷ Телеграммы // Московские ведомости. 2 января 1897 г.

⁷⁹⁸ Столичная хроника // Гражданин. 2 января 1897 г. С.17.

⁷⁹⁹ Новый управляющий министерством иностранных дел // Биржевые ведомости. 2 января 1897 г.

«Русские ведомости» опубликовали краткую телеграмму с новостью о назначении⁸⁰⁰, текст именного высочайшего указа⁸⁰¹ и короткую заметку с биографией нового министра⁸⁰². Кроме этих материалов, в последующие дни «Русские ведомости» не публиковали ничего, касающегося Муравьева.

3 января «Московские ведомости» начали информационную кампанию по освещению этого события. На протяжении нескольких дней непрерывно публиковались статьи, заметки и телеграммы, посвященные Муравьеву. «Московские ведомости» посвятили большой объем материала редакционной статьи «Новый министр иностранных дел»⁸⁰³ обоснованию назначения Муравьева министром иностранных дел, вслед за «Биржевыми ведомостями» подробно углубившись в его биографию и особенности теневой политики в Германии и Дании. Витте считал, что Муравьев был назначен лишь потому, что на должности посла в Дании был приближенным к императорской фамилии, и Николай II кроме него никого из дипломатов хорошо не знал⁸⁰⁴. Истинные мотивы, скорее всего, знал только Николай II, но, безусловно, публично было необходимо серьезное оправдание подобного назначения, поскольку руководство российской дипломатической миссией в Копенгагене было не самым очевидным фактором для подобного карьерного роста. «Московские ведомости» также заверяли читателя в том, что внешнеполитический курс России останется без изменений. Начиналась редакционная статья с краткого знакомства читателя с личностью нового министра. Как отмечали «Московские ведомости», министр, «призванный доверием государя императора на высокий и ответственный пост» руководителя внешней политики России принадлежал к «молодым дипломатам» и до этого назначения не «занимал самостоятельного поста при дворах великих держав», пробыв девять лет первым советником русского посольства в Берлине. Газета отмечала, что в этот период

⁸⁰⁰ Телеграфические известия // Русские ведомости. 2 января 1897 г.

⁸⁰¹ Именные высочайшие указы... // Русские ведомости. 2 января 1897 г.

⁸⁰² Граф Михаил Николаевич Муравьев... // Русские ведомости. 2 января 1897 г.

⁸⁰³ Новый министр иностранных дел // Московские ведомости. 3 января 1897 г.

⁸⁰⁴ *Vitte С.Ю.* Указ. соч. С. 433.

Муравьев часто самостоятельно «направлял» дела дипломатического представительства. Берлин «Московские ведомости» называли тем местом, где «сходились все нити европейской политики» и где «был источник всех европейских интриг», что, несомненно, стало хорошей школой для будущего министра. Газета очень четко провела логическую цепочку от девяти лет на работе в Германии до признания заслуг Муравьева Александром III. Период нахождения Муравьева на дипломатической службе в Берлине газета назвала «самым трудным в отношениях России и Германии», так как в это время Отто фон Бисмарк «убедился, что его игра проиграна» и ему «никогда не удастся заставить Россию отказаться от национальной самостоятельной политики» и выбрать ярко выраженный прогерманский курс. По утверждению «Московских ведомостей», способности графа Муравьева «обратили на него внимание в Бозе почившего императора Александра III», который назначил его своим представителем при Копенгагенском дворе. Газета никак не объясняла почему, но утверждала, что теперь «главные нити европейской политики сосредотачивались в столице Дании» (а не в Берлине, как утверждалось парой абзацев выше), и требовалась «искусная рука», чтобы «управлять ими по указанию монарха». Опыт, полученный в Берлине и Копенгагене, как писала газета, позволил Муравьеву стать министром иностранных дел. Завершили статью «Московские ведомости» собственным комментарием, подводя итог политике прошлой и заглядывая в политику будущую. Хотя будущее для редакции не представлялось чем-то загадочным, ведь политика России, «которая следовала указаниям верховного вождя русского народа», «определилась ясно», и не было никакой необходимости «искать новых путей» — политика с «чисто русским национальным характером» привела страну к «блестящему международному положению». Газета подчеркивала «миролюбивый характер» русской политики, направленной прежде всего «к ограждению русских интересов», заключающихся в создании твердого мира, при котором будет возможно «успешное развитие внутренних производительных сил» и обеспечено народное благосостояние. «Московские ведомости» представили нового министра

как человека, сразу вникающего в суть своей новой работы. В разделе «Телеграммы» этого же номера было напечатано сообщение из Петербурга от 2 января, где говорилось о том, что Муравьев провел встречу, знакомясь с составом Министерства иностранных дел⁸⁰⁵.

Выделяя значение Франции для российской политики, «Московские ведомости» и «Биржевые ведомости»⁸⁰⁶ опубликовали в качестве первых иностранных сообщений именно французские. Две телеграммы от корреспондентов из Парижа кратко сообщили первую реакцию французской прессы на назначение нового управляющего МИД России: *Journal de Débats* и *République Française* нашли назначение Муравьева управляющим МИД «превосходным во всех отношениях», а остальные газеты «продолжили смотреть на назначение Муравьева как на счастливое событие как для франко-русских отношений, так и для дела цивилизации и европейского мира».

4 января «Московские ведомости» через свои материалы проводили основную мысль о продолжающемся русско-французском сближении и косвенно намекают на отсутствие прочности в Тройственном союзе. В данных сообщениях можно отметить контраст между образом Франции и образом Германии и Австро-Венгрии, контраст между стабильностью и межгосударственными противоречиями. В «Московских ведомостях» была напечатана статья «Австро-германские недоразумения»⁸⁰⁷. Статья уже одним своим названием подчеркивала отсутствие внутренней прочности Тройственного союза. «Московские ведомости» анализировали статьи венской газеты *Reichswehr*, которая указывала на «распространяемые германской печатью слухи» о переменах, которые должны были произойти в русской внешней политике по причине того, что новый руководитель этой политики «отличается будто бы нерасположением к Германии и пристрастным дружелюбием ко Франции». Далее австрийская газета сетовала,

⁸⁰⁵ Телеграммы // Московские ведомости. 3 января 1897 г.

⁸⁰⁶ Телеграммы «Биржевых ведомостей» // Биржевые ведомости. 3 января 1897 г.

⁸⁰⁷ Австро-германские недоразумения // Московские ведомости. 4 января 1897 г.

что Австро-Венгрия во всех вопросах внешней политики ориентировалась на Берлин. «Московские ведомости» называли эту статью имеющей «весьма важное значение» для «оценки прочности тройственного союза». Московская газета заметила, что австрийская статья «произвела взрыв негодования в берлинской печати», которая обвинила Австрию в «измене», и надеялась узнать, как по этому вопросу выскажется официальный орган МИД Австро-Венгрии – газета *Fremdendlatt*. В разделе «Телеграммы» французские корреспонденты сообщили, что назначение графа Муравьева управляющим российским МИД «приветствуется всей печатью с большим сочувствием»⁸⁰⁸. Французская пресса выразила уверенность в том, что Муравьев будет, как и князь Лобанов, «содействовать укреплению русско-французской дружбы».

«Новое время», начав свою кампанию несколько позже остальных периодических изданий, сразу начало публиковать целые серии материалов, посвященных назначению Муравьева. Газета Суворина акцентировала внимание на личных качествах нового министра и его связях с императорской фамилией. Последнее продолжили и «Биржевые ведомости». Кроме того, «Новое время», как и «Московские ведомости» днем ранее, углубилось в немецкий период биографии Муравьева, подчеркнув его самостоятельные и взвешенные решения уже на посту посла в Берлине. Остановилось «Новое время» и на выжидательной позиции немецкого общественного мнения по поводу нового министра иностранных дел России. Однако наиболее интересным в кампании «Нового времени» являлся факт публикации на первом месте на удивление положительных отзывов английской печати. На страницах «Нового времени» в разделе «Телеграммы» были опубликованы сообщения из Лондона и Парижа с описанием первой реакции местной прессы на эту новость⁸⁰⁹. Так, по сообщению корреспондентов, лондонские газеты «приветствуют назначение Муравьева и «отзываются о нем с живыми симпатиями». *The Times* писала, что «англичане посылают графу

⁸⁰⁸ Телеграммы // Московские ведомости. 4 января 1897 г.

⁸⁰⁹ Корреспонденция «Нового времени» (по телеграфу) // Новое время. 4 января 1897 г.

Муравьеву свои искренние поздравления и относятся к нему с доверием». Standart ссылаясь на общественное мнение, утверждала, что при Муравьеве взаимоотношения России и Великобритании «станут еще более искренними и сердечными». Более того, газета писала, что англичане «не завидовали расширению русских владений в Средней Азии и на Дальнем Востоке» и считали его выгодным для себя, рассчитывая на «развитие своей торговли в этих областях». Сообщение из Парижа кратко передавало, что столичные газеты поместили биографии нового министра, «сопровождая их сочувственными к нему отзывами», кроме того, отметили «холодность немецкой печати и некоторых английских газет». В том же номере была напечатана обширная статья «Граф М.Н. Муравьев»⁸¹⁰. Анализируя биографию министра, «Новое время» отметило, что на всех дипломатических постах Муравьев неизменно проявлял самостоятельный характер. Работа в Берлине в период отставки Бисмарка показала, что он «не поддается влиянию ни громких имен, ни сделанных репутаций». Вторая идея «Биржевых ведомостей», «Новое время» указало на связь Копенгагена и императорской фамилии, а также на ту роль, которую этот факт сыграл в дальнейшей карьере дипломата. Кроме того, в завершение статьи «Новое время» процитировало выдержки из Journal de St.-Petersbourg, подробнее разобранные в тот же день «Биржевыми ведомостями». В разделе «Внешние известия» «Новое время» опубликовало краткий анализ германской прессы⁸¹¹. Их тон «Новое время» назвало «сдержаннее», чем у французских газет. Они называли нового министра «опытным дипломатом» и «весьма ретивым в делах службы человеком». National Zeitung предлагала «отложить» суждения о будущей его деятельности до того времени, «когда можно будет располагать для этого некоторыми положительными данными». Post отмечала, что восторженные отзывы парижской прессы не должны приводить к мысли о том, что назначение Муравьева в Германии вызывает опасения. Напротив, считала газета, «отношения Германии и России имеют самый

⁸¹⁰ Граф М.Н. Муравьев // Новое время. 4 января 1897 г.

⁸¹¹ Внешние известия // Новое время. 4 января 1897 г.

дружественный характер», обусловленный «обоюдными интересами», поэтому назначение Муравьева вряд ли принесет существенные перемены в отношения соседних империй.

«Биржевые ведомости» опубликовали статью «„Journal de St.-Pétersbourg“ о графе Муравьеве»⁸¹². Цитируя эту газету, «Биржевые ведомости» писали, что новый министр «несколько раз имел возможность доказать свои крупные дипломатические способности в важных вопросах, подлежащих его компетенции». Газета отметила, что назначение в Копенгаген, королевский дом которого был связан родственными узами с императорской фамилией, открыло «широкие горизонты для будущей карьеры» графа. Муравьев являлся «верным истолкователем мирной политики» и «стражем русских интересов», которые являются основой для «императорского кабинета».

5 января, подчеркивая лояльный к назначению нового российского министра иностранных дел тон германской печати, «Московские ведомости» и «Биржевые ведомости» продолжили сюжет об австро-германских противоречиях, а также отметили основные тезисы своей позиции о неизменности внешнеполитического курса России. «Московские ведомости» в разделе «Телеграммы» опубликовали сообщение о предстоящей поездке Муравьева в Копенгаген «для вручения датскому королю отзывных грамот»⁸¹³. В блоке «Иностранные известия» была напечатана статья «Германская печать о назначении графа Муравьева»⁸¹⁴. «Московские ведомости» писали, что назначение Муравьева было «встречено в германской печати вообще очень сочувственно» и этому отношению не помешала недавняя статья, напечатанная «в венском клерикальном органе Reichswehr». «Гамбургские известия», которые газета называла органом князя Бисмарка, была уверена, что русская политика не претерпит изменений, т.к. «поставлена так твердо и правильно», что «без колебаний и потрясений» сможет

⁸¹² «Journal de St.-Pétersbourg» о графе Муравьеве // Биржевые ведомости. 4 января 1897 г.

⁸¹³ Телеграммы // Московские ведомости. 5 января 1897 г.

⁸¹⁴ Германская печать о назначении графа Муравьева // Московские ведомости. 5 января 1897 г.

достигать своих целей «независимо от того, именуется ли министр иностранных дел Гирсом, Лобановым или Муравьевым». *Voersen-Courier* отметила особенности русской внешнеполитической линии, назвав ее «политикой мира», «политикой русского царя». Газета выразила надежду на сохранение «тройственной лиги». Ей вторила «Силезская газета», а *Post* вступила в полемику с австрийской *Reichswehr*.

«Гражданин» опубликовал короткое сообщение о реакции французских газет на назначение Муравьева, событие «счастливое для франко-русских отношений, для дела цивилизации и для европейского мира»⁸¹⁵. Далее было отмечено, что назначение Муравьева во всех петербургских газетах также было «встречено сочувственно»⁸¹⁶.

«Новое время» проанализировало свои вчерашние выписки из английских публикаций и указало на невозможность установления доверительных отношений с Великобританией без изменений внешнеполитического курса последней. Противоречивые оценки германской печати «Новое время» объяснило внутривнутриполитической борьбой элитных группировок. Газета поместила аналитическую статью, посвященную недавним публикациям английской прессы, в частности газеты *Standart* (сами публикации были напечатаны в «Новом времени» днем ранее)⁸¹⁷. Английская газета тогда выражала надежду на укрепление англо-русских отношений и отсутствие противоречий в ключевых регионах взаимного соперничества. «Новое время» писало, что «в искренность этих заявлений верить не особенно легко», и предположило, что за этой публикацией скрывался «намеки» на ту «цену», за которую можно купить «непротивление» Великобритании. «Новое время» заявило, что Россия не нуждается в «сочувствии» Англии ее политике в Средней Азии и на Дальнем Востоке путем уступок на других ключевых направлениях. Газета подчеркнула, что сделать взаимоотношения двух стран «более искренними и сердечными» можно лишь в случае присоединения

⁸¹⁵ Иностранная хроника // Гражданин. 5 января 1897 г. С.13.

⁸¹⁶ Дневники // Гражданин. 5 января 1897 г. С.20–21.

⁸¹⁷ С.-Петербург, 4-го января // Новое время. 5 января 1897 г.

Великобритании к кругу тех стран, которые «искренно и без всяких задних мыслей коварного свойства преследуют одну с нами цель». В заключение было указано на необходимость «совокупного противодействия» всех континентальных держав «сложным замыслам внешней политики Великобритании». В разделе «Внешние известия»⁸¹⁸ «Новое время» опубликовало письмо некоего П. из Берлина, где высказывалось удивление по поводу возникшей в германской печати волне негативных публикаций и обвинений Муравьева в «германофобии». После этого письма следовал пространный комментарий самой газеты, где отмечалось две тенденции, присутствовавшие в иностранной печати. Первая заключалась в представлении графа Муравьева как человека, «руководящегося исключительно своими политическими симпатиями или антипатиями». Муравьев представлялся то «ярким франкофилом», то «непримиримым немцефобом». На этом «Новое время» не видело смысла останавливать свое внимание и концентрировалось на второй тенденции – писать о Муравьеве как о русском патриоте, действующим вне зависимости от личных предпочтений. Негативные публикации ряда немецких газет, например *Berliner Tageblatt*, «Новое время» связывало с деятельностью кругов, настроенных против «дружественных отношений» Германии и России. Далее газета приводила выдержки из дискуссии немецких газет, соглашаясь с позицией *Post*, которая писала о том, что русско-германские отношения «ясны и устойчивы».

«Биржевые ведомости» поместили статью «Иностранная печать о графе Муравьеве»⁸¹⁹. Газета писала, что «общий тон» зарубежных публикаций о назначении Муравьева «сдержанный», хотя и встречалось мнение, что русская внешняя политика примет «отрицательное направление по отношению к Германии». «Биржевые ведомости» сослались на австрийскую газету *Reichswehr*, которая писала, что этот потенциальный поворот русской политики не принесет угроз для австрийцев, однако в Берлине должны примириться с мыслью, что

⁸¹⁸ Внешние известия // Новое время. 5 января 1897 г.

⁸¹⁹ Иностранная печать о графе Муравьеве // Биржевые ведомости. 5 января 1897 г.

«возможность легкой жатвы исчезла». Австрийская газета назвала Муравьева «германофобом». Далее следовали размышления о противоречиях в тройственном союзе, чувствовалась легкая обида на доминирование Германии в союзе и стремление видеть Австрию более независимой в вопросах внешней политики, в том числе и в отношениях с Россией. Газета вспомнила нереализованный из-за смерти Лобанова-Ростовского проект совместного с Россией раздела Османской империи. В заключение «Биржевые ведомости» привели реакцию германской прессы на такие заявления, в этих сообщениях опровергалось представление о радикальном германофобстве Муравьева. На этом публикации о назначении графа Муравьева министром иностранных дел в «Биржевых ведомостях» заканчиваются.

6 января «Московские ведомости» продолжили публикацию материалов иностранной прессы, связанных с назначением Муравьева. Подчеркивался особый характер русско-французских отношений и некоторые противоречия в отношениях с Германией и Великобританией. «Московские ведомости» в статье «Отзывы о назначении графа Муравьева» представили краткий обзор европейской печати⁸²⁰. Первой «Московские ведомости» отметили немецкую газету «Гамбургские известия», которая посвятила свою статью размышлениям о том, что Муравьев не является «врагом немцев», как об этом писали в газетах, выдержки из которых «Московские ведомости» не привели. Задачей нового русского министра иностранных дел «Гамбургские известия» назвали «поддержание добрых отношений к Германии», нарушить которые могли бы лишь действия самой Германии, «направленные против русских планов». Консервативное венское издание *Vaterland* сделало собственный обзор французских и немецких газет, отметив, что французские «мечтают об укреплении русско-французского договора», а немецкие «опасаются изменения русской политики» в связи с возможной переориентацией на Францию. *République Française* писала о назначении Муравьева в положительных тонах, называла нового русского министра «одушевленным живейшими симпатиями ко Франции», человеком,

⁸²⁰ Отзывы о назначении графа Муравьева // Московские ведомости. 6 января 1897 г.

который «упрочил франко-русский союз» и будет, «без сомнения», продолжать эту политику. Французская газета отмечала «нескрываемое недовольство» по поводу назначения управляющего российского МИД в Англии и Германии, «особенно в Англии», и писала, что *The Times* называла пост министра иностранных дел в России «только номинальным». Однако «Московские ведомости» не были согласны с оценкой английской прессы французскими коллегами. Газета писала, что английские издания «очень довольны» состоявшимся назначением управляющего МИД России. В подтверждение своих слов газета привела выдержки из издания *Standart*, заявившего, что отношения между Россией и Великобританией «сделались еще более открытыми и сердечными». Однако была приведена и точка зрения *The Times*, которая писала о невозможности «скольконибудь заметного влияния» Муравьева на русскую внешнюю политику, «по крайней мере в первые годы». Несмотря на то, что «Новое время» еще 5 января посвятило свои публикации критическому анализу этих английских сообщений, «Московские ведомости» не продвинулись дальше пересказа основных тезисов английской печати.

«Новое время» опубликовало выдержки из австрийской *Fremdenblatt* и французской *Liberté*, общая мысль которых сводилась к тому, что внешняя политика России определяется царем» и ее отличительной чертой являлся мирный характер⁸²¹.

7 января «Московские ведомости» снова четко обозначили свою позицию, апеллируя к «французскому» изданию *Le Nord* для подтверждения всех своих наиболее консервативных идей и представлений о внешней политике России. На этом материале завершается информационная кампания по поддержке назначения Муравьева министром иностранных дел. «Московские ведомости» в разделе «Иностранные известия» опубликовали материал «*Le Nord* о графе Муравьеве»⁸²². Данная газета, по некоторым сведениям, спонсировалась российским

⁸²¹ Внешние известия // Новое время. 6 января 1897 г.

⁸²² *Le Nord* о графе Муравьеве // Московские ведомости. 7 января 1897 г.

правительством, чем объяснялся дух ее публикаций. Газета поместила подробную биографию графа Муравьева и охарактеризовала его английской поговоркой: «The right man on the right place» («подходящий человек на подходящем месте» – *перевод А.С.*). Газета писала, что Николай II «доверил важнейшие и священные интересы России человеку русскому», и этот человек «по указаниям сына Александра III» будет вести внешнюю политику Российской империи «в русском и православном духе». Le Nord отметила стремление России «охранять мир не только на своей территории, но и во всем мире». Этот принцип внешней политики России газета назвала «принципом православия» и «духом истинно-национальной русской политики».

«Новое время» снова затронуло тему некоторых противоречий, по мнению французской прессы возникавших в русско-французских отношениях, но посчитало маловероятным изменение внешнеполитического курса. Газета опубликовала выдержки из французской газеты Temps⁸²³, где говорилось о высокой оценке, полученной Муравьевым в Вене, где его считали «горячим сторонником мира» и «человеком безусловной корректности». Французская газета выразила уверенность, что «присутствие в Петербурге министра не на час избавит французскую политику от некоторых маленьких неожиданностей и разочарований», с которыми она встречалась в последнее время. Тем не менее, газета снова подчеркнула, что истинным министром иностранных дел России являлся ее царь. Далее «Новое время» привело цитаты из газеты Бисмарка Hamburger Nachrichten, которая писала, что граф Муравьев будет проводить «русскую политику», которая никак не противоречит германским интересам. Возможность антигерманского поворота русской политики газета оценила как маловероятную.

9 января «Новое время» опубликовало отзывы о работе Муравьева в Копенгагене, опубликованные в венской газете Fremdenblatt⁸²⁴. Кроме того, были

⁸²³ Внешние известия // Новое время. 7 января 1897 г.

⁸²⁴ Внешние известия // Новое время. 9 января 1897 г.

напечатаны объяснения французской газеты Figaro, заявившей, что назначение человека с фамилией Муравьев на пост министра было произведено «в пику» новому министру иностранных дел Австро-Венгрии, по происхождению поляку. «Новое время» отмечает данную публикацию как «вздор».

10 января «Новое время» завершило свою кампанию по освещению назначения Муравьева коротким сообщением, что его политика станет «неизменным продолжением политики князя Лобанова-Ростовского».

«Вестник Европы» половину февральского «Иностранного обозрения» посвятил назначению Муравьева на пост министра иностранных дел России, реакции заграничной прессы на это назначение и некоторым идеям, касающимся «современных задач русской дипломатии и ее руководителя»⁸²⁵. Журнал позитивно оценивал русско-французское сближение и перспективы российской дипломатии при новом министре. Тем не менее, пользуясь моментом, «Вестник Европы» раскритиковал отдельные стороны деятельности (или, скорее, бездеятельности) российского МИД. Кратко остановившись на «общих замечаниях» западноевропейской прессы о «миролюбии внешней политики» и личных качествах нового министра, «Вестник Европы» заметил, что все эти выводы были «преждевременны и произвольны». Журнал писал, что внешняя политика России не может измениться, а предыдущая деятельность Муравьева не давала «достаточного материала для суждений об его самостоятельных политических планах и целях». Занимая пост посланника в Копенгагене, Муравьев был скорее «наблюдателем», чем участником. Однако перевод его из Дании на министерскую должность являлся «хорошим предзнаменованием для будущего», поскольку опыт Муравьева позволял иметь широкий взгляд на международные отношения. Поездка Муравьева в Париж, ставшая первой его поездкой в качестве министра иностранных дел, по мнению журнала указывала на исключительный характер двусторонних отношений, установленных между Россией и Францией. «Вестник Европы» писал, что тот факт, что назначение Муравьева стало событием

⁸²⁵ Иностранное обозрение // Вестник Европы. Февраль 1897 г. Т. I. С. 843–852.

первостепенной важности в Европе, давал основания думать, что «мы как будто держим в своих руках судьбу общего мира», а «наше международное положение кажется крайне завидным». Сохранить это «ведущее» положение в Европе, по мнению журнала, можно было лишь сохранив неизменным «миролюбивый курс» внешней политики России. Далее «Вестник Европы» перешел к вопросу отношения государства к своему подданному, находящемуся за границей. «Вестник Европы» пришел к неутешительному выводу, что российский МИД практически никогда не приходил на помощь попавшему в беду за границей русскому человеку, в отличие от той же Великобритании, всегда вызволявшей своих подданных из любых неприятных ситуаций. Другой проблемой МИД «Вестник Европы» назвал информационную закрытость, когда информация о действиях или заявлениях русской дипломатии появлялась лишь в западных официальных сборниках, наподобие «синих, зеленых ... книг», что зачастую приводило к превратному пониманию позиции России в ключевых международных вопросах как за границей, так и внутри страны.

3.5. Выводы

В 1890-е гг. отношения МИД России и ведущих периодических изданий представляли собой сложное взаимодействие, где внешнеполитическое ведомство предпринимало попытки управления информационным полем хотя бы в части, касающейся освещения внешней политики. МИД отслеживал публикации ведущих периодических изданий (преимущественно «Нового времени»), реагируя на те из них, которые, по его мнению, могли бы нанести ущерб отношениям с европейскими державами. Основным механизмом воздействия МИД на прессу были письма на имя министра внутренних дел с жалобами на конкретные публикации и требованием вынесения «внушений» редакциям. Интенсивность этого давления не была постоянной: она ослабевала в краткий период управления А.Б. Лобанова-Ростовского и резко возросла при М.Н. Муравьеве. Наиболее чувствительными для МИД темами, вызывавшими немедленную реакцию, были

вопросы, связанные с критикой дружественных правительств, и публикацией «экспансионистских» материалов в газетах, считавшихся на Западе аффилированными с российским правительством.

В информационных кампаниях по освещению перемен в управлении МИД стоит отметить отсутствие серьезных противоречий между различными периодическими изданиями по вопросу внешнеполитического курса России: большинство положительно оценивало «миролюбивую» политику и выступало за продолжавшееся русско-французское сближение (только «Гражданин» обходил стороной этот вопрос). Повышенное внимание прессы к иностранным новостям предопределило широкую палитру опубликованных материалов и яркие дискуссии по частным вопросам. Тем не менее не следует говорить о сильном влиянии различных политических кругов на характер информационных кампаний по освещению кадровых перестановок в МИД.

Что касается различий, то можно выделить следующие. «Московские ведомости» – единственное из всех рассматриваемых изданий – акцентировали внимание на болезненном состоянии Гирса и «анархии» в министерстве. Это можно объяснить негативным отношением редакции как лично к Гирсу, так и к элементам проводимого им внешнеполитического курса (в свое время главный редактор «Московских ведомостей» М.Н. Катков саркастически называл МИД России «Министерством иностранных дел в России»). Тем не менее, в публикациях «Московских ведомостей» не присутствовало явно выраженной мысли о противоречиях царя и министра, как это проявлялось в публикациях «Биржевых ведомостей» и «Нового времени». Эти газеты указывали на германофильство покойного, а на союз с Францией – как на меру, противоречащую его личным убеждениям. Сам Проппер невысоко оценивал Гирса, называя его «ревностно исполняющим приказы, но безынициативным»⁸²⁶. Тем не менее, владелец «Биржевых ведомостей» называл Гирса «официальной витриной русской внешней политики», чьи «особые отношения с Бисмарком делали из него надежное

⁸²⁶ Проппер С.М. Указ. соч. С. 157.

доверенное лицо, которое способствовало укреплению мирных намерений обеих сторон»⁸²⁷. «Вестник Европы» развивал мысль о логическом развитии русской внешней политики от сотрудничества с центральными державами к союзу с Францией. «Гражданин» воспользовался моментом для критики государственного устройства России при Александре II и апологетики самодержавия Александра III. Интересно, что «Гражданин» в своих материалах виртуозно обошел тему сближения с Францией. Как писал А.С. Карцов, князь Мещерский был противником нового направления внешней политики, для его взглядов в этот период характерно желание избежать любого активного участия России в наступательной политике, к которой подталкивала логика развития русско-французского союза⁸²⁸. «Русские ведомости» ограничились сухими информационными сообщениями. Предположения о возможном преемнике появлялись на страницах «Нового времени», «Московских ведомостей» и «Биржевых ведомостей». Последние две газеты перед назначением Лобанова-Ростовского опубликовали серию комплиментарных материалов, в которых, помимо прочего, проводилась мысль о необходимости сохранения союза с Францией и возможных изменениях в отношениях с Австро-Венгрией. «Вестник Европы» в своих материалах никак не отреагировал на назначение нового министра иностранных дел.

Количественный сравнительный анализ публикаций в прессе, связанных со смертью Гирса и назначением Лобанова-Ростовского позволяет выделить повышенный интерес всех периодических изданий к сюжету, связанному с переменами в управлении МИД. Тем не менее, после окончательного решения Николая II о назначении Лобанова-Ростовского в изданиях, связанных с Витте, а также в «Гражданине» и «Русских ведомостях» наблюдалось падение количества публикаций по сюжету более, чем в два раза (хотя «Биржевые ведомости» в целом положительно оценивали новое назначение). «Московские ведомости», напротив,

⁸²⁷ Пронтер С.М. Указ. соч. С. 159.

⁸²⁸ Карцов А.С. Указ. соч. С. 281–283.

в данной ситуации проявили себя ярким представителем «лобановского» лагеря, увеличив не только количество, но и качественное наполнение публикаций (см. Приложение, рис. 5). Это представляется интересным, учитывая репутацию князя как «либерала-западника» и, по словам Витте, неодобрительное отношение к нему Александра III⁸²⁹ (хотя на страницах «Московских ведомостей» утверждается обратное). Возможно, ключевым посылом в позиции газеты являлась непрерывность внешнеполитического курса России, зависящего всецело от самодержавного монарха; курса, на который не могли серьезно повлиять ни болезнь Гирса, ни временность Шишкова, ни личные взгляды Лобанова-Ростовского.

После смерти Лобанова-Ростовского можно отметить традиционно общие места в большинстве публикаций – акцент на «миролюбии» российской внешней политики и необходимости углубления союза с Францией, констатация достижения стабильности в Европе. Повышенное внимание к Министерству иностранных дел было обусловлено международным контекстом события – продолжающейся заграничной поездкой Николая II по основным европейским державам. В рамках кампании стоит отметить проходящий фоном сюжет продолжающихся русско-австрийских переговоров по урегулированию на Балканах. Кроме того, накануне визита Николая II в Германию, во всех периодических изданиях вышли материалы, позитивно оценивавшие состояние русско-германских отношений. Говоря о разных подходах к освещению перемен в российском МИД и особенностях информационных кампаний различных изданий, следует отметить заочную полемику между «Биржевыми ведомостями» с одной стороны и «Гражданином» с другой. Если последний выражал идею о незначительном факторе личности на посту министра иностранных дел и снова повторял тезисы о непосредственном руководстве царем внешней политикой, то «Биржевые ведомости», не отрицая роли царя, акцентировали внимание на важности именно личности министра, снова критикуя предшественника Лобанова-

⁸²⁹ Витте С.Ю. Указ. соч. С. 371.

Ростовского. Позиции «Московских ведомостей» и «Нового времени» в этом вопросе можно назвать более склоняющимися к «Гражданину», но не более того. «Новое время», публикуя выдержки из иностранной прессы, последовательно проводило идею о единстве Европы с Россией против Великобритании. Помимо этого, именно в «Новом времени» периодически появлялась информация о возможных преемниках Лобанова-Ростовского. Наибольшее количество публикаций было размещено в «Новом времени» (16), «Московских ведомостях» (12) и «Биржевых ведомостях» (10). Остальные издания уделили меньше внимания рассматриваемому сюжету (*см. Приложение, рис. 6*).

После назначения нового Муравьева министром иностранных дел все периодические издания особо обращали внимание на связи Копенгагена и императорской фамилии, как одной из основных причин назначения нового министра. «Московские ведомости» помимо традиционных идей о союзе с Францией особо подчеркивали внутренние противоречия в Тройственном союзе. Наряду с «Биржевыми ведомостями», «Московские ведомости» уделили большое внимание германской печати. «Новое время» отдельно и весьма подробно остановилось на критике английской прессы и внешней политики. Кроме того, «Новое время» косвенно затронуло проблемы в русско-французских отношениях. Интересно, что и «Биржевые ведомости», и «Новое время» снижают количество публикаций более, чем в два раза, по сравнению с освещением смерти Лобанова-Ростовского (*см. Приложение, рис. 6*). Возможно, это связано с неоднозначным отношением Витте к новому назначению. «Вестник Европы» помимо общей идеи о высоком положении, достигнутом российской дипломатией, подверг критике отдельные стороны внешней политики. Стоит отметить, что «Русские ведомости» ограничились минимальным участием в данной информационной кампании.

Глава 4. Пресса и перемены в управлении Морским и Военным министерствами в 1896–1899 гг.

4.1. Отставка Н.М. Чихачева и назначение П.П. Тыртова

13 июля 1896 г. управляющий Морским министерством адмирал Н.М. Чихачев был отправлен в отставку, новым управляющим стал контр-адмирал П.П. Тыртов. Стоит отметить, что в отличие от других рассматриваемых в рамках настоящей диссертации министерств, с 1885 по 1905 гг. во главе Морского министерства стоял не министр, а «главный начальник флота и морского ведомства». С 1881 г. эту должность занимал генерал-адмирал великий князь Алексей Александрович. Управляющий морским министерством действовал не самостоятельно, но обладал всеми правами министра⁸³⁰. В дневниках и мемуарах видных политических и общественных деятелей отставка Чихачева осталась практически незамеченной. Тем не менее, слухи о предстоящей смене руководства морского ведомства циркулировали задолго до 1896 г. Еще 1889 г. Богданович называла Чихачева «мошенником»⁸³¹, кроме того, отмечалась его «дурная денежная история», траты министерских средств на личные нужды и взятка в миллион рублей за собственное назначение⁸³². В 1890 г. Богданович характеризовала Чихачева как «купца не из безукоризненных»⁸³³. В 1891 г. инженер морского технического комитета при Морском министерстве А.М. Истомин негативно оценивал безразличное отношение управляющего Морским министерством к широко критикуемому цензу на флоте⁸³⁴. В 1894 г. по петербургским салонам уже циркулировали памфлеты, посвященные махинациям Чихачева и тому, как он «спокойно губит русский флот»⁸³⁵:

⁸³⁰ Свод морских постановлений. СПб., 1902.

⁸³¹ Богданович А.В. Указ. соч. С. 105.

⁸³² Там же. С. 112.

⁸³³ Там же. С. 138.

⁸³⁴ Там же. С. 146–147.

⁸³⁵ Там же. С. 188–189.

«1) По Государственному контролю.

Дело, рассмотренное Комитетом министров 21 декабря 1893 года.

Перед сановников собором,

В обмане Тертием уличен,

Рек Чихачев с поникшим взором:

„Я в заблужденье был введен, –

Увы! – своими же чинами,

И потому лишь без работ

Балтийский оставлял завод,

В чем каюсь искренно пред вами.

Но Бог меня сейчас срази,

Пошли на голову проклятье.

Нет в слухах доли вероятья,

Что этим сжить хотел Кази.

Клянусь, досель я озабочен,

Что бросил флот он сгоряча,

Зане могу сказать, что очень

Ценю Михаила Ильича“.

Сказал и сел он в кресло снова,

И благость мудрого творца

Не поразила вдруг лжеца,

В живых оставив Чихачева,

Чтоб он долгался до конца.

Из сей новеллы мы едва ли

Не извлечем такой морали,

Что может министерский пост

Занять отчаянный прохвост.

2) По Морскому министерству.

Пусть гибель страшная „Русалки“

Для флота русского позор,
 Пусть броненосцев наших свалки
 Средь бела дня ласкают взор,
 Пусть ценза мудрого секреты
 Плодят бездарных моряков,
 Пусть гибнут старые заветы
 Покойных славных стариков,
 Пусть ядом заражен тлетворным,
 Лишь зову выгоды внемля,
 Моряк стал жалким и покорным
 Рабом презренного рубля, –
 Винить не стану Чихачева,
 Ему ведь – доблесть, честь и дух –
 Совсем неведомых три слова,
 Он равнодушен к ним и глух.
 Так мудрено ль, что рыцарь злата,
 Торгаш, маклак не ждет невзгод,
 И за спиной царева брата
 Спокойно губит русский флот?»

Витте позднее вспоминал, что одной из причин отставки адмирала стало создание морского порта в Либаве, вместо задуманного еще Александром III порта в Мурмане. Идее умершего царя противились Чихачев и великий князь Алексей Александрович (фактически курировавший работу Морского министерства⁸³⁶), которые надавили на Николая II, что он впоследствии не забыл⁸³⁷. Помимо этого, Половцов отмечает критику Морского министерства, которое Кази обвинял в

⁸³⁶ Власть и реформы. От самодержавной к советской России. С. 397.

⁸³⁷ Витте С.Ю. Указ. соч. С. 359.

«непонимании наших морских интересов», сосредоточении на Балтийском и Черноморском флотах вместо развития флота «на мурманском берегу»⁸³⁸.

Непосредственной причиной отставки стала активная дискуссия по вопросу переориентации основных сил российского флота на Дальний Восток, подробно рассмотренная А.С. Тихоновым и Б.Л. Хавкиным⁸³⁹. После резкого усиления Японии в результате победы над Китаем в 1895 г. принятая в том же году в Петербурге судостроительная программа уже не отвечала требованиям сохранения баланса сил на Дальнем Востоке. Необходимость пересмотра уже принятой программы активно защищал великий князь Александр Михайлович, возглавивший Особое совещание по вопросу дислокации военно-морских сил России в конце 1895 г. В начале 1896 г. князь направил в адрес Николая II доклад «О пересмотре программы судостроения 1895 г.» и записку «Соображения о необходимости усилить состав русского флота в Тихом океане», которые привели к конфронтации с генерал-адмиралом великим князем Алексеем Александровичем и адмиралом Чихачевым. Несмотря на противодействие Витте, не желавшего финансировать программу, поддержка Николая II и целого ряда адмиралов вынудила Чихачева принять решение подать в отставку, которое было поддержано императором. Новым министром стал контр-адмирал Тыртов, поддержавший Александра Михайловича. Ради сохранения мира в императорской семье в отставку ушел и сам Александр Михайлович⁸⁴⁰.

16 июля большинство периодических изданий опубликовали сообщения, посвященные Морскому министерству. Так, «Московские ведомости» в этот день в разделе «Телеграммы» разместили краткую выжимку из высочайшего приказа об увольнении Чихачева «согласно прошению» и назначении Тыртова управляющим Морским министерством⁸⁴¹. То же самое опубликовало «Новое время»⁸⁴²,

⁸³⁸ Половцов А.А. Указ. соч. С. 125.

⁸³⁹ Тихонов А.С., Хавкин Б.Л. Указ. соч. С. 7–14.

⁸⁴⁰ РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 571. Л. 1–2.

⁸⁴¹ Телеграммы // Московские ведомости. 16 июля 1896 г.

⁸⁴² Правительственные распоряжения // Новое время. 16 июля 1896 г.

«Биржевые ведомости»⁸⁴³ и «Русские ведомости»⁸⁴⁴. Кроме того, газета Суворина 16 июля⁸⁴⁵ и «Биржевые ведомости» 17 июля⁸⁴⁶ напечатали идентичный текст с перечислением основных вех биографии нового морского министра.

«Биржевые ведомости» на первой странице опубликовали редакционную статью «Перемены в морском министерстве»⁸⁴⁷. Газета отметила, что любые изменения «в личном составе высших государственных учреждений» обозначали «обновление» или «оживление» этих учреждений. «Биржевые ведомости» подчеркнули возросшее значение российского флота, трансформацию его задач от «защиты балтийских и черноморских берегов» к деятельности по защите «безопасного пути в Индийский и Тихий океаны». Особенно отмечались задачи флота по обеспечению безопасности в тихоокеанском регионе, противодействию угрозам, исходящим со стороны Японии, развитию и поддержке российской коммерческой деятельности на Дальнем Востоке. «Биржевые ведомости» пожелали «новых и полных успехов обновленному ведомству».

18 июля «Московские ведомости»⁸⁴⁸ и «Гражданин»⁸⁴⁹ опубликовали краткую биографию нового управляющего Морским министерством Тыртова. Кроме того, «Гражданин» разместил полный текст высочайшего приказа по морскому ведомству⁸⁵⁰. В рубрике «Дневник» князь Мещерский рефлексировал по поводу состоявшегося назначения и отмечал его несомненную важность⁸⁵¹. Подчеркивая прошлое Тыртова как командира Тихоокеанской эскадры, Мещерский писал о «новой нужде морской обороны» на Дальнем Востоке и ставил будущее российской политики в регионе в «зависимость» от «политики нашего флота».

⁸⁴³ Действия правительства // Биржевые ведомости. 16 июля 1896 г.

⁸⁴⁴ Высочайшие приказы // Русские ведомости. 16 июля 1896 г.

⁸⁴⁵ Назначенный управляющим... // Новое время. 16 июля 1896 г.

⁸⁴⁶ Общественная жизнь // Биржевые ведомости. 17 июля 1896 г.

⁸⁴⁷ Перемены в морском министерстве // Биржевые ведомости. 16 июля 1896 г.

⁸⁴⁸ Внутренние известия // Московские ведомости. 18 июля 1896 г.

⁸⁴⁹ Высочайший приказ по морскому ведомству // Гражданин. 18 июля 1896 г. С. 10.

⁸⁵⁰ Назначенный управляющим... // Гражданин. 18 июля 1896 г. С. 10.

⁸⁵¹ Дневники // Высочайший приказ по морскому ведомству // Гражданин. 18 июля 1896 г. С. 20.

«Вестник Европы» никак не отреагировал на перемены в управлении Морским министерством.

4.2. Отставка П.С. Ванновского и назначение А.Н. Куропаткина

1 января 1898 г. генерал-адъютант П.С. Ванновский был освобожден от должности военного министра, которую он занимал с 1881 г. Новым управляющим министерством был назначен генерал-лейтенант А.Н. Куропаткин (1 января 1898 г. – 7 февраля 1904 г.). Официальной причиной ухода Ванновского стала болезнь, однако некоторые современники указывали на проблемы в межведомственной коммуникации, обострившиеся в царствование Николая II. Так, Витте писал, что Ванновский не мог переносить постоянного вмешательства великих князей в управление министерством; кроме того, министр имел «твердый, авторитетный и упрямый» характер, обусловленный многолетней службой в царствование Александра III, что не могло быть удобным Николаю. Витте также пишет о состоявшихся консультациях царя с Ванновским по поводу преемника последнего, по результатам которых, однако, все кандидатуры Ванновского (уволенный 31 декабря 1897 г. от должности начальника Главного штаба генерал-адъютант, генерал от инфантерии Н.Н. Обручев и начальник канцелярии Военного министерства генерал-лейтенант П.Л. Лобко) были отклонены, и новым министром стал «любимец общественности» Куропаткин⁸⁵². Половцов, напротив, указывает на то, что Куропаткин был креатурой Ванновского⁸⁵³. Отставка Ванновского произошла на фоне продолжающейся военной и дипломатической операции по присоединению к Российской империи Порт-Артура и Квантунского полуострова.

28 декабря 1897 г. «Гражданин» отметил «внезапный» приезд начальника Закаспийской области генерала Куропаткина в Петербург, в связи с чем высказал предположение о «предстоящем ему новом важном назначении»⁸⁵⁴.

⁸⁵² Витте С.Ю. Указ. соч. С. 461–462.

⁸⁵³ Половцов А.А. Указ. соч. С. 214, 254.

⁸⁵⁴ Дневники // Гражданин. 28 декабря 1897 г. С. 21.

2 января 1898 г. недельная информационная кампания «Московских ведомостей» началась с редакционной статьи «Новый военный министр»⁸⁵⁵. В ней кратко сообщалось, что, по известиям телеграфа, начальник Закаспийской области и командующий войсками, генерал-лейтенант Генерального штаба Куропаткин назначен управляющим Военным министерством. Приводилась подробная биография нового министра и его послужной список.

«Новое время» посвятило Военному министерству всего лишь два дня, однако 2 января опубликовало большое количество материалов, посвященных как Ванновскому, так и Куропаткину. На первой странице газеты был опубликован текст высочайшего рескрипта на имя Ванновского, содержащий подробное перечисление заслуг «57-ми-летней государственной службы» министра⁸⁵⁶. Представляется интересным процитировать часть этого рескрипта с перечислением конкретных изменений в армии: «Я был свидетелем стройности и целесообразности всех их движений и действий, я видел их прекрасное новое вооружение, я убедился в полном порядке и своевременности их довольствия всеми материальными предметами, наконец, я с удовольствием осмотрел грозные твердыни, возникшие или усовершенствованные на нашей западной границе». Эти тезисы, обозначенные царем, нашли свое отражение в последующих статьях консервативных изданий. После рескрипта также был опубликован и именной высочайший приказ о назначении Куропаткина, данный правительствующему сенату⁸⁵⁷. В редакционных статьях «Новое время» подробно остановилось на произошедших переменах⁸⁵⁸. Газета назвала Куропаткина «талантливым и широко подготовленным опытом и образованием» человеком, который получил от Ванновского «богатое и отлично устроенное наследство». В следующем материале «Новое время» обратилось к итогам деятельности Ванновского, на чью долю выпала «огромная работа по реорганизации наших сухопутных военных сил и

⁸⁵⁵ Новый военный министр // Московские ведомости. 2 января 1898 г.

⁸⁵⁶ Высочайшие рескрипты // Новое время. 2 января 1898 г.

⁸⁵⁷ Именные высочайшие указы // Новое время. 2 января 1898 г.

⁸⁵⁸ Новый год принес... // Новое время. 2 января 1898 г.

общей системы обороны государства»⁸⁵⁹. Перечисляя реформы военного министра, газета вспомнила увеличение численности запаса и «боевого элемента за счет небоевого», увеличение «способности армии к быстрой мобилизации» посредством новых кадров, «коренной перемены в дислокации войск» и «улучшения путей сообщения». Было отмечено перемещение больших воинских контингентов в западные районы страны, сокращение числа военных округов. Кроме того, положительно было оценено увеличение численности кавалерии, артиллерии и инженерных войск, создание национальных частей на Кавказе и в Финляндии, появление мортирных полков. Особо было подчеркнуто строительство новых крепостей в Варшаве, Осовце, Зегреже и Ковно. «На случай войны» образованы склады продовольствия и проведена работа над улучшением снабжения армии; улучшен быт нижних чинов и офицерского состава. В статье «А.Н. Куропаткин» газета привела подробную биографию нового военного министра⁸⁶⁰. Были отмечены его высокие профессиональные качества, военная научная деятельность, доступность и религиозность.

«Биржевые ведомости» посвятили Военному министерству только один номер от 2 января. На первой странице была опубликована фотография Куропаткина. В редакционной статье «Новогодний номер „Правительственного вестника“» газета отметила, что ходившие в Петербурге слухи о «целом ряде важных высших назначений» за исключением перемен в Военном министерстве не оправдались⁸⁶¹. Генерала Куропаткина «Биржевые ведомости» назвали довольно популярным в военной и гражданской среде: «Его имя связывается с доблестными подвигами незабвенного Скобелева, он слывет как даровитый и многознающий офицер генерального штаба, он пользуется уважением и симпатиями как дельный и милый человек». В разделе «Хроника» была приведена подробная биография нового военного министра⁸⁶².

⁸⁵⁹ Генерал-адъютант Петр Семенович Ванновский... // Новое время. 2 января 1898 г.

⁸⁶⁰ А.Н. Куропаткин // Новое время. 2 января 1898 г.

⁸⁶¹ Новогодний номер «Правительственного вестника» // Биржевые ведомости. 2 января 1898 г.

⁸⁶² Хроника // Биржевые ведомости. 2 января 1898 г.

«Русские ведомости» в этот день опубликовали краткую биографию Куропаткина⁸⁶³ и процитировали практически большую часть текста высочайшего рескрипта, данного на имя Ванновского⁸⁶⁴. Полный текст рескрипта был опубликован на следующий день, 3 января⁸⁶⁵.

3 января в «Московских ведомостях» была опубликована заметка «Русские военные министры», представлявшая собой краткую историческую справку о лицах, занимавших пост управляющего Военным министерством⁸⁶⁶.

4 января «Московские ведомости» практически слово в слово повторили статью «Нового времени» от 2 января, перечислили основные достижения военной машины Российской империи в царствование Александра III и Николая II. Были подчеркнуты кардинальные улучшения, качественные изменения и увеличение боевого потенциала по сравнению с армией эпохи Александра II. В публикациях 4 января отмечалась стабильность и возросшая боевая мощь российской армии, тон публикаций был призван не дать читателю поводов для сомнений в стратегических возможностях империи в осуществлении актуальных и планирующихся военных операций за рубежом, прежде всего в Тихоокеанском регионе. В объемной редакционной статье «Московских ведомостей» под названием «П.С. Ванновский»⁸⁶⁷ были заметны повторения тезисов «Нового времени», вплоть до отдельных речевых оборотов. В статье давалась пространная характеристика итогов деятельности генерал-адъютанта Ванновского во главе Военного министерства. Газета отметила, что генерал руководил военным ведомством более 17 лет. В заслугу ему ставилось продолжение осуществления военной реформы Александра II. Однако газета отмечала и недостатки этой реформы, с проявлениями которых пришлось бороться Ванновскому. Это проблема мобилизации, низкое количество «обученных нижних чинов», отсутствие

⁸⁶³ Высочайшим указом... // Русские ведомости. 2 января 1898 г.

⁸⁶⁴ Телеграфические известия // Русские ведомости. 2 января 1898 г.

⁸⁶⁵ Высочайшие рескрипты // Русские ведомости. 3 января 1898 г.

⁸⁶⁶ Русские военные министры // Московские ведомости. 3 января 1898 г.

⁸⁶⁷ П.С. Ванновский // Московские ведомости. 4 января 1898 г.

офицеров запаса, слабость и недостаточное количество вооружения, слабое развитие железнодорожной сети и отсутствие крепостей на западной границе. Несмотря на сокращение бюджета Военного министерства, министр Ванновский, по мнению редакции, справился со своими задачами. Причиной этому стало полное доверие со стороны «великого царя-самодержца», итогом деятельности – «крупные усовершенствования»: запас нижних чинов «достиг своей предельной нормы», создан «запас офицеров», улучшен состав унтер-офицеров, значительно «увеличен боевой состав на счет небоевого», усилена кавалерия, улучшен быт офицеров, преобразована «обозная часть», создан продовольственный запас на случай войны в вероятном районе сосредоточения армий, «пополнен с избытком некомплект пороха и патронов», построены крепости на западной границе и новые казармы в военных округах, «упрощена и ускорена мобилизация армии». Данных результатов, по замечанию «Московских ведомостей», удалось добиться единственно «организационными мерами», «без непосильных для государства расходов». Деятельность Ванновского была высоко отмечена государем императором, выпустившим именной рескрипт на его имя. Газета выразила уверенность, что преемник Ванновского генерал Куропаткин получит «богатое и отлично-устроенное наследство». Трудную задачу сохранения и приумножения военной мощи государства «царю угодно было возложить» на «талантливейшего, широко подготовленного опытом и образованием и молодого, полного жизни» Куропаткина. «Московские ведомости» выразили надежду, что новый военный министр станет «талантливым исполнителем предначертаний верховного вождя ... армии». В тот же день в разделе «Дневник печати» была опубликована заметка «Печать о новом военном министре»⁸⁶⁸. Газета привела выдержки из «Нового времени», «Света» и «Биржевых ведомостей», высоко оценивших личность и управленческие качества нового управляющего Военным министерством.

«Гражданин» назвал Ванновского «николаевцем» и высоко оценил его главным образом за искоренение либеральных явлений в русской армии;

⁸⁶⁸ Печать о новом военном министре // Московские ведомости. 4 января 1898 г.

положительно оценил нового министра Куропаткина. «Гражданин» опубликовал полные тексты «блестящего и длинного» высочайшего рескрипта Ванновскому и высочайшего указа о назначении Куропаткина⁸⁶⁹. «Дневник» князя Мещерского отметил давно ходившие слухи о переменах в Военном министерстве, в частности, упомянул имя генерал-адъютанта Обручева⁸⁷⁰. Были отмечены заслуги Ванновского, чья деятельность была направлена не только на «усиление наших оборонительных сил», но и на «улучшение положения русского солдата и русского офицера». «Гражданин» назвал Ванновского «солдатом и рабочим николаевского времени», который «настойчиво и упорно ... изгнал из русского войска те либеральные военные или, вернее, штатские веяния», которые с 1870-х гг. имели место в военной сфере, особенно в «военно-учебном ведомстве». «Гражданин» отметил положительные отзывы о преемнике военного министра – «говорят про его знание военного быта, про его выдержку, про его быстроту в работах».

5 января в «Московских ведомостях» вышла статья «А.Н. Куропаткин»⁸⁷¹. Редакция еще раз подчеркнула трудность и ответственность, с которыми придется столкнуться новому военному министру при работе с наследием Ванновского. Кроме того, газета отметила исключительную «известность и популярность» генерала «среди русского народа». В общих чертах газета еще раз повторила тезисы о том, что Куропаткин станет «мудрым руководителем» вооруженных сил и «верным исполнителем» указаний «старшего воина земли русской – верховного вождя ... армии». Статья 5 января косвенно подтверждает замечания современников о роли общественного мнения в назначении Куропаткина военным министром.

8 января «Московские ведомости» еще раз подчеркнули неуязвимость военной машины империи и готовность к решению любых стратегических задач. В разделе «Петербургские вести» была напечатана заметка «Речи П.С. Ванновского

⁸⁶⁹ Высочайшие рескрипты // Гражданин. 4 января 1898 г. С. 22–23.

⁸⁷⁰ Дневники // Гражданин. 4 января 1898 г. С. 26–27.

⁸⁷¹ А.Н. Куропаткин // Московские ведомости. 5 января 1898 г.

и А.Н. Куропаткина»⁸⁷². В ней описывалась сцена прощания Ванновского с сотрудниками министерства и представление последних новому управляющему военным ведомством. Ванновский попросил зачитать свой «прощальный приказ» и поблагодарил всех тех, с кем работал на протяжении многих лет. В своей речи Куропаткин сделал акцент на том, что первое время ему предстоит «не созидать, а поддерживать и развивать уже созданное». Эти же речи 11 января были опубликованы без каких-либо комментариев в «Гражданине». Отдельной заметкой был опубликован «Приказ по военному министерству» Ванновского⁸⁷³.

«Вестник Европы» никак не прокомментировал перемены в управлении военным ведомством.

4.3. Выводы

Перемены в управлении Морским министерством не привлекли широкого внимания российской прессы. В освещении этого события не находится признаков какой-либо информационной кампании, помимо собственно кратких новостных сообщений (см. Приложение, рис. 7). Основной идеей, прослеживающейся как у консервативных, так и у либеральных изданий, являлась идея о необходимости усиления российского флота на дальневосточных рубежах, что, тем не менее, говорит о поддержке редакциями решения Николая II. Проходящее фоном сооружение Транссиба и некоторое смещение фокуса российской внешней политики в азиатско-тихоокеанский регион, по мнению печати, являлось позитивным курсом, отражением которого и стали состоявшиеся перемены в управлении Морским министерством.

Наибольший интерес к переменам в управлении Военным министерством проявили «Московские ведомости», последовательно публиковавшие материалы, иллюстрирующие как итоги деятельности Ванновского, так и биографию Куропаткина и его потенциальные задачи на посту военного министра (см. Приложение, рис. 8). Редакция всячески подчеркивала заслуги Ванновского,

⁸⁷² Речь П.С. Ванновского и А.Н. Куропаткина // Московские ведомости. 8 января 1898 г.

⁸⁷³ Приказ по военному министерству // Московские ведомости. 8 января 1898 г.

оставившего свой пост; подробно и основательно анализировала итоги его деятельности; связывала успехи министерства с особым покровительством Александра III. Основной задачей нового министра газета видела лишь сохранение уже достигнутого уровня организации и подготовки вооруженных сил. Наполнение публикаций было призвано подчеркнуть достижение российской армией высокого уровня боеспособности и фактически заявляло о неуязвимости русского оружия перед лицом стоящих перед страной внешнеполитических целей на Дальнем Востоке. В том же духе были выдержаны публикации «Нового времени», причем, в отдельных статьях газеты Суворина и «Московских ведомостей» была видна отработка тезисов, высказанных Николаем II в высочайшем рескрипте на имя Ванновского; тональность и ряд фраз в статьях двух изданий совпадали. «Гражданин» главным образом обращал внимание на борьбу ушедшего в отставку министра с либеральными веяниями, кратко отмечал положительные итоги деятельности. Либеральные «Биржевые ведомости» и «Русские ведомости» не проявили особого интереса к состоявшимся переменам в Военном министерстве. Однако в их публикациях прослеживалась четкая линия на подчеркивание широкой общественной поддержки назначения Куропаткина. «Вестник Европы» никак не отреагировал на состоявшееся событие.

Заключение

Российская периодическая печать конца 1890-х гг. представляла собой важное социокультурное явление. В условиях отсутствия в стране представительских институтов и публичной политики, пресса во многих отношениях брала на себя квазипарламентские функции пространства и инструмента политической коммуникации. Традиционные представления об идеологической принадлежности рассмотренных в настоящей диссертации периодических изданий нуждаются в корректировке. Считавшиеся консервативными и реакционными «Московские ведомости», «Гражданин» и «Новое время» зачастую выступали с осторожной критикой отдельных сторон внутренней и внешней политики, предлагая альтернативные варианты модернизации, в то время как либеральные «Биржевые ведомости» активно использовали официозную семантику и сотрудничали с представителями высшей бюрократии, а «Русские ведомости» и «Вестник Европы» зачастую не замечали отдельные правительственные решения. Каждое из изданий имело собственную идеологическую основу, олицетворением которой выступала фигура издателя или главного редактора. «Московские ведомости», «Гражданин», «Русские ведомости» и «Вестник Европы» формулировали в первую очередь собственные идеологические установки, а «Биржевые ведомости» и «Новое время» представляли собой новый тип газеты, лишенный ярко выраженной идеологической окраски. «Московские ведомости» активно выступали в качестве апологетов российской самодержавной государственности. Сохранялась линия по поддержанию образа Александра III как настоящего русского самодержца, определявшего все стороны внутренней и внешней политики страны. Стоит отметить редуционизм в освещении важных общественно-политических тем: сложные вопросы, связанные с внешней и внутренней политикой, вплетенные в освещение внутривнутриполитических кадровых перестановок, рассматривались сквозь призму устойчивых стереотипов и идеологизированных клише (например,

самодержавного патернализма). Кроме того, в информационной политике «Московских ведомостей» было заметно сознательное конструирование информационных потоков и их ранжирование по значимости с целью создания необходимого редакции образа реальности (данные технологии особо проявлялись в кампаниях, связанных с освещением перемен в МИД и МВД). «Гражданин» неизменно выступал в защиту неограниченного самодержавия и политики Александра III, критиковал Великие реформы Александра II и вступал в полемику с либеральной и охранительской мыслью. Для «Гражданина» был характерен резкий стиль критики либеральной политики и либеральных изданий. Зачастую в оценках политических деятелей он не скупился на яркие оценочные суждения, а сюжеты, развивающие консервативные взгляды князя В.П. Мещерского, изобиловали идеологизированными клише. «Новое время» характеризовалось отсутствием единой и последовательной идеологической линии. Позиция газеты в отдельных сюжетах зачастую оказывалась ближе к изданиям либерального спектра, чем к консервативно-охранительским. Газета А.С. Суворина предоставляла своим читателям наиболее широкую вариативность публикуемого материала. Помимо редакционных статей отдельно стоит отметить некрологи и биографии, которые в «Новом времени», в отличие от других изданий, носили характер не сухого перечисления фактов, а личностной и идейной оценки, представляя собой краткие очерки. Поскольку газета А.С. Суворина располагала штатом собственных корреспондентов в России и за рубежом, важное место в информационной политике издания занимали рубрики «Корреспонденция „Нового времени“», «Внешние известия», «Внутренние известия» и т.д. Именно в «Новом времени» можно было найти самую широкую палитру обзора иностранных новостей и прессы. «Биржевые ведомости» большое внимание уделяли редакционным статьям аналитического характера. Важное место занимали сообщения с предположениями о личностях будущих министров. Признавая правильность Великих реформ, газета тем не менее достаточно сдержанно критиковала контрреформы и реакционный курс. В некоторых материалах газеты

при общей умеренно-либеральной направленности текста встречалась консервативно-охранительская семантика (вплоть до «прозорливого верховного вождя»). Кроме того, газета зачастую иллюстрировала перемены в управлении министерствами фотографическими изображениями министров на первой полосе. «Русские ведомости» выступали за возврат к политике Великих реформ, пересмотр законодательства, ограничившего права земств, пересмотр крестьянского и судебного законодательства, конституционные преобразования. В отличие от других изданий, активно комментирующих внешнюю политику, для «Русских ведомостей» была характерна концентрация на внутренних вопросах. От вопросов непосредственно политической смены руководства того или иного министерства газета старалась отойти к обсуждению более глобальных вопросов, связанных не столько с личностью того или иного чиновника, сколько с внутренними сторонами жизни страны, которые затрагивало в своей деятельности это министерство. «Вестник Европы» последовательно проводил либеральную линию, критиковал курс контрреформ и выступал за возврат к политике Александра II. Перемены в управлении некоторыми министерствами не привлекали внимания журнала, в то время как перемены в других вызывали подробные тексты аналитического характера. Из-за ежемесячного формата журнала, к моменту сдачи в печать очередного номера редакторы имели возможность проанализировать все опубликованные в других периодических изданиях материалы и включить в свой текст полемику с ними. Наиболее твердо и последовательно «Вестник Европы» критиковал позицию консервативных изданий, особенно «Московских ведомостей».

Власть не имела единой концепции управления медиапространством, в отношениях ГУДП с консервативными изданиями превалировали неформальные практики и выборочное применение законодательных норм, в то время как с либеральными коммуникация строилась строго в правовом поле. «Русские ведомости» зачастую шли на прямой конфликт с властями, что приводило к запретам и ограничениям, «Вестник Европы» вел себя достаточно осторожно,

избегая мер административного воздействия, а «Биржевые ведомости» активно сотрудничали с Главным управлением по делам печати. Освещение внутриполитических процессов в печати несло в себе элементы не только информирования, но и политической дискуссии, интересантами и патронами различных периодических изданий выступали обретавшие политическую субъектность представители высшей бюрократии. Издатели и главные редакторы периодических изданий имели прочные неформальные связи с представителями правящих кругов, постепенно превращая прессу в непосредственно вовлеченного участника политических процессов. К.П. Победоносцев продолжал оказывать влияние на информационную политику «Московских ведомостей», хотя и при растущем недовольстве редакции. «Гражданин», разойдясь с К.П. Победоносцевым, нашел неожиданного негласного союзника в лице С.Ю. Витте, который оказывал изданию финансовую поддержку и установил с князем В.П. Мещерским такие отношения, следствием которых стало отсутствие критики политики министра финансов со стороны ее идеологического противника. С.Ю. Витте, понимавший важность прессы для решения собственных политических задач, установил прочные личные отношения с С.М. Проппером, А.С. Сувориным и В.А. Грингмутом, что способствовало в целом лояльному отношению их изданий к министру финансов. Попытки И.Л. Горемыкина повторить опыт С.Ю. Витте и выстроить неформальную лояльную журналистскую сеть, но с использованием только легальных форм (например, соответствующих должностей), не увенчались успехом.

Анализ освещения кадровых перемен в Министерстве путей сообщения, Министерстве внутренних дел и Министерстве народного просвещения выявил сложную картину организации и проведения информационных кампаний в печати. Позиция каждого издания в каждой конкретной ситуации определялась либо идейными установками издателей и редакторов, либо личными отношениями с фигурантами событий. Представляется невозможным говорить о монолитности позиций «правительственного» или «оппозиционного» лагеря в журналистике.

«Московские ведомости», обязанные А.К. Кривошеину обеспечением продаж на железных дорогах, практически никак не отреагировали на состоявшиеся перемены в управлении МПС. Князь В.П. Мещерский считал причины отставки А.К. Кривошеина надуманными, однако на страницах «Гражданина» не стал защищать министра путей сообщения, отказавшись от освещения этого сюжета. «Новое время» провело собственную линию, критикуя как всех министров путей сообщения, так и Министерство финансов под руководством С.Ю. Витте, призвало к объединению двух ведомств в единое Министерство торговли и промышленности. «Биржевые ведомости» заняли комплементарную по отношению к С.Ю. Витте позицию, подробно проанализировали деятельность Министерства путей сообщений за последние десятилетия, положительно оценили короткий период руководства С.Ю. Витте и пришли к выводу о необходимости реорганизации министерства и присоединения его к Министерству финансов. Мысли, высказанные в конце 1894 г. в печати, в некоторой степени нашли свое воплощение в 1905 г., когда по инициативе С.Ю. Витте путем передачи части функций Министерства путей сообщения, Министерства внутренних дел и Министерства финансов было образовано новое Министерство торговли и промышленности. «Русские ведомости» при освещении перемен в Министерстве путей сообщения ограничились перепечаткой материалов других газет. «Вестник Европы» акцентировал внимание на профессиональном и карьерном пути нового министра. Перемены в управлении МВД в 1895 г. привлекли особое внимание либеральной печати и «Нового времени». «Биржевые ведомости» и «Русские ведомости» использовали отставку И.Н. Дурново как повод для умеренной критики контрреформ, выразили надежду на решение И.Л. Горемыкиным в первую очередь крестьянского вопроса. «Новое время» опубликовало большое количество материалов, выдержанных в либеральном духе, что привело к активному цитированию его статей в «Биржевых ведомостях» и «Русских ведомостях». «Вестник Европы» ожидал решения вопросов земств и местного управления. «Московские ведомости» и «Гражданин» в 1895 г. фактически проигнорировали

состоявшиеся перемены в управлении МВД и сместили акценты на другие сюжеты. Это можно объяснить в случае с «Московскими ведомостями» нежеланием К.П. Победоносцева (в тот период активно влиявшего на информационную политику газеты и предположительно принявшего участие в назначении И.Л. Горемыкина) акцентировать внимание общества на состоявшихся переменах, в случае с «Гражданином» – ролью В.П. Мещерского при назначении И.Н. Дурново в 1889 г. министром и натянутыми отношениями В.П. Мещерского с К.П. Победоносцевым в указанный период. Тем не менее, все периодические издания в 1895 г. объединяло положительное отношение к личности И.Л. Горемыкина. В освещении перемен в управлении Министерством народного просвещения в 1897–1898 гг. также проявились идеологические противоречия. «Московские ведомости» и «Гражданин» использовали данный сюжет для проведения кампании, представляющей систему российского образования как один из важнейших инструментов по развитию самодержавной государственности. Публикацией личных воспоминаний и историй из жизни министра, обе газеты пытались создать положительный образ И.Д. Делянова. Однако говоря о Н.П. Боголепове, «Московские ведомости» акцентировали внимание лишь на профессиональных качествах нового министра, а «Гражданин» критиковал остальные издания за ожидания от нового назначения. Как и в случае с переменами в управлении Министерством иностранных дел, князь В.П. Мещерский отказался от прямого публичного выражения собственной позиции, на протяжении более 10 лет заключающейся в активной критике И.Д. Делянова и его курса. «Биржевые ведомости», «Русские ведомости» и «Новое время» выразили достаточно близкие позиции, раскритиковали отдельные аспекты контрреформ в сфере образования, однако провели мысль о том, что И.Д. Делянов лишь пытался скорректировать перегибы своего предшественника, графа Д.А. Толстого. «Вестник Европы» занял крайнюю позицию, раскритиковал все итоги деятельности И.Д. Делянова и выступил за либерализацию системы образования в духе Великих реформ. В 1899 г., после отставки И.Л. Горемыкина и назначения Д.С. Сипягина на пост

управляющего МВД, либеральные издания также уделили больше внимания состоявшимся перестановкам. По сравнению с 1895 г. все без исключения издания раскритиковали деятельность министерства и лично И.Л. Горемыкина. «Московские ведомости», поддерживая Д.С. Сипягина, снова перевели внимание читателя на другие темы. «Гражданин», в отличие от 1895 г., провел активную кампанию, совпадающую с позицией Николая II: газета увидела в состоявшихся переменах и дате назначения Д.С. Сипягина глубокий символический смысл и поворот во внутренней политике; жестко раскритиковала отсутствие практических результатов деятельности И.Л. Горемыкина. Можно предположить, что в назначении Д.С. Сипягина князь В.П. Мещерский увидел исполнение своих идей об устранении «бюрократического средостения» между царем и народом. «Новое время», на которое И.Л. Горемыкин безуспешно пытался опереться при проведении собственной политики, выразило близкую к «Гражданину» позицию и раскритиковало ушедшего в отставку министра с консервативных позиций. А.С. Суворин проводил мысль об отсутствии у Д.С. Сипягина какой-либо политической программы, что в дальнейшем привело к осложнениям в отношениях между МВД и редакцией «Нового времени». Близкие к С.Ю. Витте «Биржевые ведомости», критикуя И.Л. Горемыкина с либеральных позиций, провели яркую кампанию по созданию положительного образа Д.С. Сипягина. Информационные кампании, комплементарно настроенные по отношению к Д.С. Сипягину, были близки позиции министра финансов, особенно после публичного конфликта С.Ю. Витте и И.Л. Горемыкина в 1899 г. и свидетельств о поддержке С.Ю. Витте кандидатуры нового министра. «Русские ведомости» и «Вестник Европы» в своих информационных кампаниях выразили собственные идейные установки, издания раскритиковали нерешенность крестьянского и земского вопросов при И.Л. Горемыкине в сторону либерализации и не выразили больших надежд на изменения под руководством Д.С. Сипягина.

МИД, прибегая к помощи Главного управления по делам печати, стремился контролировать журналистскую риторику в отношении внешнеполитического

курса. «Новое время» выступало в роли проводника активной внешней политики, что в период министерств А.Б. Лобанова-Ростовского и М.Н. Муравьева расценивалось внешнеполитическим ведомством в негативном ключе. Изоляционистской позиции князя В.П. Мещерского МИД уделял несопоставимо меньше внимания. Учитывая традиционно повышенное внимание к внешнеполитическим новостям, в масштабных информационных кампаниях, связанных со кадровыми переменами в МИД, пресса активно использовала эти сюжеты прежде всего для фиксации собственных идеологических позиций. Несмотря на то, что цензурная политика министерства вызывала недовольство как у консервативных, так и либеральных журналистов, в большинстве изданий прослеживалось одобрение проводимого внешнеполитического курса. При освещении кадровых перемен в ведомстве общим для консервативных и либеральных изданий был акцент на ведущей роли императора в формировании внешней политики и поддержка интенсификации усилий по созданию русско-французского союза. В публикациях «Московских ведомостей» были заметны отголоски катковской кампании против Н.К. Гирса – деятельность министра практически не освещалась и косвенно была раскритикована за недостаточно твердое (по мнению газеты) отношение к Германии и Австро-Венгрии. Особое место в информационных кампаниях заняла фигура А.Б. Лобанова-Ростовского, чью роль в активизации дальневосточного и европейского направлений признавали как консервативные, так и либеральные издания. В период теневой борьбы за пост министра иностранных дел в начале 1895 г. «Московские ведомости», «Новое время» и «Биржевые ведомости» заняли явную комплементарную позицию по отношению к кандидатуре А.Б. Лобанова-Ростовского и обеспечили поддержку кадровому решению Николая II. Смерть А.Б. Лобанова-Ростовского во время европейского путешествия Николая II вызвала наибольшее количество публикаций во всех периодических изданиях. Активно использовались обзоры иностранной прессы. Яркие антианглийские кампании «Нового времени» и «Московских ведомостей» были близки к позиции С.Ю. Витте по вопросу русско-английских

отношений. Назначение М.Н. Муравьева, хоть полностью и не поддержанное всеми политическими силами, в частности, С.Ю. Витте, вызвало в печати сдержанно-положительную реакцию, в основном отмечающую связь нового министра с императорской фамилией. «Вестник Европы» в своих материалах на протяжении 1890-х гг. критиковал как отдельные аспекты деятельности МИД, так и подход проправительственной прессы к вопросам внешней политики.

Кадровые перестановки в Морском и Военном министерствах не получили широкого резонанса в прессе, однако их освещение выявило идеологическую ориентацию изданий. Центральной идеей «Гражданина» и «Биржевых ведомостей» стала мысль о необходимости продолжения усилий по созданию полноценного Тихоокеанского флота. Отставка П.С. Ванновского с поста руководителя Военного министерства привлекла особенное внимание «Московских ведомостей». Газета провела яркую информационную кампанию, в которой обратила внимание на возросшую под руководством министра боевую мощь российской армии. Подчеркивание неуязвимости созданной П.С. Ванновским системы происходило на фоне военного и экономического проникновения России на Квантунский полуостров. Положительная оценка «Московскими ведомостями» бывшего военного министра была близка к точке зрения С.Ю. Витте. Кроме того, именно благодаря С.Ю. Витте год спустя П.С. Ванновский начнет знаменитое расследование студенческих беспорядков в Петербурге. Интересно, что «Московские ведомости» и «Новое время» в своих публикациях последовательно использовали тезисы из высочайшего рескрипта Николая II на имя военного министра. «Гражданин» концентрировал внимание на борьбе П.С. Ванновского с либеральными веяниями в Военном министерстве. «Биржевые ведомости» и «Русские ведомости», не проявив глубокого интереса к теме, акцентировали внимание на широкой общественной поддержке назначения нового министра А.Н. Куропаткина.

В первые пять лет царствования Николая II продолжился процесс формирования новых отношений власти и прессы. Заинтересованность высших

бюрократов в использовании печати в собственных политических интересах и желание редакторов периодических изданий оказывать влияние на внутривнутриполитические процессы определили их постепенное сближение и взаимное влияние. Тенденции, заложенные в 1890-е гг., оказали влияние на последующее развитие политической коммуникации в России, а также отношения власти и периодической печати в условиях кризиса самодержавной государственности. В рамках дальнейшей разработки темы настоящей диссертации представляется возможным углубление теоретико-методологической основы исследования с целью всестороннего изучения и осмысления процесса зарождения в российских условиях политической коммуникации через медиа. Видится перспективным увеличение источниковой базы за счет привлечения комплекса материалов, связанных с деятельностью не вошедших в настоящую работу периодических изданий, а также расширение временных рамок до событий первой русской революции 1905 г., создавшей принципиально иную реальность в отношениях власти, общественности и общества.

Список использованных источников и литературы

Источники

Архивные материалы

Государственный архив Российской Федерации

1. Ф. 601 – Николай II, император
2. Ф. 634 – Тихомиров Л.А.
3. Ф. 1099 – Филиппов Т.И.

Отдел рукописей Российской государственной библиотеки

1. Ф. 230 – Победоносцев К.П.
2. Ф. 265 – Самарины

Российский государственный архив литературы и искусства

1. Ф. 40 – Арсеньев К.К.
2. Ф. 459 – Суворин А.С.
3. Ф. 572 – Энгельгардты
4. Ф. 1393 – Грингмут В.А.
5. Ф. 1701 – газета «Русские ведомости»

Российский государственный исторический архив

1. Ф. 776 – Главное управление по делам печати МВД
2. Ф. 1574 – Победоносцев К.П.
3. Ф. 1622 – Витте С.Ю.
4. Ф. 1626 – Горемыкин И.Л.

Рукописный отдел ИРЛИ РАН

1. Ф. 293 – Стасюлевич М.М.
2. Ф. 359 – Арсеньев К.К.

Законодательство

1. Сборник постановлений и распоряжений, относящихся до Императорской Академии наук и подведомственных ей ученых учреждений. СПб.: Типография императорской Академии наук, 1889. 110 с.
2. Свод морских постановлений. Издание 1901 года: Кн. 5/26. СПб.: тип. Морского м-ва, 1887–1915, 1902. 71 с.
3. Устав о цензуре и печати. Свод законов, т. XIV, изд. 1890 г. и по прод. 1902 г.), с изменениями по 1 июля 1905 г. / Сост. И.Н. Лодыженский и И.В. Ратьков-Рожнов. СПб.: Гос. тип., 1905. 68 с.

Периодические издания

1. Биржевые ведомости. СПб., 1894–1899.
2. Вестник Европы. М., 1894–1899.
3. Гражданин. М., 1894–1899.
4. Московские ведомости. М., 1894–1899.
5. Новое время. СПб., 1894–1899.
6. Русские ведомости. М., 1894–1899.

Публицистика

1. *Абрамович Н.Я.* «Новое время» и соблазненные младенцы. Пг.: Памфлет, 1916, 48 с.
2. *Гиляровский В.А.* Москва газетная // Избранное. В 3-х т. Т. 2: Москва газетная; Рассказы и очерки. М.: Московский рабочий, 1960. С. 15–284.
3. *Глинский Б.Б.* «Новое время» (1876–1916): Исторический очерк. Пг.: тип. товарищества А.С. Суворина «Новое время», 1916. 182 с.
4. *Лисовский Н.М.* Библиография русской периодической печати 1703–1900 гг. (материалы для истории русской журналистики). Пг.: Типография Акц. Общ. Тип. Дела, 1915. 1066 с.

Статистические данные

1. Общий свод по Империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. Т. 1–2. СПб., 1905. 417 с.

Воспоминания, дневники и переписка

1. *Богданович А.В.* Три последних самодержца. Дневники генеральши Богданович. М.: Новости, 1990. 604 с.

2. Великая княгиня Елисавета Феодоровна и император Николай II. Документы и материалы (1884–1909 гг.) / Авт.-сост. А.Б. Ефимов, Е.Ю. Ковальская. СПб.: Алетейя, 2009. 848 с.

3. *Витте С.Ю.* Воспоминания. М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2010. 1247 с.

4. *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого: правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 810 с.

5. Дневники императора Николая II (1894–1918). Т. 1: 1894–1904 / Отв. ред. С.В. Мироненко. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 1101 с.

6. *Кауфман А.Е.* За кулисами печати (из воспоминаний старого журналиста). СПб.: Российская национальная библиотека, 2011. 222 с.

7. *Кольишко И.И.* Великий распад. Воспоминания. СПб.: Нестор-История, 2009. 464 с.

8. *Куломзин А.Н.* Пережитое. Воспоминания / Сост., вступ. ст., коммент. и примеч. К.А. Соловьёва. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 1038 с.

9. *Ламздорф В.Н.* Дневник. 1894–1896. М.: Международные отношения, 1991. 453 с.

10. М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке / Под ред. М.К. Лемке. Т. V. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1913. 525 с.

11. *Мещерский В.П.* Мои воспоминания. Часть вторая. СПб.: Тип. кн. В.П. Мещерского, 1898. 514 с.

12. *Никольский Б.В.* Дневник 1896–1918. Т.1.: 1896–1903. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. 703 с.
13. Письма А.С. Суворина к В.В. Розанову. СПб.: тип. товарищества А.С. Суворина «Новое время», 1913. 183 с.
14. *Половцов А.А.* Дневник. 1893–1909 / Сост., коммент., вступ. ст. О.Ю. Голечковой. СПб.: АНО «Женский проект»; Алетейя, 2014. 704 с.
15. *Проннер С.М.* То, что не попало в печать. М.: Vatrikstan, 2024. 320 с.
16. *Розенберг В.А.* Из истории русской печати. Организация общественного мнения в России и независимая беспартийная газета «Русские ведомости» (1863–1918). Прага: Пламя, 1924. 263 с.
17. *Суворин А.С.* Дневник Алексея Сергеевича Суворина / Подгот. текста Д. Рейфилда и О.Е. Макаровой. 2-е изд., испр. и доп. London: The Garnett press; М.: Изд-во Независимая газ., 2000. 667 с.
18. *Тихомиров Л.А.* Дневник (С января 1889 г. по декабрь 1895 г. №2) // Воспоминания. М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2003. 617 с.
19. *Феоктистов Е.М.* За кулисами политики и литературы (1848–1896). М.: Новости, 1991. 464 с.
20. *Ясинский И.И.* Роман моей жизни. Книга воспоминаний: в 2 т. Т. I. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 719 с.

Литература

1. *Амбросьев А.В.* Организационно-правовые основы деятельности Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел Российской империи (1865–1917 гг.): дис. ... канд. юр. наук. М.: Академия управления МВД России, 2012. 186 с.
2. *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* И.А. Вышнеградский и С.Ю. Витте – корреспонденты «Московских ведомостей» // Проблемы общественной мысли и экономическая политика России XIX–XX веков. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1972. С. 12–34.

3. *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 429 с.
4. *Андреев Д.А.* Самодержавие и борьба в правительственных верхах в 1894–1904 гг.: дис. ... докт. ист. наук. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2022. 663 с.
5. *Андреев Д.А.* Самодержавие на переломе: 1894 год в истории династии и власти. СПб.: Алетейя, 2022. 234 с.
6. *Бадалян Д.А.* Борьба элит и журналистика в России эпохи нациестроительства // Тетради по консерватизму. 2022. № 1. С. 263–296.
7. *Балуев. Б.П.* Политическая реакция 80-х годов XIX в. и русская журналистика. М.: Изд. МГУ, 1971. 314 с.
8. *Барыкина И.Е.* Между самодержавием и автократией (Внутренняя политика Российской империи второй половины XIX в.: государственное управление и самодержавная власть). СПб.: СПб АППО, 2016. 204 с.
9. *Боханов А.Н.* Буржуазная пресса России и крупный капитал, конец XIX – 1914 г. М.: Наука, 1984. 152 с.
10. *Вебер М.* Политика как призвание и профессия // Власть и политика. М.: РИПОЛ Классик, 2017. 429 с.
11. Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. 800 с.
12. *Голечкова О.Ю.* Бюрократ его величества в отставке: А.А. Половцов и его круг в конце XIX – начале XX века. М.: АИРО-XXI, 2015. 188 с.
13. *Грачев М.Н.* Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития. М.: Прометей, 2004. 328 с.
14. *Динерштейн Е.А.* А.С. Суворин. Человек, сделавший карьеру. М.: РОССПЭН, 1998. 374 с.
15. *Есин Б.И.* История русской журналистики XIX века: Учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальности «Журналистика». 3-е изд., испр. М.: Изд. МГУ; «Печатные традиции», 2008. 304 с.

16. *Есин Б.И.* Путешествие в прошлое (газетный мир XIX века). М.: Изд. МГУ, 1983. 160 с.
17. *Есин Б.И.* Русская газета и газетное дело в России. М.: Изд. МГУ, 1981. 132 с.
18. *Есин Б.И.* Русская журналистика 70–80-х годов XIX века. М.: Изд. МГУ, 1963. 189 с.
19. Журналистика в контексте времени: монография / под ред. Т.Н. Владимировой, В.А. Славиной, Н.В. Кодола. М.: МПГУ, 2020. 293 с.
20. *Зайончковский П.А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия (Политическая реакция 80-х – начала 90-х годов). М.: Мысль, 1970. 444 с.
21. *Иванов Д.В.* Формирование военной цензуры России. 1810–1905 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М.: РАНХиГС, 2000. 293 с.
22. *Игнатова И.Б.* В.П. Буренин в «Новом времени» (1876–1900) (Библиографический список критических статей). // Новое литературное обозрение. 2012. № 6 (118). С. 441–457.
23. *Игумнов Д.А.* Общественно-политическая полемика на страницах изданий «Гражданин» и «Новое время» (1894–1904): дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2022. 242 с.
24. История внешней политики России (конец XV – 1917 г.): в 5 т. Т. 5. М.: Международные отношения, 1998. 672 с.
25. *Казакова Н.Ю.* К вопросу об ответственности журналиста (А. С. Суворин в контексте эпохи) // Вестник РГГУ. Серия «Журналистика. Литературная критика». 2007. № 9. С. 64–78.
26. *Кайль А.В.* «Гражданин» князя В.П. Мещерского // Известия Саратовского университета. Серия История. Международные отношения, выпуск 1. 2011. №11. С. 8–15.
27. *Кайль А.В.* Журналы «Гражданин» и «Вестник Европы» как отражение общественной мысли в России в пореформенный период: Дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2010.

28. *Кара-Мурза С.Г.* Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2005. 832 с.
29. *Карцов А.С.* Русский консерватизм второй половины XIX –начала XX вв.: (князь В. П. Мещерский). СПб.: Изд. СПбГУ, 2004. 417 с.
30. *Каулин К.В.* Документы Архива внешней политики России как источник по истории взаимодействия Министерства иностранных дел России с прессой в начале XX века: дис. ... канд. ист. наук М., 2022.
31. *Кельнер В.Е.* Человек своего времени. СПб.: Изд-во Рос. нац. б-ки, 1993. 316 с.
32. *Китаев В.А.* Об особенностях либерализма «Вестника Европы» (1870–1880-е гг.) // Петр Андреевич Зайончковский: сборник статей и воспоминаний к столетию историка. М.: РОСПЭН, 2008. 879 с.
33. *Коновалова А.В.* К вопросу об истории газеты «Биржевые ведомости» // Экономическая история. Обзорение. Вып. 6. М., 2001. С. 111–119.
34. *Котов А.Э.* «Современная нефеодалная монархия»: русская консервативная печать конца XIX века в поисках национальной идеологии // Тетради по консерватизму. 2015. № 4. С. 130–146.
35. Кризис самодержавия в России. 1895–1917. Л.: Наука (Ленинградское отделение), 1984. 664 с.
36. *Кострикова Е.В.* Информационная служба Министерства финансов в конце XIX – нач. XX вв. // «Валерий Иванович Бовыкин: Человек. Исследователь. Педагог. К 90-летию со дня рождения. М., 2019. С. 99-111.
37. *Кострикова Е.В.* «Мост через пропасть». Отдел печати МИД и русская пресса в начале XX века» // Российская история. 2010. № 5. С. 183-193.
38. *Кострикова Е.В.* Пресса и МИД в начале XX века // Российская дипломатия: история и современность. Материалы Науч.-практич. конф., посвященной 450-летию создания Посольского приказа. 29 октября 1999 г. МГИМО. М., 2001. С. 313-327.

39. *Кострикова Е.В.* Россия на пороге информационных войн. Политика российского правительства в сфере СМИ в начале XX в. СПб.: Петроглиф, 2020. 352 с.

40. *Кругликова О.С.* Консервативное направление в журналистике пореформенной России: ключевые концепты и коммуникативные практики: дис. ... докт. филол. наук. СПб.: СПбГУ, 2024. 398 с.

41. *Кругликова О.С.* Пресса русского консерватизма XIX в.: идеи, имена, издания. СПб.: Русайнс, 2023. 185 с.

42. *Кушнарев И.С.* Жизнь и государственная деятельность А.Б. Лобанова-Ростовского (1844–1896) // Князь Алексей Борисович Лобанов-Ростовский – кузнец внешней политики. Дипломат, министр МИД, генеалог, историк, коллекционер / Сост.: Е. С. Федорова, Н. Д. Лобанов-Ростовский. М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. 680 с.

43. *Лебон Г.* Психология народов и масс. М.: АСТ, 2016. 320 с.

44. *Липпман У.* Общественное мнение. М.: Институт фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.

45. *Лихоманов А.В.* Борьба самодержавия за общественное мнение в 1905–1907 гг. СПб.: Издательство Российской национальной библиотеки, 1997. 133 с.

46. *Локишин А.Е.* Газета «Русские ведомости» в общественной жизни России в период политической реакции 80-х - начала 90-х годов XIX века: дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1982. 233 с.

47. *Лукоянов И.В.* «Не отстать от держав...» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. СПб.: Нестор-История, 2008. 668 с.

48. *Махонина С.Я.* История русской журналистики начала XX века. М.: Флинта, Наука, 2011. 238 с.

49. «Московские ведомости» 1756–1917. В 2 ч. / под ред. Б.И. Есина, О.Д. Минаевой. Ч. 1. М.: Ф-т журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, 2008. 164 с.

50. *Пайнс Р.* Русский консерватизм и его критики: исследование политической культуры. М.: Новое издательство, 2008. 252 с.

51. *Патрушева Н.Г.* Цензурное законодательство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX – начале XX века: дис. ... докт. ист. наук. СПб.: СПбГУ, 2014. 747 с.

52. *Полунов А.Ю.* К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 374 с.

53. *Ремнёв А.В.* Самодержавное правительство: Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XIX – начало XX века). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 511 с.

54. *Репников А.В.* Консервативные концепции переустройства России. М.: Academia, 2007. 519 с.

55. *Репников А.В., Милевский О.А.* Две жизни Льва Тихомирова. М.: Academia, 2011. 558 с.

56. Российский либерализм: идеи и люди. М.: Новое издательство, 2007. 904 с.

57. Русская литература и журналистика в предреволюционную эпоху: формы взаимодействия и методология анализа. М.: ИМЛИ РАН, 2021. 768 с.

58. Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). Книга 1. М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2001. 960 с.

59. Русский консерватизм XIX столетия: Идеология и практика / Под ред. В.Я. Гросула. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 439 с.

60. Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века. М.: РОССПЭН, 2010. 637 с.

61. *Рыбаченок И.С.* Визиты Николая II и Феликса Фора (1896–1897 гг.) на страницах газеты «Новое время» // Россия и Франция XVIII–XX вв. Вып. 12. М., 2017. С. 81–112.

62. *Самонов С.В.* Министр финансов С.Ю. Витте глазами русской периодической печати (по материалам газет «Новое время», «Биржевые

ведомости» и «Русский труд») // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 8. История. 2008. №2. С. 69–78.

63. *Самонов С.В.* Министр финансов С.Ю. Витте и его политика в общественном мнении России (1892–1903 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2007. 267 с.

64. *Санькова С.М.* Обстоятельства начала постоянного сотрудничества В.В. Розанова в газете А.С. Суворина «Новое время» // Тетради по консерватизму. 2019. № 4. С. 286–202.

65. *Серопегин А.М.* Перемены в управлении МИД России в 1895 г. на страницах либеральной и консервативной прессы // Клио. 2024. № 2 (206). С. 18–25.

66. *Серопегин А.М.* Взаимодействие либеральной периодики и МВД в 1894–1899 гг.: стратегии «Биржевых ведомостей», «Русских ведомостей» и «Вестника Европы» // Клио. 2025. № 2 (218). С. 40–46.

67. *Серопегин А.М.* Перемены в управлении МВД в 1899 г.: освещение в консервативной и либеральной периодике (по материалам «Московских ведомостей», «Гражданина», «Нового времени», «Биржевых ведомостей», «Русских ведомостей» и «Вестника Европы») // Человеческий капитал. 2025. № 8 (200). С. 45–54.

68. *Серопегин А.М.* Взаимоотношения «Московских ведомостей», «Гражданина» и «Нового времени» с Главным управлением по делам печати в конце 1890-х гг.: формальные и неформальные практики // Исторический журнал: научные исследования. 2025. № 4. С. 174–184.

69. *Сиберт Ф., Шрамм У., Питерсон Т.* Четыре теории прессы. М.: Национальный институт прессы; Изд-во «Вагриус», 1998. 224 с.

70. *Соловьёв К.А.* Политическая система Российской империи в 1881–1905 гг.: проблема законотворчества. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 351 с.

71. *Соловьёв К.А.* Res publica в общественной мысли России (вторая половина XIX – начало XX в.) // Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до

конца XX века. Коллективная монография / Под ред. К.А. Соловьева. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 824 с.

72. *Соловьёв Ю.Б.* Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л.: Наука (Ленинградское отделение), 1973. 383 с.

73. *Соловьева И. Шитова В. А.С.* Суворин: портрет на фоне газеты. М.: Государственный центральный театральный музей, Navona, 2017. 125 с.

74. *Сонова А.П.* Правовое регулирование периодической печати в Российской империи в начале XX века: дис. ... канд. юр. наук. М.: НИУ ВШЭ, 2021. 294 с.

75. *Тарле Е.В.* Сочинения в двенадцати томах. Т. XI. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. 890 с.

76. *Таточенко В.В.* Роль «Русских ведомостей в формировании гражданственности во второй половине XIX – начале XX века // Вопросы отечественной и зарубежной истории, политологии, теологии, образования: материалы конф. «Чтения Ушинского». Ярославль, 2009. С. 158–164.

77. Типология журналистики в России: опыт формирования и трансформации. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2025. 385 с.

78. *Тихонов А.С., Хавкин Б.Л.* Деятельность Морского ведомства по усилению российского флота на Дальнем Востоке в 1895–1898 гг. // Гуманитарные исследования Центральной России. 2021. №1 (18). С. 7–14.

79. *Уортман Р.С.* Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. В 2 т. Т. 2. М.: ОГИ, 2004. 796 с.

80. Управленческая элита Российской Империи (1802–1917). СПб.: Лики России, 2008. 693 с.

81. *Хуторова Л.М.* Алексей Сергеевич Суворин, 1834–1912 гг.: судьба и взгляды: дис. ... канд. ист. наук. Казань.: КФУ. 2001.

82. *Черникова Н.В.* Портрет на фоне эпохи: князь Владимир Петрович Мещерский. М.: РОССПЭН, 2017. 479 с.

83. *Шелохаев В.В.* Либерализм в России в начале XX века. М.: РОССПЭН, 2019. 503 с.
84. *Шелохаев В.В.* Либеральная модель переустройства России. М.: РОССПЭН, 1996. 280 с.
85. *Юровский В.Е.* Газета либеральной интеллигенции «Русские ведомости» // Вопросы истории. 1997. №1. С. 149–154.
86. *Ambler E.* Russian journalism and politics, 1861–1881: the career of Aleksei S. Suvorin. Detroit: Wayne State University Press, 1972. 239 p.
87. *Braddock R.* An Extension of the “Lasswell Formula” // Journal of Communication, Volume 8, Issue 2, June 1958. P. 88–93.
88. *Brooks J.* Readers and Reading in the End of the Tsarist Era. Literature and Society in Imperial Russia. Stanford University Press, 1978. 306 p.
89. *Brooks J.* When Russia Learned to Read (Literacy & Popular Literature, 1861–1917). Princeton University Press, 1985. 450 p.
90. *Fedyashin A.A.* Autochthonous and Practical Liberals: *Vestnik Evropy* and Modernization in Late Imperial Russia. PhD thesis. Georgetown University, Washington, DC, 2007. 415 p.
91. *Harcave S.* Count Sergei Witte and the Twilight of Imperial Russia: a Biography. Armonk; London: Sharpe, 2004. 323 p.
92. *Krukones J.H.* To the people: The Russian Government and the Newspaper *Sel'skii vestnik* (“Village Herald”) 1881–1917. New York and London: Garland, 1987. 279 p.
93. *Lasswell H.* The Structure and Function of Communication in Society. In Bryson, L. (ed.). The Communication of Ideas. New York: Institute for Religious and Social Studies, 1948. P. 37–51.
94. *Lieven D.C.B.* The end of Tsarist Russia, NY: Penguin, 2015. 448 p.
95. *McQuail D.* McQuail's Mass Communication Theory. London: Sage, 2010. 632 p.

96. *McReynolds L.* The News under Russia's Old Regime: The Development of a Mass-Circulation Press. Princeton University Press, 1991. 313 p.
97. *Ruud Ch.* Fighting words: Imperial censorship and the Russian press, 1804–1906. Toronto: University of Toronto Press, 1982. 327 p.
98. *Verner A.M.* The Crisis of Russian Autocracy: Nicholas II and the 1905. Revolution. Princeton (New Jersey), 1990. 372 p.

Приложение

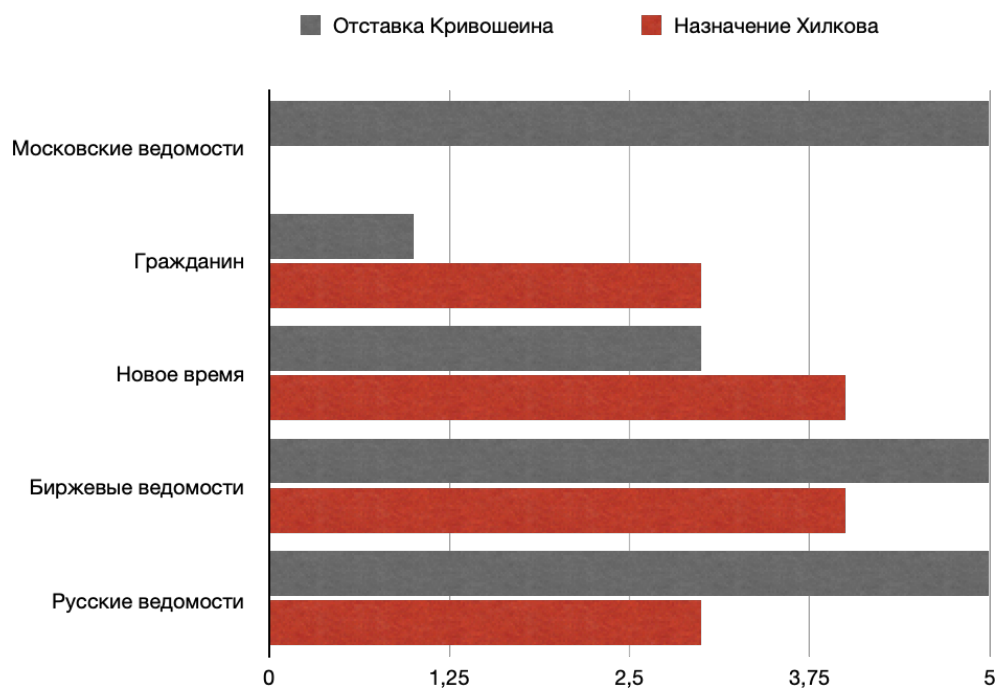

Рис. 1

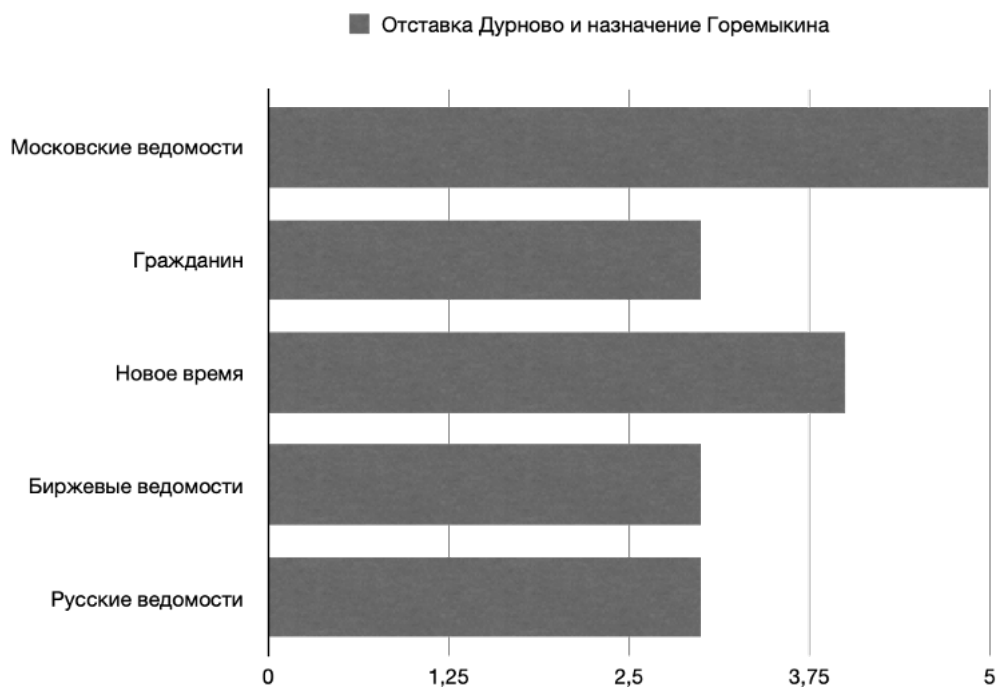

Рис. 2

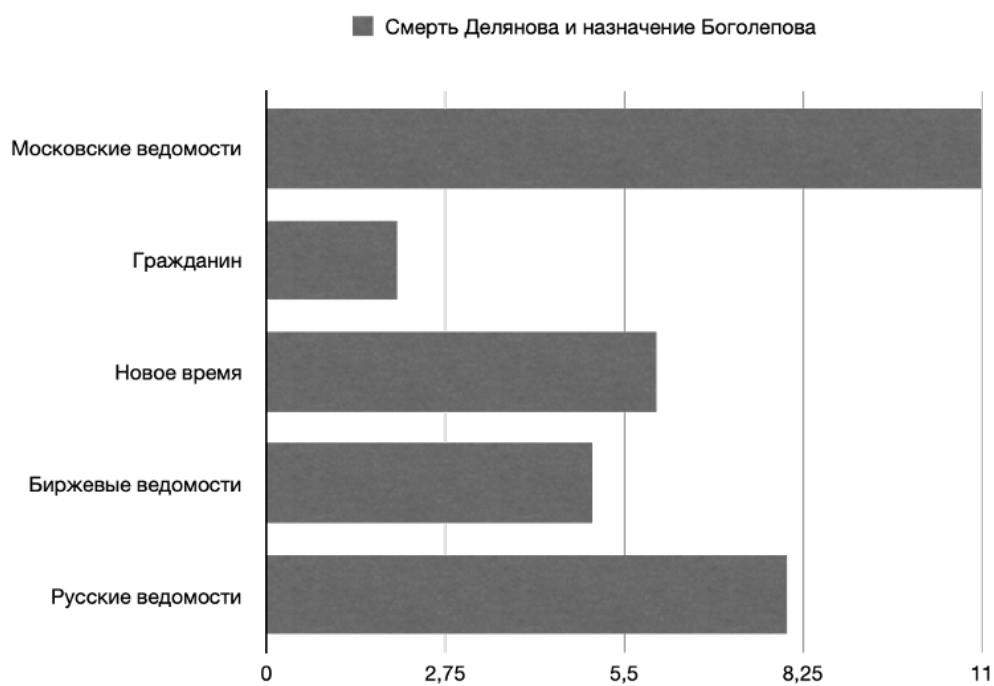

Рис. 3

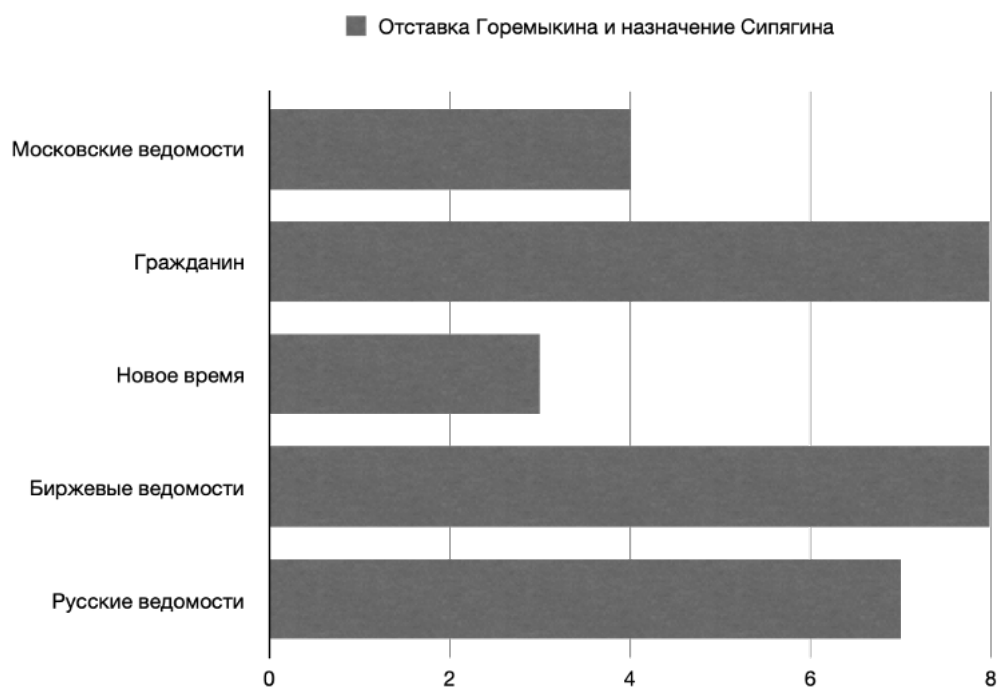

Рис. 4

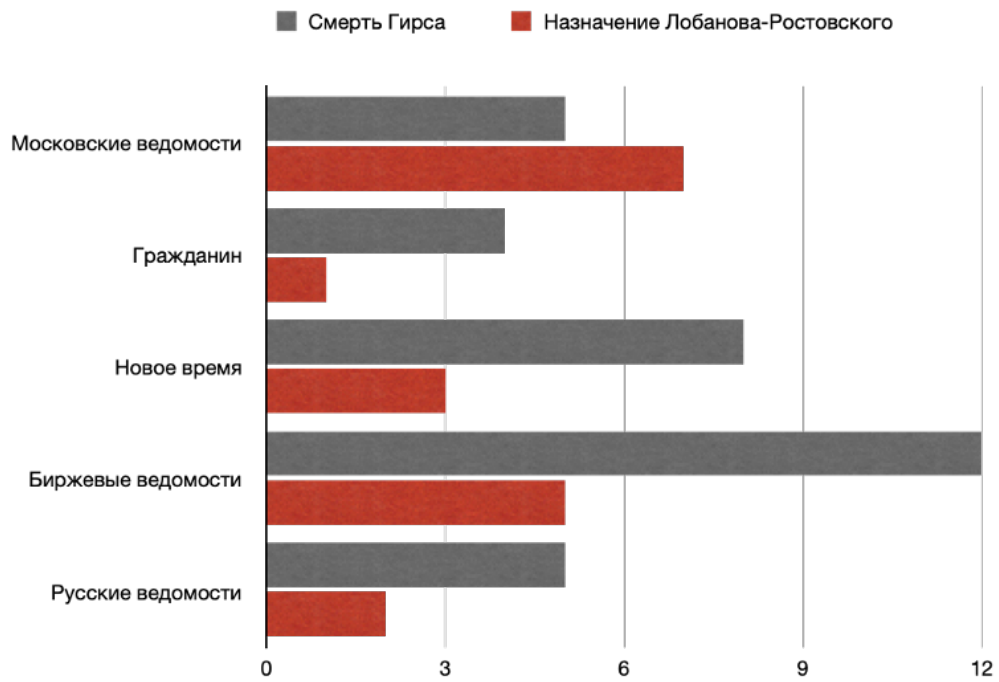

Рис. 5

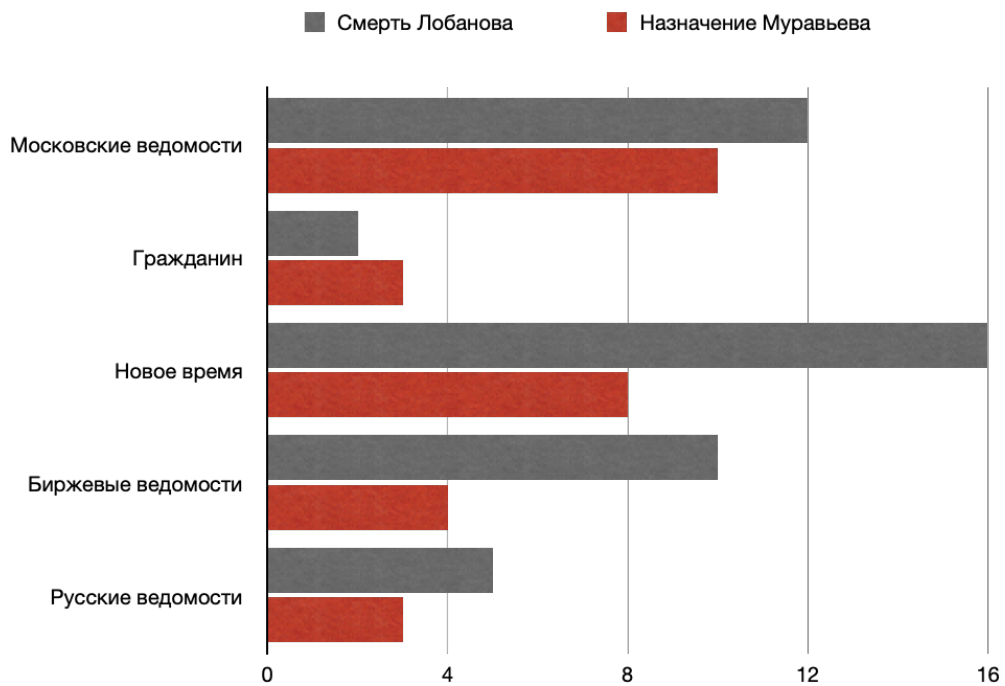

Рис. 6

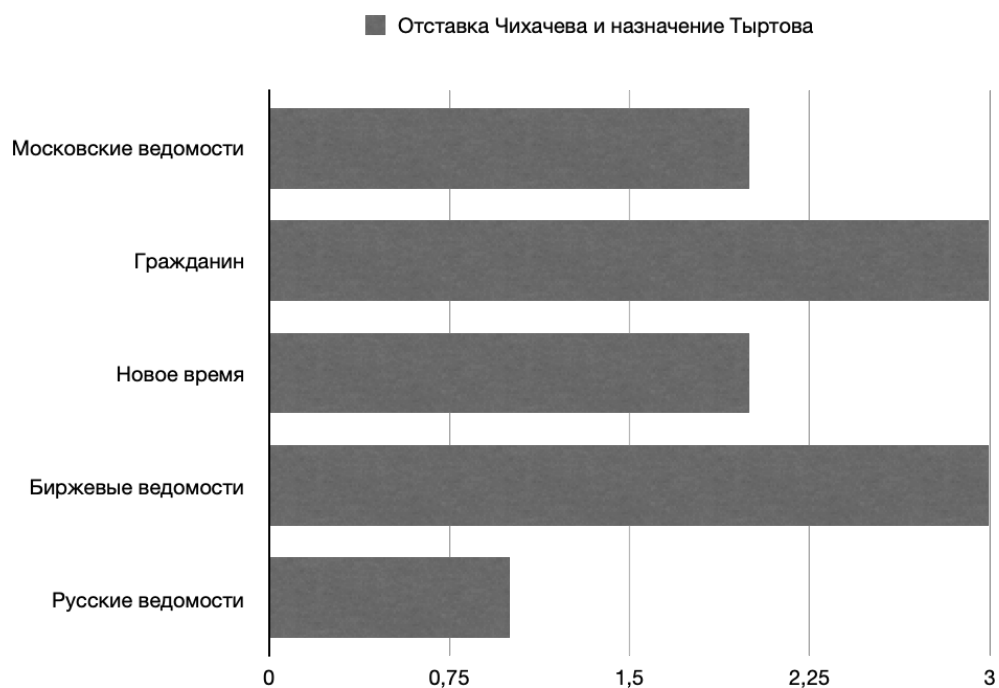

Рис. 7

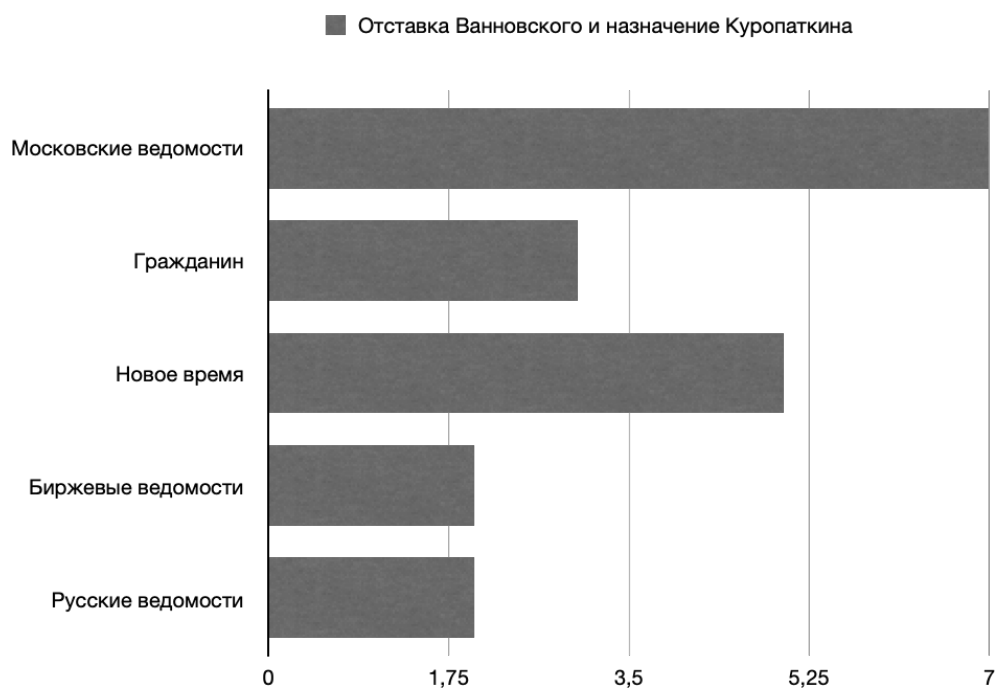

Рис. 8